Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Вологодский государственный педагогический университет»

Д.А. Черненко

Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII–XVIII вв. (опыт региональной типологии)

Вологда
«Древности Севера»
2008

УДК 94 (47).04
ББК 63.3 (2) 51
Ч-49

Издание подготовлено при поддержке гранта Президента Российской Федерации молодым кандидатам наук (проект МК-9661.2006.6).

Черненко Д.А. Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII–XVIII вв. (опыт региональной типологии). – Вологда: «Древности Севера», 2008. – 224 с.

Монография представляет собой комплексное изучение проблемы эволюции структуры сельского расселения и землевладения в центральной России XVII–XVIII вв. Основными источниками для написания работы послужили земельные описания данного периода: писцовые книги и Экономические примечания к Генеральному межеванию. Привлечение сведений этих кадастров по двум резко различающимся центральным уездам России позволяет рассмотреть различные варианты развития изучаемых процессов. Монография адресована специалистам по аграрной истории, исторической демографии, исторической географии.

ISBN 978-5-93061-038-3

© Вологодский государственный педагогический университет, 2008
© Д.А. Черненко, текст, 2008
© А.Л. Грязнов, карты, 2008
© ООО «Древности Севера», 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА 5
ВВЕДЕНИЕ 6
ГЛАВА I. АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ 23
1. Проблема достоверности земельных описаний XVII–XVIII вв. в отечественной историографии 23
2. Общая характеристика использованных источников 43
3. Писцовые сведения о пашенных угодьях 46
4. Население крестьянского двора по писцовым книгам 60
5. Типология сведений Экономических примечаний о сельских поселениях 71
ГЛАВА II. ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И СЕЛЬСКОЕ РАССЕЛЕНИЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII в. 81
1. Общая характеристика структуры землевладения . . . 81
2. Сельские поселения в первой трети XVII в. 87
3. Пустошь в структуре сельского расселения первой трети XVII в. 101
ГЛАВА III. ТИПЫ ЭВОЛЮЦИИ СТРУКТУРЫ РАССЕЛЕНИЯ В XVII–XVIII вв. 116
1. Методы соотнесения топонимов писцовых книг и Экономических примечаний 116
2. Ранняя стабилизация структуры расселения (Суздальский уезд) 124
3. Вынужденное обновление структуры сельского расселения (Алексинский уезд) 142

ГЛАВА IV. ЭВОЛЮЦИЯ СТРУКТУРЫ ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В XVII–XVIII вв. 152

1. Личное и фамильное землевладение в Суздальском уезде в XVII–XVIII вв. 152

2. «Владельческий комплекс» как основной элемент пространственной организации землевладения в XVII–XVIII вв. 165

3. Личное и фамильное землевладение в Алексинском уезде в XVII–XVIII вв. 181

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 193

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ 212

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 206

ПРИЛОЖЕНИЯ 213

Карта 1. Станы Горетов и Сухода и Кондырев Суздальского уезда в 1628–1630 гг.

Карта 2. Владения рода Побединских в первой трети XVII в.

Карта 3. Владения рода Побединских в конце XVIII в.

Карта 4. Владения Ф. А. Токмачева в конце XVIII в.

Карта 5. Владения Е. А. Цвиленевой в конце XVIII в.

Карта 6. Владения семей Ошаниных и Самсоновых в конце XVIII в.

Карта 7. Владения семьи Мельгуновых в конце XVIII в.

Карта 8. Владения А. И. Алалыкина в конце XVIII в.

Карта 9. «Расширенный район сопоставления». Суздальский уезд в XVII–XVIII вв.

Посвящаю светлой памяти моего учителя –
Леонида Васильевича Милова

ОТ АВТОРА

Представляя вниманию специалистов свое скромное исследование, автор хотел бы искренне поблагодарить своих коллег за оказанную поддержку. Выражаю особую признательность Е.Н. Швейковской, А.И. Комиссаренко и Н.В. Пиотух за ценные рекомендации, высказанные ими на стадии подготовки и обсуждения данной работы в Московском государственном университете. Также очень ценным для меня было и остается общение с Д.А. Хитровым, не раз делившимся со мной своим опытом в работе над близкими исследовательскими сюжетами. Хочу поблагодарить А.Л. Грязнова за проявленный интерес к данной работе и подготовку серии карт, что открыло дополнительные возможности для дальнейшего изучения затронутых в работе проблем. Наконец, исключительно важна для меня возможность обсуждения различных аспектов аграрной истории России XVII–XVIII вв. с коллегами по Вологодскому государственному педагогическому университету – М.С. Черкасовой, И.В. Пугачем и Е.Р. Дружининым. Автор выражает признательность творческому коллективу научного центра «Древности Севера» за проявленное участие в осуществлении данной публикации.

ВВЕДЕНИЕ

Для отечественной историографии характерен особый интерес к проблемам аграрной истории феодальной России, в том числе и к вопросам истории сельского расселения и феодального землевладения. Это вполне закономерно, поскольку в этот период (как и на протяжении большей части своей истории) Россия оставалась аграрным обществом, для которого вопросы освоения, использования и принадлежности земельных ресурсов имели важнейшее значение. Локальные системы поселений и земельных владений играли роль «базовых элементов» пространственно-экономической организации аграрного общества. Направление эволюции этих локальных систем указывает на важные тенденции в социально-экономической истории России в целом, поэтому их изучение представляется актуальной задачей.

Цель данного исследования состояла в том, чтобы показать характер эволюции структуры сельского расселения и землевладения в долговременной исторической перспективе (примерно полтора столетия – с 1620-х гг. до последней четверти XVIII в.). Речь пойдет о таких явлениях, как характер использования земельных массивов, степень обновления или устойчивости системы сельских поселений, ее способность к регенерации после кризиса начала XVII в., факторы роста и возникновения новых поселений и т. п. Продуктивность этого направления научных поисков видна, в частности, из материалов XXVI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы[1]. Оно актуально и для монографических исследований. Так, в новейшей монографии М.С. Черкасовой рассматриваются состав огромной территории вотчины Троице-Сергиева монастыря, различные характерные для нее модели сельского расселения, структура землепользования и целый ряд других вопросов, связанных с обозначенной выше проблематикой[2].

Вторым направлением исследования стало изучение уездной структуры землевладения в XVII–XVIII вв. Стоит подчеркнуть, что данный период является временем глубокой трансформации разно-

[1] Особенности российского земледелия и проблемы расселения (материалы XXVI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы). Тамбов, 2000.

[2] *Черкасова М.*С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–начала XVII вв. (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). М., 2004.

родного социального слоя «служилых людей по отечеству» в привилегированное, достаточно консолидированное и господствующее экономически и политически дворянское сословие. Как известно, важнейшими вехами этого процесса стали окончательное упразднение всяких правовых различий между вотчиной и поместьем (1714 г.), отмена введенного Петром единонаследия (1731 г.) и освобождение дворянства от обязательной государственной службы (1762 г). Эти решительные перемены в социальном положении дворянства и формально-правовом статусе его собственности рассматривались в советской историографии в контексте проблемы кризиса феодально-крепостнических отношений и формирования капиталистического уклада. В результате некоторые историки (Н.И. Павленко, А.А. Преображенский) пришли к выводу о том, что, приспосабливаясь к новым (формирующимся) буржуазным отношениям, государство в XVIII в. упразднило всякие ограничения на дворянское землевладение, превратившееся в результате из условного фактически в безусловное[3].

Более скептический взгляд на эти изменения содержится в работе Б.В. Носова, показавшего, что многие элементы ее «условности» все же сохранялись[4]. Поддержка государством института родовой дворянской собственности в ущерб индивидуальной, ответственность помещика своим имением перед государством при уплате подушной подати, сохранение практики земельных пожалований и конфискаций означали сохранение за государством права верховного собственника. Проблема государственных конфискаций дворянских земель стала основной в ряде работ Е.И. Индовой и К.В. Сивкова, которые показали, что эти меры имели массовый характер, особенно в первой половине XVIII в. Так, по данным К.В. Сивкова, только за первую четверть XVIII в. было отписано около 3 тыс. дворянских имений в почти 80 уездах страны[5].

---

[3] *Павленко Н.И.* К вопросу об эволюции дворянства в XVII–XVIII вв. // Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960; *Преображенский А.А.* Об эволюции феодальной земельной собственности в России XVIII – начала XIX в. // Вопросы истории. 1977. № 5.

[4] Носов Б.В. О праве распоряжения феодальной земельной собственностью в 60-е – 70-е гг. XVIII в. // Проблемы истории СССР. Вып. XIII. М., 1983.

[5] *Сивков К.В.* Отписные книги начала XVIII в. как исторический источник // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940. С. 369.

Е.И. Индова убедительно показала, что и в первой половине XVIII в. речь идет не просто о конфискациях, а о государственном перераспределении дворянского земельного фонда, поскольку, по ее данным, из примерно 171 тыс. душ крестьян, пожалованных дворянам казной в этот период, только 24 тыс. были взяты из государственных земель, а остальные были перед этим конфискованы у других дворян[6]. Это было возможно потому, что конфискации земель существенно превышали раздачи. Так, количество крестьян, конфискованных в первой половине XVIII в. только у 8 (!) владельцев, было даже несколько больше, чем общее количество розданных всем дворянам за то же время[7]. Удары, наносившиеся государством такой политикой, были исключительно тяжелы даже для представителей верхушки дворянства. В этой связи интересен составленный Е.И. Индовой перечень знатных родов, оскудевших или вовсе пресекшихся во второй половине XVII – первой половине XVIII в. (а это как раз период между валовым писцовым описанием и Генеральным межеванием). В нем немало фамилий, владевших в первой четверти XVII в. крупными вотчинами (Ромодановские, Вяземские, Шуйские, Пожарские, Хованские и др.)[8].

Представляется, что сопоставление массового материала земельных описаний, фиксирующих землевладение дворянства как в период его служилого (писцовые книги), так и привилегированного (Экономические примечания) статуса, позволит уточнить, как на локальном уровне изменение правового положения дворянско-

---

[6] *Индова Е.И.* К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975. С. 279.

[7] Там же. С. 280.

[8] Там же. С. 290–291. Отметим, что именно материал земельных описаний по отдельным регионам позволяет уточнять подобные списки, составляющиеся, видимо, на основе разного рода сводных ведомостей. Так, указанные как пресекшиеся рода Нарышкиных, Гагариных, Вадбольских в последней четверти XVIII в. владели землями в Алексинском уезде. О сохранении представителями этих угасавших фамилий ведущих позиций в структуре землевладения Центрального Черноземья в первой половине XVIII в. говорится и в новейшем исследовании С.В. Черникова. См.: *Черников С.В.* Дворянские имения Центрально-Черноземного региона России в первой половине XVIII века. Рязань, 2003. С. 158.

го сословия отразилось на его собственности. В связи с этим предполагается рассмотреть такие аспекты, как степень устойчивости структуры дворянского землевладения на протяжении столь длительного периода, наличие или отсутствие тенденции к ее дроблению, измельчанию или концентрации, преемственность фамильного состава владельцев, изменение их численности, степень устойчивости пространственной организации землевладения. Эти задачи представляются тем более важными, что традиционно изменения в феодальном землевладении исследовались на примере отдельных владений, обычно крупных, по которым сохранились богатые вотчинные архивы. Типичное (среднее и мелкое) владение XVII–XVIII вв., как это ни странно, пока еще не стало предметом комплексного анализа.

При этом мы вполне осознаем главный изъян «поуездного» подхода к изучению землевладения, при котором невозможно учесть то обстоятельство, что русский дворянин вполне мог владеть землями и крестьянами в нескольких уездах. Причем широкое распространение такой ситуации приходится, видимо, как раз на рассматриваемый период. Как показал А.А. Новосельский на примере Тульского уезда, если в 1620-е гг. 64 % тульских дворян владели землями только в его пределах, то к последней четверти XVII в. их доля сократилась до 25 %. Автор, впрочем, подчеркивал, что не стоит абсолютизировать эту тенденцию, отмечая, что от 60 до 90 % остальных дворян помимо «основного» уезда (по списку которого они служили) владели землями только в одном уезде – соседним с первым[9]. Однако проблема остается, и в рамках осуществленного в этой работе подхода она неустранима, поскольку тщательная проработка материала в подобном индивидуальном исследовании возможна лишь на локальном уровне по причине большой трудоемкости.

Источниковую базу исследования составили материалы кадастрового типа: писцовые книги 1620-х гг. и Экономические примечания к Генеральному межеванию 1770–1780-х гг. В этих источниках, подробный анализ которых будет представлен ниже,

[9] *Новосельский А.А.* Распад землевладения служилого «города» в XVII в. (по десятням) // Русское государство в XVII в. М., 1961.

зафиксированы все важнейшие сведения о каждом сельском поселении: количество земельных угодий различных типов, населенность, владельческая принадлежность, качество земли, наличие мельниц, торжков, господских усадеб и др. В нашем распоряжении нет источников, анализ и сопоставление которых может дать более детальную и широкую по территориальному охвату динамическую картину экономических и демографических процессов в России XVII–XVIII вв.

Проблема сопоставления этих крупнейших земельных описаний в истории России принадлежит к числу практически не разработанных, хотя о необходимости таких исследований писал еще С.Б. Веселовский[10]. Однако еще до появления работ на конкретном материале А.Л. Шапиро была высказана крайне скептическая оценка продуктивности такого сопоставления[11]. Данная задача до сих пор была поставлена только в последнее время в работах ряда авторов – учеников академика Л.В. Милова[12]. Поэтому наше исследование имеет и определенную источниковедческую, и методологическую направленность.

Соотнесение материалов писцового и межевого описаний проведено в исследовании на уровне отдельных сельских поселений. Это дает возможность исследовать динамику численности населения и состояние сети населенных пунктов, выявить факторы, опре-

---

[10] *Веселовский С.Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1936. С. 100.

[11] *Шапиро А.Л.* Некоторые источниковедческие вопросы истории сельского хозяйства России (о составлении описей XVII, XVIII и XIX вв.) // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964.

[12] *Пиотух Н.В.* Деревня, сельцо, село: типология сельских поселений // Россия в Средние века и Новое время. М., 1999; *Она же.* Сельское расселение и его динамика: первая половина XVII – вторая половина XVIII в. // Особенности российского земледелия и проблемы расселения (материалы XXVI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы). Тамбов, 2000 и др.; *Хитров Д.А.* К вопросу о тенденциях в развитии крестьянского землепользования в Центральном Нечерноземье в XVII–XVIII вв. // Вестник архивиста. 2003. № 5–6; *Черненко Д.А.* Пустошь как элемент структуры сельского расселения в XVII–XVIII вв. // Сельская Россия: прошлое и настоящее (исторические судьбы северной деревни): Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.; Сыктывкар, 2006.

делявшие развитие и упадок тех или иных сельских поселений, интенсивность роста населения, выяснить направления эволюции землепользования.

В основе выбора районов изучения лежало стремление рассмотреть эволюцию расселения и землевладения в различных социально-экономических условиях. На наш взгляд, это необходимо для большей репрезентативности выводов исследования. Так, в работе использованы материалы по Алексинскому и Суздальскому уездам.

Время возникновения города Алексина неясно. Наиболее часто встречается указание на конец XIII в. Возможно, город возник как пограничная крепость на Оке в составе Тарусского княжества (одного из Верховских княжеств). Однако первое летописное упоминание относится лишь к 1348 г.: об Алексине говорится в связи с нашествием мурзы Темира, который сжег город. Известно, что в XIV в. Алексин принадлежал московским митрополитам (начиная с Петра). В 1392 г. великий князь московский Василий I Дмитриевич добился от хана Тохтамыша ярлыка на владение Тарусским княжеством и вынудил митрополита Киприана отдать ему Алексин в обмен на волость в Ростовской земле. В 1401 г. город был пожалован в удел серпуховскому князю Владимиру Храброму. После гибели серпуховских князей от моровой язвы в 1426–1427 гг. город снова оказался в составе Великого княжества Московского. Как пограничная крепость Алексин сыграл важную роль в отражении в 1472 г. похода хана Ахмата, но в ходе осады город был сожжен. Вместе с городами Старицей и Вереей Алексин входил в состав Старицкого княжества, упраздненного в 1566 г. Видимо, с этого времени и можно говорить о формировании собственно Алексинского уезда.

Лишь в XVII в. Алексин утратил военно-стратегическое значение, составляя часть все еще небезопасной «московской украйны». Ещё в XVI в. здесь стоял сторожевой полк русского войска, поэтому уезд и до Смуты слабо пополнялся населением[13]. Поэтому здесь полностью преобладало поместное землевладение, а все вотчины относились к разряду выслуженных. Разумеется, такая область не могла быть густо заселена. Как писал С.Ф. Платонов, украинные города «не могли дать приюта и опоры поселенцу,

[13] *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации. М., 1996. С. 296.

который стремился поставить свою соху на тульском и пронском черноземе. Не могли эти крепости и задерживать шайки татар в их быстром и скрытном движении к берегам средней Оки»[14].

Суздальский уезд сформировался на основе Суздальского княжества, выделившегося из Владимиро-Суздальского в 1217 г., когда Суздаль был передан Юрию, сыну Всеволода Большое Гнездо. В 1238 Суздальское княжество было выделено в удел другому сыну Всеволода – Святославу. В конце 50-х гг. XIII в. оно перешло под власть князя Андрея Ярославича, брата Александра Невского, в дальнейшем находилось в руках его потомков. В 1328 г. произошло слияние Нижегородского и Суздальского княжеств. В середине XIV в. княжеская резиденция была перенесена в Нижний Новгород, а объединенное княжество стало именоваться Суздальско-Нижегородским. В 1392 г. Суздаль захвачен московским князем, а в 1402 окончательно присоединен к Московскому княжеству. Тем не менее во время усобицы второй четверти XV в. на короткий период суздальские князья добивались независимости. После этого бывшее княжество окончательно переходит под власть московских князей.

В отличие от Алексинского, к моменту писцового описания 1620-х гг. Суздальский уезд представлял собой староосвоенный район, известный своими торгами и промыслами. Иной, чем в Алексинском уезде, была здесь и структура землевладения. На протяжении всего XVI в., включая и период опричного террора, около половины землевладельцев представляли собой верхний слой дворянства[15], а в первой трети XVII в. Суздальский уезд входил в группу уездов, в которых в первой трети XVII в. была наибольшая концентрация родовых княжеско-боярских вотчин и крупных владений нетитулованного дворянства[16]. Такой состав землевладельцев обусловил и наличие здесь больших княжеско-боярских поместий. Кроме того, здесь располагались владения духовных феодалов: патриарха, архиепископа, и особенно монастырей – Спасо-Ефимьева и Покровского в Суздале,

---

[14] *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995. С. 55.

[15] *Фомин Н.К.* Социальный состав землевладельцев Суздальского уезда // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 94.

[16] *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII в. М., 1990. С. 183.

Троице-Сергиева, Рождественского во Владимире и др.

Но самое главное различие между уездами состоит в масштабах опустошения начала XVII в. Если Алексинский уезд дает пример типичного для того времени хозяйственно-демографического упадка (запустел каждый третий двор), то Суздальский уезд, как показал Ю.В. Готье, гораздо меньше пострадал в период Смуты[17]. Между тем, в сравнительно-типологических работах исследователи до сих пор имели дело с разоренными районами. Теперь же, по сути дела, впервые можно говорить о социально-экономических процессах, происходивших в «нормальных» и даже в весьма благополучных условиях, без существенной скидки на кризис начала XVII в.

Несколько слов о подходе к проблеме сопоставления наших источников. Конечно, его оптимальным результатом было бы уяснение динамики изменений в направлении от XVII в. к XVIII в. Но здесь возникает непреодолимая трудность. Дело в том, что административные границы уездов на протяжении XVII–XVIII вв. сильно изменились. Так, обширная территория Суздальского уезда XVII в. в результате губернской реформы 1775 г. была распределена между шестью уездами (собственно Суздальским, Юрьев-Польским, Шуйским, Ковровским, Гороховецким уездами Владимирской губернии и Нерехотским уездом Костромской губернии). Границы менее значительного по размерам Алексинского уезда в XVII и в XVIII вв. различались не столь сильно.

Не имея картографических материалов по XVII в., можно лишь в грубом приближении вычленить тот массив писцовой статистики, который территориально соответствовал бы материалам Генерального межевания. С этой целью нами был выделен, а А. Л. Грязновым картографирован «расширенный район сопоставления», представляющий собой группу станов XVII в., «покрывающих» территорию Суздальского уезда последней четверти XVIII в. (См. карту 9 в приложении).

Следовательно, при сопоставлении материалов двух кадастров приходится идти от материала XVIII в. к материалу XVII в., то есть искать в писцовых книгах соответствия (топонимы и владельческие фамилии) более позднему материалу Экономических примечаний. Такое направление анализа придает нашим результатам характер

[17] *Готье Ю.В.* Замосковный край в XVII веке. Очерк по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906. С. 134–135, 137–138.

некой «обратной перспективы». Например, наш вывод об устойчивости структуры сельского расселения означает не то, что мы нашли большую часть писцовых поселений и пустошей в Экономических примечаниях – ведь мы не знаем, от какого целого должна рассчитываться эта «большая часть». На деле этот вывод означает, что большая часть поздних поселений и пустошей восходит к периоду писцового описания, то есть говорит не столько об устойчивости, сколько о слабой степени обновления структуры сельского расселения. Разница, в общем, не принципиальна, но надежность выводов при таком «обратном» движении исследования значительно выше. Тем более, что, как показали результаты исследования, при движении от писцовых книг мы рискуем не найти некую пустошь или мельчайшее поселение не потому, что они исчезли, а потому, что Экономические примечания их больше не фиксировали.

Сопоставление данных писцовых книг и Экономических примечаний производилось на уровне отдельных поселений и пустошей, что подразумевало тщательную проработку каждого топонима. На основе указанных земельных описаний были созданы четыре электронные базы данных, которые в дальнейшем подвергались сплошной обработке.

Уже на завершающей стадии данного исследования появилась возможность опереться на результаты тщательной работы по картографированию материалов суздальской писцовой книги и Экономических примечаний. Карты были выполнены А.Л. Грязновым. Результатом проделанной им работы стала подробная карта двух станов Суздальского уезда XVII в. (Сухода и Кондырев, Горетов; локализован 31% из 495 писцовых топонимов) и карта Суздальского уезда XVII–XVIII вв. (локализован 21% из 3282 писцовых топонимов). Впервые удалось максимально точно определить административные границы в этом районе (между Суздальским, Юрьев-Польским и Шуйским уездами, а также границы станов внутри этих уездов). Метод картографирования владельческих комплексов XVII–XVIII вв. на этой территории оказался весьма продуктивным в сочетании с анализом уже созданных баз данных и, как можно надеяться, еще получит дальнейшее развитие. И хотя в настоящей работе метод картографического анализа играет вспомогательную роль, следует сказать несколько слов о методике составления карт.

В качестве топоосновы был использован «Атлас Владимирской области», составленный в масштабе в 1 см: 2 км (1:200 000). Атлас был отсканирован, что позволило составлять собственные карты-схемы в программе CorelDraw. Для большей детализации были также использованы карты Генерального штаба[18]. Вместе эти материалы позволили нанести речную сеть и локализовать примерно треть от всех нанесенных на карту топонимов писцовой книги.

Затем был использован «Атлас Менде»[19]. С его помощью удалось отчленить массив позднейших (относящихся к советскому периоду) топонимов. Существенно детализируется речная сеть района, устанавливаются прежние русла рек (например, русло реки Суходы в результате мелиорации в советский период было изменено). Данный Атлас отличается хорошей сохранностью, что особенно ценно в связи с тем, что, как было установлено опытным путем, нумерация дач в нем полностью совпадает с нумерацией в Экономических примечаниях по уездам Владимирской губернии.

И, наконец, были использованы Уездные планы самого Генерального межевания[20], за счет которых было локализовано почти две трети топонимов.

Говоря об историографии изучения затрагиваемых в работе вопросов, отметим, что, хотя исследовательская литература, базирующаяся на материалах Экономических примечаний и (особенно) писцовых книг, достаточно велика, работ, в которых предпринимается сплошная обработка материала, немного. В них наиболее частым подходом стало выявление и соотнесение обобщенных статичных картин сельского расселения. Так, производятся сводные подсчеты по основным параметрам (количество поселений и пустошей в том или ином уезде, их

---

[18] Карты Генерального штаба. Масштаб 1:100000. О-37-105 (М., 1992), О-37-116 (М., 1994), О-37-117 (М., 1982). Масштаб 1:50000. О-37-105-А (М., 1991), О-37-105-Б (М., 1991), О-37-105-В (М., 1991), О-37-105-Г (М., 1991).

[19] Атлас Менде. Владимирская губерния. 1850. Масштаб 2 версты в 1 дюйме (1:84000). Листы: I–3, II–3.

[20] Владимирская губерния. Суздальский уезд 1780–90-е гг. Масштаб 2 версты в 1 дюйме (1:84000); Владимирская губерния. Шуйский уезд 1780–90-е гг. Масштаб 2 версты в 1 дюйме (1:84000); Владимирская губерния. Юрьев-Польский уезд 1780–90-е гг. Масштаб 2 версты в 1 дюйме (1:84000).

сравнительная группировка по типам, величине и т.п.) в тот или иной период[21]. Такой подход в целом оправдан, он позволяет выявить определенные тенденции в развитии региона, и в данной работе он тоже используется. Однако, к сожалению, изучение проблемы преемственности территориальной структуры сельского расселения (или, напротив, степени ее обновления) в этом случае в принципе невозможно. Для этого сопоставление материалов описаний должно проводиться не на уровне общих статистических показателей по уезду, а на уровне каждого отдельного топонима. Только так можно получить картину не только количественных, но и качественных изменений и ответить на вопрос, насколько сильно позднейшая структура расселения восходит к предшествующей. Пока есть лишь несколько работ подобного рода[22].

---

[21] Аграрная история Северо-Запада России: В 4 т. Сведения о поселениях XVII в. содержатся в последнем томе (см.: Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование). Л., 1989); Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV–XVII веках. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980; *Кузнецов В.И.* Из истории феодального землевладения России (по материалам Коломенского уезда). М., 1993 и др.

[22] *Витов М.В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков (из истории сельских поселений). М., 1962; *Водарский Я. Е.* Вологодский уезд в XVII веке (к истории сельских поселений) // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вып.3. Вологда, 1970; *Пиотух Н.В.* Сельское расселение и его динамика: первая половина XVII – вторая половина XVIII веков // Особенности российского земледелия и проблемы расселения. Материалы XXVI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов, 2000. Особенно стоит отметить масштабный проект тамбовских историков по изучению сети поселений в Тамбовском регионе за длительный период. См.: *Аврех А.Л., Есиков С.А., Канищев В.В., Мизис Ю.А., Протасов Л.Г.* Формирование и развитие сельских населенных пунктов (СНП) Тамбовской области (XVII–XX вв.) // Там же. Также из новейших исследований, в которых на основе сопоставительного анализа писцовых книг рассматривается эволюция структуры расселения и землевладения, необходимо назвать диссертацию И.В. Пугача, посвященную широкому кругу вопросов социально-экономической истории Устюжны и Устюженского уезда XVI–XVII вв. См.: *Пугач И.В.* Устюжна Железопольская и уезд в XVI – первой половине XVII в.: территория, население, хозяйство. Вологда, 1999. Опубликовано на сайте Вологодской областной универсальной научной библиотеки (http://www.booksite.ru/fulltext/us/tyu/jna/index.htm).

Отметим также, что на основе результатов обработки писцовых книг был высказан ряд суждений по вопросам типологии сельских поселений. Так, Н.И. Воронин выступил с решительным заявлением, что смена формаций вызывает появление того или иного типа сельских поселений, в результате погост у него стал «устойчивым элементом еще доклассового порядка», слобода «отражает период разложения общины», а село предстает как «фокус феодального способа производства»[23]. Эта чрезмерно категоричная гипотеза была в дальнейшем подвергнута критике[24]. С.Б. Веселовский показал, что именно в крупных северо-восточных селах – центрах вотчин – впервые устанавливаются окладные единицы и наделы. Этим, а также наличием крупных участков пашни он обосновывал свой тезис, что в селах раньше возникает господская запашка и устойчивый трехпольный севооборот[25]. Но писцовый материал не позволяет проверить это важное предположение, что вынуждает использовать другие подходы к характеристике поселений. Так, Н.В. Пиотух доказала, что собственно типологические отличия между сельскими поселениями России XVII–XVIII вв. далеко не исчерпываются теми различиями, которые были отмечены еще авторами XIX в. (в селе, как правило, располагается церковь, а в сельце – господский двор). Ею были показаны особенности разных типов поселений с точки зрения социального состава населения и, самое главное, различные экономические функции, выполнявшиеся ими в пространственной структуре расселения. В частности, Н.В. Пиотух предложила рассматривать село как своего рода эквивалент городского поселения в Западной Европе, возникающий в ситуации гораздо менее густой сети городов в России XVII– XVIII вв.[26].

Говоря об изучении пространственной структуры сельского расселения, стоит в первую очередь отметить известную работу М.В. Витова[27]. Анализируя писцовые книги – основной источник

---

[23] *Воронин Н.И.* К истории сельского поселения феодальной Руси. Л., 1935. С. 58.

[24] *Витов М.В.* Указ. соч. С. 13; *Романов Б.А.* Указ. соч. С. 340.

[25] *Веселовский С.Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1936. С. 142–143.

[26] *Пиотух Н.В.* Деревня, сельцо, село: типология сельских поселений // Россия в Средние века и Новое время. С. 207–208, 210.

[27] *Витов М.В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков (из истории сельских поселений). М.,1962.

своего исследования, – автор приходит к следующему выводу: «Если по ряду вопросов, интересующих историков народного хозяйства, писцовые книги не являются надежным источником, то в отношении самих поселений дело обстоит более–менее благоприятно»[28]. По мнению Витова, писцовые книги содержат почти полный список названий поселений. Изучение типов расселения приводит историка к необходимости создания карты. Витов убедительно доказывает, что к каждому из выбранных источников требуется своя карта, так как объединение их сведений на одной карте может привести к искажениям. В результате им были получены 8 карт Шунгского погоста, составленные на основе материалов Генерального межевания. Сопоставление этих карт позволило ему дать динамический ряд развития сельских поселений. Основной помехой при анализе этого развития является изменчивость названий. Витов предлагает методику идентификации поселений. Она включает в себя изучение порядка перечисления поселений, сличение списков их населения, использование актового материала. Автор подчеркивает, что в условиях Севера местоположение поселений очень устойчиво, что позволяет ему соотнести большую их часть.

Среди работ, посвященных сельскому расселению, особняком стоит исследование А.Я. Дегтярева[29]. На материале, охватывающем около 100 тыс. сельских поселений, автор показал эволюцию сельского расселения в XV–XVII вв. Его собственный материал охватывает в основном обширный район новгородских пятин, однако за счет использования данных, опубликованных предшествующими исследователями, А.Я. Дегтярев смог дать характеристику сельских поселений и других регионов. При этом ему удалось убедительно показать воздействие целого ряда факторов на развитие сельских поселений (почвенные условия, фискальная политика государства, эволюция ренты). Менее убедителен, на наш взгляд, тезис автора, восходящий к идеям «Аграрной истории Северо-Запада России», о том, что в этом регионе вызревала некая буржуазно-капиталистическая альтернатива развития хозяйства, что положительно сказалось и на развитии сети

[28] *Витов М.В.* Указ. соч. С. 28.

[29] *Дегтярев А.Я.* Русская деревня в XV–XVII веках. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980.

поселений, а последующее форсированное внедрение принудительных, крепостнических отношений прервало этот процесс[30].

В новейших исследованиях по истории сельского расселения находят применение и самые современные технологии. Так, Н.В. Пиотух в своих работах использовала методы компьютерного картографирования. Это позволило ей произвести типологизацию выбранной территории и выделить факторы, влияющие на пространственное размещение сельскохозяйственной деятельности ее населения[31]. Кроме того, автором были предложены методические приемы и результаты компьютерного картографирования при сопоставлении данных писцовой книги и Экономических примечаний[32]. Полученная Н.В. Пиотух географическая информационная система (ГИС) «позволяет привязать описательную (атрибутивную) информацию к картографическим объектам и анализировать ее с учетом этой привязки»[33]. Таким образом, речь идет не о наглядности результатов исследования, а о создании особой базы данных и методиках работы с нею, позволяющих получить новые результаты в области социально-экономической истории. Метод создания ГИС на основе писцового материала и последующего ее анализа использован также в новейшем исследовании по истории Нижегородского края А.А. Давыдовой[34].

Отмеченные выше недостатки в подходе к материалу источников

---

[30] Надо подчеркнуть, что оптимистические выводы авторов «Аграрной истории Северо-Запада России» относительно вызревания предпосылок буржуазного хозяйства в Новгородской земле в XV–XVI вв. должны быть совершенно пересмотрены в свете результатов новейшего исследования Л.Г. Степановой. См.: *Степанова Л.Г.* Новгородское крестьянство на рубеже XV–XVI столетий (уровень развития хозяйства). М., 2004.

[31] *Пиотух Н.В.* Сельское расселение и его динамика: первая половина XVII – вторая половина XVIII веков // Особенности российского земледелия и проблемы расселения. Материалы XXVI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тамбов, 2000.

[32] *Пиотух Н.В.* О возможностях компьютерного картографирования при работе с данными писцовых книг начала XVII в. и материалами Экономических примечаний второй половины XVIII в. // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. М., 1996.

[33] Там же. С. 309.

[34] *Давыдова А.А.* «Пространственно-демографические изменения и особенности структуры расселения Нижегородского уезда в конце XVI–XVII вв.» // Диссертация опубликована (частично) на сайте «Открытый текст» (http://www.opentextnn.ru/history/histgeography/)

кадастрового типа стоит распространить и на работы, посвященные структуре землевладения: вопрос о ее преемственности ставился весьма редко. Исследователи сопоставляли статичные обобщенные картины землевладения по количественным параметрам (доля поместий и вотчин в уездной структуре землевладения, общее количество владений различных типов, их группировка по величине, населенности и т.п.)[35]. Хотя отдельные примеры более детального сопоставительного анализа материалов писцовых книг, конечно, необходимо назвать.

Так, О.А. Шватченко в своей работе воссоздал состав светских вотчинников по 83 уездам Европейской части России, дал социально-географическую характеристику вотчины, проанализировал процесс складывания и развития светской вотчины и влияния на этот процесс политики Василия Шуйского и Михаила Романова[36]. Характеризуя главный источник этой монографии – писцовые книги 20-х – 30-х гг. XVII в., – Шватченко настаивает на тщательной проверке писцами данных, заносимых в книги[37]. Работа содержит историографический очерк, в заключении которого автор приходит к следующему выводу: «Из сказанного ясно, что писцовые книги 20-х – 30-х гг. XVII в. сохранили информацию практически обо всем вотчинном фонде светских феодалов. Эта сумма достоверных данных позволяет создать наиболее полную картину состояния и эволюции светской вотчины в первой трети XVII в. на всей территории Российского государства»[38]. Данная работа О.А. Шватченко, а также появившиеся в дальнейшем его комплексные исследования вотчинного землевладения по всей Европейской России во второй половине XVII[39] и в первой четверти

---

[35] *Водарский Я.Е.* Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в. М., 1988; Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование). Л., 1989; *Кузнецов В.И.* Из истории феодального землевладения России (по материалам Коломенского уезда). М., 1993 и др.

[36] *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII века. М., 1990.

[37] Там же. С. 9.

[38] Там же. С.13.

[39] *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины России во второй половине XVII века. М., 1996.

XVIII в.[40], безусловно, надолго останутся совершенно необходимыми для всякого исследователя дворянства XVII–XVIII вв.

Новаторский подход к изучению данных писцовых книг предложил А.П. Павлов[41]. По его мнению, «новые горизонты открывает применение метода ретроспективного изучения писцовых книг 20-х – 30-х гг. XVII в.»[42] Основанием для столь оптимистического утверждения служит тот факт, что приправочными для указанных книг были книги XVI в. «Это обстоятельство дает возможность по материалам писцовых книг 20-х – 30-х гг. XVII в. реконструировать содержание (состав землевладельцев) ранних, не дошедших до нас писцовых и приправочных книг»[43].

Необходимо также отметить новейшее исследование С.В. Черникова, в котором на основе сопоставления различных статистических источников (материалы III ревизии и некоторые другие) дана детальная характеристика фамильной дворянской собственности в первой половине XVIII в. в Белгородской и Воронежской губерниях (в границах 1727 г.)[44]. Безусловно, сильной стороной этого исследования является параллельный анализ автором как экономического положения дворянских фамилий, так и место их представителей в чиновной иерархии.

Характеризуя историографию землевладения в России в XVIII в., необходимо отметить специфику изучения материалов Экономических примечаний. Так, в советской историографии интерес к Экономическим примечаниям был связан, в первую очередь, с дискуссией по проблеме кризиса феодальных и генезиса капиталистических отношений в России во второй половине XVIII в. Соответственно, историков более всего интересовали проблемы эволюции феодальной ренты, развития крестьянских промыслов, степень обеспеченности

---

[40] *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины России в эпоху Петра I. М., 2002.

[41] *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб. 1994.

[42] Там же. С. 8.

[43] Там же. С. 10.

[44] *Черников С.В.* Дворянские имения Центрально-Черноземного региона России в первой половине XVIII века. Рязань, 2003.

крестьян землей[45]. При всей важности данных проблем нужно подчеркнуть, что функционально материалы Генерального межевания, в целом, и Экономические примечания, в частности, связаны, в первую очередь, с институтом феодальной собственности на землю. И с этой точки зрения Экономические примечания, в отличие от писцовых книг, практически не изучены. Например, в новейшем фундаментальном исследовании по проблемам собственности в феодальной России нет указаний на работы, написанные на основе Экономических примечаний[46].

Итак, несмотря широкий интерес исследователей к проблемам изучения структур сельского расселения и феодального землевладения в России XVII–XVIII вв., вопросы о степени устойчивости этих структур, характере и факторах их эволюции нуждаются в дальнейшем рассмотрении. Именно этим вопросам и посвящено данное исследование.

k

[45] *Ковальченко И.Д.* Крестьяне и крепостное хозяйство Тамбовской и Рязанской губерний в первой половине XIX в. (к истории кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства). М., 1959; *Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957; *Милов Л.В.* Исследование об «Экономических примечаниях к Генеральному межеванию» (к истории русского крестьянства и сельского хозяйство второй половины XVIII в.) М., 1965 и др.

[46] Собственность в России. Средневековье и ранее Новое время. М., 2001.

ГЛАВА I. АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ

1. Проблема достоверности земельных описаний XVII–XVIII вв. в отечественной историографии

Прежде чем дать характеристику использованным в работе архивным материалам, стоит остановиться на вопросе о том, как в отечественной историографии оценивались такие источники, как писцовые книги первой трети XVII в. и Экономические примечания к Генеральному межеванию.

Как известно, на долю писцового описания первой трети XVII в. выпало наибольшее количество критических замечаний исследователей. Главная причина такой особой пристрастности историков к сведениям именно книг первой трети XVII в. в том, что в период их составления правительство провело налоговую реформу, изменившую принципы обложения. Если поземельный характер обложения XVI в. абсолютно очевиден, то в 20-е гг. XVII в. была введена новая расчетная единица обложения – «живущая», или (что точнее отражает суть реформы) «дворовая четверть». Она состояла из определенного числа крестьянских и бобыльских дворов, в котором один крестьянский двор приравнивался к двум менее тяглоспособным бобыльским.

Несмотря на то, что размер обложения теперь целиком зависел от количества тяглых дворов, а само обложение становилось, в сущности, подворным[47], в писцовых книгах продолжали фиксироваться земельные угодья, измерявшиеся в четвертях – «пашня паханая», «пашня, паханная наездом», перелог, «пашня, лесом поросшая». Более того, основу фискальной терминологии в этих книгах попрежнему составляли понятия «живущее», «пустое», «соха», «четверть», известные по прежней практике поземельного обложения. Причем четверть фигурировала теперь в двух значениях – и как количество дворов, и как единица измерения пашни, то есть произошло смешение и объектов описания, и принципов обложения. Что

[47] Окончательный переход на подворное налогообложение произошел уже во второй половине XVII в.

же означали термины сошного письма после введения «дворовой четверти»? Было ли писцовое описание поземельным и после реформы? Как интерпретировать писцовые данные о «пашне паханой», перелоге, «пашне, лесом поросшей»? Какова точность писцовых измерений площади угодий? Эти и многие другие вопросы источниковедения писцовых книг стали первоочередными в работе многих крупных историков дореволюционной России.

Первым, кто уделил серьезное внимание источниковедению писцовых книг, был А.С. Лаппо-Данилевский. Его выдающимся достижением в области источниковедения писцовых книг было открытие «живущей («дворовой») четверти». Он отмечал, что причиной ее введения было «значительное понижение хозяйственного благосостояния населения»[48]. Сущность реформы была, по его мнению, в постепенном переходе от поземельного принципа обложения к подворному[49]. На основе обнаруженных указов о введении «живущей четверти» А.С. Лаппо-Данилевский выделил семь вариантов, или разрядов, «живущей четверти»[50]. Им же была раскрыта система расчета дворов по этим нормам. Он выделил три вида счета и назвал их десятичный, осминный и третный[51]. В результате не вполне корректного сопоставления писцовых книг 1620-х гг. с современной ему статистикой он пришел к выводу о том, что «писцовые книги не могут служить вполне точным и удовлетворительным источником сведений»[52].

Работа А.С. Лаппо-Данилевского дала импульс для начала активной дискуссии о природе и достоверности сведений писцовых книг. Так, с рецензией на его монографию выступил П.Н. Милюков[53]. Его оценка писцовых книг первой трети XVII в. не столь последова-

---

[48] *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 243.

[49] Там же. С. 240.

[50] Там же. С. 249–250.

[51] Там же. С. 254.

[52] Там же. С. 213.

[53] *Милюков П.Н.* Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. Рецензия на книгу Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве». СПб., 1892.

тельна. С одной стороны, он считал, что введение «дворовой чети» внесло абсолютно новые принципы в писцовое дело и соха после этой реформы не имела ничего общего с сохой XVI в[54]. С другой стороны, он спорил с Лаппо-Данилевским, отрицая, что реформа «живущей четверти» означала переход к подворному обложению, и писал, что «“живущая четь” рассматривалась как применение того же сошного письма, как одна восьмисотая сохи»[55].

Источниковедческому анализу писцовых книг посвящена первая глава работы И.Н. Миклашевского[56]. Он выразил сомнение в адекватности хозяйственным реалиям пересчета «в дву по тому ж», характерным для писцовых книг XVI–XVII вв. И.Н. Миклашевский подчеркивал, что выражение «в дву по тому ж» распространяется и на перелог, дикое поле и пр., что, по его мнению, означало условность пересчета[57]. Кроме того, И.Н. Миклашевский полагал, что писцовые книги содержат не столько результаты землемерных работ, сколько свод сведений из справочной документации[58].

Серьезное внимание теоретическим вопросам письма уделил в своем обобщающем исследовании по истории русского права В. Сергеевич[59]. Им был сформулирован тезис о «посильности» как о критерии обложения. Со временем налогообложение эволюционировало от посильного к поземельному, так как это в большей степени позволяло избежать неудобства и злоупотребления при обложении[60]. Поземельное обложение лучше соответствовало поместной системе и со временем становилось все более точным[61]. Главной причиной введения «живущей четверти» В. Сергеевич, как и другие участники той дискуссии, считал рост числа бобыльских дворов после Смуты[62].

---

[54] Там же. С. 117.

[55] Там же. С. 119.

[56] *Миклашевский И.Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1: Заселение и сельское хозяйство сошной окраины. XVII век. М., 1894.

[57] Там же. С. 39.

[58] Там же. С. 57.

[59] *Сергеевич В.* Древности русского права. Т. III: Землевладение. СПб., 1903.

[60] Там же. С. 322.

[61] Там же. С. 322, 336–337.

[62] Там же. С. 346.

В защиту писцовых книг как важнейшего статистического источника выступил Н.А. Рожков[63], широко использовавший материал писцовых книг в своей монографии «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.». Фискальный характер писцовых описаний, определенность единиц измерения и сочетание обмеров с опросами населения были для Н.А. Рожкова гарантией точности содержащихся в них данных.

Подробный анализ писцовых книг содержится в фундаментальном исследовании Ю.В. Готье[64]. Хотя ученый полагал, что писцы «должны были непременно выезжать на место только в случае необходимости разобрать судебное дело», он оспаривал категоричное мнение И.Н. Миклашевского о том, что писцы основывались исключительно на «сказках» населения, а обмеров угодий не производили[65]. Ю.В. Готье обратил внимание на сведения о «примерных землях», составляющих иногда значительную часть земельных угодий, зафиксированных писцами. «Книги 80-х гг., приправочными для которых служили книги 20-х гг., пестрят указаниями на примерные земли, даваемые в очень точно определенном количестве: появление таких примерных земель обусловилось неоднократно повторяющимися проверками в натуре угодий данной местности»[66].

Но ученый высказал и ряд критических замечаний принципиального характера относительно достоверности данных писцовых книг. Так, Ю.В. Готье, считая ошибочными правила измерения полей сложных конфигураций, отмечает «слишком заметную круглость цифр» площадей пустошей и т.п.[67]. Готье также констатирует отсутствие единообразия в составлении писцовых книг: «Сравнение различных книг 20-х гг. приводит к заключению, что от общей формулы было столько же отступлений, сколько работало писцов»[68]. Ю.В. Го-

---

[63] *Рожков Н.А.* К вопросу о достоверности писцовых книг // Труды Археографической комиссии Московского Археологического общества. Т. 1. Вып.1. М., 1899.

[64] *Готье Ю.В.* Замосковный край в XVII веке. Очерк истории экономического быта Московской Руси. М., 1906.

[65] Там же. С. 81.

[66] Там же. С. 89.

[67] Там же. С. 89–90.

[68] Там же. С 111.

тье был солидарен с И.Н. Миклашевским относительно условности формулировки «в дву по тому ж». Относительно введения «живущей четверти» Ю.В. Готье высказал практически ничем не доказанное мнение о том, что «прежде чем стать сочетанием известного числа крестьянских и бобыльских дворов, живущая четверть была сочетанием известного числа душ»[69].

В целом Ю.В. Готье считал писцовые книги достоверным источником, подчеркивая, что «как бы ни рассматривать писцовые книги, как бы ни подчеркивать их недостатки указанием, что они в совокупности очень далеки от генерального описания всей страны, этим их значение как исторического источника едва ли умалится»[70].

Весьма важна для оценки точности сведений писцовых книг работа В. Седашева[71]. Его знание геодезии и землемерия позволило ему аргументировано ответить на критику данных писцовых книг. Во-первых, расчет реальных затрат времени на дорогу, обыск и обмер дал ему возможность опровергнуть мнение И.Н. Миклашевского о ничтожной роли измерительных работ в ходе составления писцовых книг, так как цифры показывали, что писцы вполне могли уделять этим работам должное внимание[72]. Во-вторых, проверка расчетов площадей полей показала, что максимальная ошибка писцов не могла составлять более 15 %, а чаще она не превышала 4–5 %, так как писцы дробили поля на простые фигуры, измерявшиеся ими довольно точно[73]. В-третьих, он высказал мнение, что в основе системы «одабривания» лежит анализ физических свойств почвы, хотя хозяйственный опыт также имел большое значение[74]. В-четвертых, расчет норм «живущей четверти» в соответствии с реальными хозяйственными возможностями населения привел его к выводу, что новая система была достаточно гибкой, предоставляя слабым селениям льготу (до 20 %), компенсируя ее более тяжелым

---

[69] Там же. С 141.

[70] Там же. С 83.

[71] *Седашев В.Н.* Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси XVII в. М., 1912.

[72] Там же. С. 28–29.

[73] Там же. С. 32.

[74] Там же. С. 59.

обложением сравнительно зажиточных селений[75].

Особое место в дореволюционном источниковедении писцовых книг занимает позиция академика С.Б. Веселовского. Изучение теории, организации и статистических сведений писцовых описаний стало для него основным направлением научной деятельности. Результатами этих изысканий стали двухтомная монография «Сошное письмо» и богатейшие по содержанию публикации материалов писцового делопроизводства, сохраняющие свое важное значение и сейчас[76]. Однако источниковедческая критика данных писцовых книг, сама по себе необходимая и часто основанная на глубоком знании писцового дела, последовательно превращалась у С.Б. Веселовского в стремление доказать полную непригодность данных этого источника.

Как и некоторые другие историки, С.Б. Веселовский высказывал противоречивые суждения о характере сошного письма в целом. В частности, он писал, что с середины XVI в. соха приравнивалась к определенному количеству пашни[77]. Но практически здесь же читаем следующее: «В действительности посошное обложение никогда не было поземельным»[78]. В целом С.Б. Веселовский развивал тезис В. Сергеевича о посильности как о главном критерии податной системы[79]. Принципиальное отличие позиции С.Б. Веселовского от позиции В. Сергеевича состоит в том, что он приписывал принцип посильности всему периоду существования сошного письма, а В. Сергеевич считал, что уже с середины XVI в. обложение стало поземельным. Принцип посильности сам по себе предполагает относительность и субъективность сведений писцовых книг, но С.Б. Веселовский, подчеркивая это обстоятельство, писал, что в основе принципа посильности было много критериев – площадь пашни, угодий, наличие про-

---

[75] *Седашев В.Н.* Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси XVII в. М., 1912. С. 181.

[76] *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т. 1–2. М., 1915–1916; *Он же.* Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. М., 1913; *Он же.* Акты писцового дела (1644–1661). М., 1977; *Он же.* Акты писцового дела 60-х – 80-х гг. XVII века. М., 1990.

[77] *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Т. I. С. 17.

[78] Там же.

[79] Там же. Т. II. С. 79.

мыслов и др. – но ни один из них не был основным[80].

Удивительно, что столь проницательный исследователь писцового дела, как С.Б. Веселовский, не различал понятия «живущая четь» (количество дворов) и «четь пашни». Ученый считал, что «указы говорят о четях, в которые следует класть дворы, а не о сохе, не потому, что это были различные окладные единицы, а потому, что под давлением тяжелых налогов сошные оклады отдельных боярских и монастырских вотчин так измельчали, что их не было возможности выразить даже в самых мелких дробях сохи, бывших в употреблении в тогдашней арифметике»[81].

Методы проведения писцового описания были тщательно изучены С.Б. Веселовским и подвергнуты суровой критике. Так, ученый указывал, что писцы измеряли только одно поле из трех, а пересчет «в поле а в дву по тому ж» «были условным выражением средней величины трех полей: парового, озимого и ярового, которые в действительности могли быть неравными»[82]. Данные об остальных землях писцы, следовательно, получали только из «сказок» местных жителей. Не убеждает С.Б. Веселовского и аргумент Ю.В. Готье о «примерных землях». Он возражал, что, во-первых, писцы не сами находили изменения в площади запашки, а довольствовались сведениями от населения, а во-вторых, и здесь могли быть допущены ошибки[83]. В ответ на мнение В. Седашева о значительной точности подсчетов писцов С.Б. Веселовский вновь повторяет свой тезис об обмере лишь одного поля, что само по себе нивелирует значение правильности подобного обмера[84]. Касаясь писцовых данных об угодьях (в первую очередь, сенокосных и лесных), С.Б. Веселовский пишет, что их количество не нормировалось и определялось «стариной и местными условиями», к тому же он полагал, что данные об угодьях могли причисляться к данным по пашне, искажая их[85].

Вызывает суровые замечания С.Б. Веселовского и система «одабривания». Он не согласен с мнением А.С. Лаппо-Данилевского о том, что

[80] Там же. С. 79.
[81] Там же. С. 483.
[82] Там же. С. 368.
[83] Там же. С. 372–375.
[84] Там же. С. 375–376.
[85] Там же. С. 371–372.

в силу невозможности анализа свойств почвы качество земли определялось урожаем, считая, что «сама идея о среднем нормальном урожае для той или иной местности, а тем более для всего государства, была так же недоступна приказным Московского государства, как им был недоступен химический и минерало-петрографический анализ земель»[86].

Логическим завершением этой критики стало выделение С.Б. Веселовским четырех этапов превращения чети пашни в отвлеченное понятие: условность счета земель в поле; дача и счет некоторых угодий в итог «в дву по тому ж»; наделение четвертной земли угодьями; одабривание. «Пройдя через эти приемы, четь поместной дачи, вотчины или тяглого участка переставала быть реальной величиной и становилась условным механическим термином определения размеров служилых и тяглых дворов»[87].

И с методологической, и с хронологической точки зрения труд академика С.Б. Веселовского – это итог активного обсуждения крупными дореволюционными историками источниковедческих проблем писцовых книг. Часть из этих ученых (Н.А. Рожков, Ю.В. Готье), отмечая все присущие этому источнику недостатки, плодотворно использовали его в своих исследованиях. Другие (А.С. Лаппо-Данилевский, И.Н. Миклашевский) относились к нему чрезвычайно скептически, но все же не отрицали значения его сведений. В концепции же С.Б. Веселовского речь уже не идет только о погрешностях в работе писцов или о спорности терминов. Вывод, который неизбежен из его рассуждений, состоит в том, что писцовые книги в принципе непригодны для историка, так как представляют собой набор абстрактных категорий, полностью скрывающих от исследователя историческую действительность.

Для советской историографии писцовых книг длительное время было характерным господство двух противоположных направлений. Первое резко отмежевалось от скептических позиций русской историографии, второе испытало на себе сильное влияние концепции С.Б. Веселовского.

Среди представлений первого направления могут быть названы С.А. Тараканова-Белкина и И.Л. Перельман, отстаивавшие абсо-

---

[86] *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Т. II. С. 379.
[87] Там же. Т. II. С. 403.

лютную достоверность писцовых книг[88]. Второе направление может быть представлено работой А.Ц. Мерзона, где трактовка «сохи», «живущей четверти» полностью повторяет соответствующие выводы С.Б. Веселовского[89]. Однако в обоих случаях авторы не производили собственного источниковедческого анализа писцовых книг.

В дальнейшем в советской историографии проблемы источниковедения писцовых данных о пашне стали предметом более тщательных исследований. В основном в них преобладала критическая оценка. Так, А.Л. Шапиро предпринял попытку сопоставить данные статистических источников XVII–XIX вв.[90]. Им была составлена таблица по тринадцати признакам, из которых писцовые книги двадцатых годов XVII в., по его мнению, удовлетворяли лишь четырем[91]. Отмечая крайне низкую наделенность крестьянских дворов землей, зафиксированную в данном источнике, А.Л. Шапиро поддержал мнение С.Б. Веселовского о фиктивности этих цифр. «Отсюда следует, что данные о запашке, заимствованные из писцовых книг, часто оказываются несопоставимые с данными последующего времени», – заключает А.Л. Шапиро[92]. Однако при этом он подчеркивает, что таблица «не дает представления о составе всех вообще писцовых книг», и выступает за дифференцированный подход к ним.

Ю.А. Тихонов произвел сопоставление отказной и писцовой документации и отметил полное совпадение в них данных о земле[93]. Оно объяснялось им тем, что при составлении отказных книг использовались выписки из писцовых книг, так как провести

---

[88] *Тараканова-Белкина С.А.* Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятинах в домосковное время. М., 1939; Перельман И.Л. Новгородская деревня в XV–XVI вв. // Исторические записки. Т. 26. М., 1948.

[89] *Мерзон А.Ц.* Писцовые и переписные книги XV–XVII вв. М., 1956. С. 5–6.

[90] *Шапиро А.Л.* Некоторые источниковедческие вопросы истории сельского хозяйства России (О составлении описей XVII, XVIII и XIX вв.) // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л. 1964.

[91] Там же. С.16–17.

[92] Там же. С. 25.

[93] *Тихонов Ю.А.* Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в XVII – начале XVIII вв. М., 1974.

повторный обмер было очень сложно[94]. Проверку можно было осуществить лишь с помощью опросов населения. Ю.А. Тихоновым приводится случай, когда местные жители отказались дать показания, заявив, что писцовые данные им неизвестны. Этот факт приводит историка к выводу, что «изученные книги подтверждают общее мнение С.Б. Веселовского об условном характере размеров земельных угодий в описаниях XVII в.»[95].

И.И. Соколова также сопоставляла данные писцовых книг с отказной документацией[96]. Она также отметила полное совпадение данных о земле в этих источниках по соответствующим имениям. По мнению И.И. Соколовой, степень достоверности писцовых данных о «четвертной пашне» является достаточно высокой[97].

Обстоятельная характеристика переписных книг 1678 г. как историко-демографического источника содержится в работе Е.Н. Баклановой, привлекавшей их сведения при анализе численности и структуры крестьянской семьи[98]. Автором отмечена известная условность писцовых показателей «пашни паханой» первой трети XVII в. При помощи дополнительных материалов Е.Н. Баклановой удалось установить, что в пашню активно вводился перелог и писцы далеко не всегда могли отразить это вовлечение.

В советской историографии писцовые книги как земельный кадастр наиболее глубоко были проанализированы в коллективной монографии Л.В. Милова, М.Б. Булгакова и И.М. Гарсковой[99]. Монография открывается подробным историографическим обзором, написанным Л.В. Миловым, в котором критически проанализиро-

---

[94] *Тихонов Ю.А.* Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в XVII – начале XVIII вв. М., 1974. С. 63.

[95] Там же. С. 77.

[96] *Соколова И.И.* Материалы по истории служилого землевладения первой половины XVII в. в документах фонда поместного приказа ЦГАДА // Проблемы истории СССР. Вып. 5. М., 1976.

[97] Там же. С. 166.

[98] *Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII – начало XVIII в. М., 1976.

[99] *Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография. Компьютер. Методы исследования. М., 1986.

ваны основные оценки писцовых сведений как дореволюционных, так и советских историков.

Особенной детальностью отличается разбор концепции С.Б. Веселовского. По мнению Л.В. Милова, причиной появления выводов, отрицающих поземельность обложения, является активное обращение С.Б. Веселовского к материалам черносошного Севера. Поземельный характер системы налогообложения присущ государству как макросистеме. «Конечный предел действия макросистемы – это поместная или вотчинная дача, взятая как целое»[100]. На черносошном Севере государство выполняло функции микросистемы, выступая в качестве феодала, а писцовые книги по черносошным уездам в этом смысле аналогичны по своей функции вотчинным описаниям. «Требовать, чтобы на уровне микросистемы поземельный характер «сошного письма» имел тот же механизм действия – значит предъявлять к этой системе абсурдные требования»[101]. С.Б. Веселовский не учел этого и экстраполировал выводы, сделанные на уровне микросистемы, на весь механизм «сошного письма» в целом.

Л.В. Милов выдвинул ряд принципиальных тезисов по вопросам теории и практики писцового дела в первой половине XVII в., доказывая сохранение принципов поземельного обложения. Так, показательна его позиция в вопросе о трехполье и счете «в поле, а в дву по тому ж». Как известно, С.Б. Веселовский полагал, что писцы измеряли лишь одно поле, хотя все три могли быть разными. И.Н. Миклашевский оценивал этот счет как неадекватный реальному способу ведения трехпольного хозяйства, а Ю.В. Готье вообще отрицал существование трехпольного севооборота в центральных районах России XVII в. По мнению Л.В. Милова, «метод счета “в поле... а в дву по тому ж”» опирается в сущности на вековую практику севооборота, в итоге которой необходимость постоянства в получении земледельцем общей суммы урожая объективно диктовала примерное равенство всех трех полей (озимого, ярового и пара). Важно подчеркнуть при этом, что запуск какой-то части наиболее вероятен одновременно для всех трех

[100] Там же. С. 39.
[101] Там же. С. 39.

полей, ибо это диктует принцип равноценности ежегодно получаемой продукции»[102]. Этот тезис особенно важен в связи с последними исследованиями Л.В. Милова, в которых показано, что урожайность в пределах Нечерноземья оставалась крайне низкой и неустойчивой на протяжении всего периода, по которому есть соответствующие данные (начиная с конца XV в.).

Говоря о землемерных работах в ходе писцовых описаний 20-х – 40-х гг., Л.В. Милов подчеркивает, что «и в принципах, и в деталях «письмо и мера», то есть «сошное письмо», и землемерие были по-прежнему ориентированы на поземельный критерий обложения[103]. Анализируя реформу писцового дела, связанную с введением «живущей четверти», Л.В. Милов приходит к выводу, что «когда платежеспособность стала определяться по числу дворов (крестьянских и бобыльских), писцы стали более, чем когда-либо раньше, достоверно фиксировать реальные размеры полевой пашни трехпольного севооборота»[104].

Наибольшее значение для источниковедения писцового дела имеет оригинальная классификация книг 20-х – 40-х гг. XVII в. (соответствующий раздел написан совместно Л.В. Миловым и М.Б. Булгаковым). Всего было выделено три типа книг.

Первый тип («оптимальный вариант») представлен теми книгами, где отдельно зафиксирована крестьянская и господская пашня. Учитывая массовый характер данных, возможность проанализировать состояние как крестьянского, так и господского хозяйства имеет большое значение. При этом четверть пашни и четверть как количество дворов здесь не смешивались, в результате такой источник содержит полноценную комбинацию поземельного и подворного принципов описаний.

То же самое можно сказать и о книгах второго типа («вариант с неразделенной пашней»), которые, видимо, преобладают среди сохранившихся описаний. В этих книгах поземельный принцип описания также соблюден и после введения «дворовой четверти». Однако составители этих книг объединили данные по господской и

---

[102] *Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* Указ. соч. С. 15.
[103] Там же. С. 111.
[104] Там же.

по крестьянской пашне (отсюда и наименование этого типа). В результате сведения о характере землепользования оказываются в этих книгах менее дифференцированными.

Весьма специфичен третий, или «деформированный», вариант книг 20-х – 40-х гг. XVII в. Здесь писцы точно следовали букве «сошного письма» как системы поземельного обложения. Они исходили из того, что «живущее» – это «пашня паханая». Но в результате реформы «живущее» стало рассчитываться по числу крестьянских и бобыльских дворов, а «пашня паханая» больше не имела к нему никакого отношения. Составители этих книг стремились устранить это вопиющее противоречие между понятиями «живущее» и «пашня паханая». Для этого они сочли необходимым подменить данные о количестве «пашни паханой» сведениями о «живущем», хотя последнее уже не имело никакого отношения к количеству земли. Поэтому там, где должны были быть четверти «пашни паханой», оказались «дворовые» четверти, а данные о собственно «пашне паханой» писцы включили в «пустое»[105]. В результате такой терминологической путаницы, возникшей от неумелого сочетания поземельного принципа и «дворовой четверти», данные о «пашне паханой» исчезли из этих книг.

Вслед за характеристикой каждого типа книг авторы приложили список уездов, описанных по тому или иному принципу. Эта четкая классификация книг по степени полноты и качеству данных о пашне практически сняла вопрос о характере писцового описания первой трети XVII в. Основываясь на выводах данной монографии, можно утверждать, что, несмотря на введение «дворовой четверти», это описание в целом сохранило черты земельного кадастра. Следовательно, его материалы позволяют решать широкий круг проблем аграрной истории первой половины XVII в. В монографии также дано подробное описание всего фонда книг оптимального варианта, составляющих описание двадцати уездов (автор раздела – М.Б. Булгаков)[106].

Ответом на эту монографию стало исследование Я.Е. Водарского «Дворянское землевладение в России в XVII –

[105] Там же. С. 111–156.
[106] Там же. С. 156–206.

первой половине XIX в.». В нем вновь был поднят вопрос о достоверности писцовых книг как поземельного источника. Автор полагает, что концепция С.Б. Веселовского убедительна, и вступает в полемику с Л.В. Миловым. Отметим два ее важнейших аспекта: соотношение принципов посильности и поземельности в писцовых книгах и вопрос о роли писца при составлении книги.

Я.Е. Водарский отмечает, что, во-первых, и в северных уездах были территории с развитым земледелием, а, во-вторых, промысловые села были не только на Севере. «Если писцы учитывали "богатство угодий и "семьянистость", зажиточность крестьян" (цитата из монографии Л.В. Милова и др.) в промыслово-земледельческих деревнях на Севере, то, спрашивается, что мешало им прибегать к такому же принципу посильности обложения при описании промыслово-земледельческих сел и деревень в других районах, да и вообще всегда им руководствоваться ?»[107]. Однако, как мы отметили, выводы Л.В. Милова о концепции С.Б. Веселовского основаны на разграничении не столько разных типов хозяйства, сколько правовых статусов объектов описания. Речь идет не просто о промысловых, а о черносошных селах, где в роли владельца выступало само государство, что и определяло специфику описания.

Критику концепции С.Б. Веселовского со стороны Л.В. Милова Я.Е. Водарский считает явно чрезмерной. Так, в ответ на приводимый Л.В. Миловым тезис С.Б. Веселовского о том, что четь пашни после всех писцовых пересчетов, «одабривания» и т.п. перестает быть реальной величиной, Я.Е. Водарский возражает, что здесь речь идет лишь об анализе источника, о невозможности слепого доверия писцовому материалу и необходимости его проверки[108]. Столь активная защита концепции С.Б. Веселовского выглядит странно – ведь утверждения этого авторитетного ученого вызывают возражения лишь постольку, поскольку они блокируют анализ ценнейшей писцовой статистики. А «критический анализ источника», проделанный С.Б. Веселовским, оставляет

[107] *Водарский Я.Е.* Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в. С. 23.

[108] Там же. С. 24.

исследователю настолько крошечное поле для работы с ним, что практически отрицает ее значимость. Думается, что следуя взглядам С.Б. Веселовского на достоверность писцовых данных, вряд ли можно обосновать широкую статистическую обработку писцовых книг, предпринятую самим Я.Е. Водарским.

Дискуссия по проблемам источниковедения писцовых книг стала одним из интереснейших и плодотворных явлений в отечественной исторической науке. Можно сказать, что в ходе этого обсуждения был пройден сложный путь преодоления крайнего скепсиса в отношении писцовых данных, что позволяет искать новые подходы к писцовой земельной статистике.

Литература об Экономических примечаниях появляется с середины XIX в., то есть несколько раньше, чем работы о писцовых книгах[109]. Тогда же вышло первое научное исследование, основанное на изучении материала Примечаний. Им стала книга К.И. Арсеньева, где данные источника использованы для определения объема и соотношения земельных угодий в различных губерниях[110].

Более широкое использование материала было предпринято В.И. Семевским[111]. Результатом этой первой попытки сложной обработки статистического материала Примечаний стали данные о соотношении барщины и оброка, росте оброка в России, величине помещичьего душе- и землевладения и др. Эти статистические выкладки неоднократно подвергались критике историков, поскольку при отборе и обработке цифрового материала В.И. Семевский пользовался методом выведения средних показателей. В результате им были получены упрощенные результаты, схематично отвечающие на поставленные вопросы.

Другим направлением в дореволюционной историографии Экономических примечаний стало изучение вопросов собственно межевания – его законодательных основ, теории, практики, истории развития[112].

---

[109] *Толстой Д.* О статистических работах межевых чинов // Журнал министерства внутренних дел. 1848. Ч. XXI.

[110] *Арсеньев К.И.* Статистические очерки России. СПб., 1848.

[111] *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. 1–2. СПб., 1901–1903.

[112] *Герман И.Е.* История русского межевания. М., 1907; *Рудин С.Д.* Межевое законодательство и деятельность межевой части за 150 лет. СПб., 1915; *Кавелин С.П.* Межевание и землеустройство. Теоретическое и практическое руководство. М., 1914.

Значительно более серьезное изучение Экономических примечаний связано с послевоенной советской историографией. Как это ни странно, источник, являющийся, по сути дела, земельным кадастром, привлекался поначалу почти исключительно для изучения промышленности. Так, по мнению И.В. Мешалина, среди имеющихся источников, характеризующих первоначальную стадию развития текстильной промышленности, «первое место занимают Экономические примечания по семи уездам Московской губернии, составленные во второй половине XVIII в. при проведении Генерального межевания»[113].

А.М. Разгон использовал в своей статье материалы Экономических примечаний по Владимирской губернии для проверки и дополнения других материалов[114]. По его мнению, иногда Экономические примечания косвенно подтверждают высокий уровень промыслового развития (например, сведения о низкой обеспеченности крестьян пахотными угодьями)[115]. Однако сплошной обработки Экономических примечаний автор не предпринимал.

Приблизительно в таком же качестве используются Экономические примечания и в работе Н.А. Барсукова[116] и Ф.Я. Полянского. Последний привлек материалы Экономических примечаний по восьми центральным губерниям в монографии об экономическом строе мануфактуры в России в XVIII в.[117] По его мнению, без использования этого источника невозможно составить верное представление о вотчинной мануфактуре, да и вообще об истории промышленности[118].

Широкое и систематическое обращение к материалу Примечаний впервые было предпринято в фундаментальном труде Н.Л. Рубинштейна[119]. На их основе автором были сделаны выводы о соот-

---

[113] *Мешалин И.В.* Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII – первой половине XIX в. М.; Л., 1950. С. 15.

[114] *Разгон А.М.* Торгово-промышленные села и слободы Владимирской губернии в второй половине XVIII в. // Исторические записки. Т. 32. М.,1950.

[115] Там же. С. 124.

[116] *Барсуков Н.А.* Полотняная промышленность Костромской губернии во второй половине XVIII в. // Ученые записки МГУ. Вып. 156. М., 1952.

[117] *Полянский Ф.Я.* Экономический строй мануфактуры в России. М.,1960.

[118] Там же. С. 43.

[119] *Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. С. 22

ношении барщины и оброка (Центрально-Промышленный район, Западный и Центрально-Черноземный районы, Среднее Поволжье), а также земельной обеспеченности крестьянства[120]. Используются автором и Экономические примечания по Алексинскому уезду. Им отмечается относительно высокая доля оброчных крестьян в этом уезде (42 %) в сравнении с другими показателями по губернии (не более 14 %)[121]. Он также справедливо обращает внимание на огромный лесной фонд, сравнительно высокую среднедушевую норму пахотных угодий (3,8 дес. на д.м.п) и отсутствие промышленных предприятий[122].

Как важнейший комплекс материалов по аграрной истории Экономические примечания были проанализированы И.Д. Ковальченко, использовавшего данные о дворянском землевладении, размерах барщины и оброка в Рязанской и Тамбовской губерниях[123].

Как видно, в большинстве случаев данные Экономических примечаний использовались фрагментарно, исследователи не решались сделать этот источник основным. Во многом это было связано со слабой разработанностью источниковедческих аспектов изучения материалов Экономических примечаний. Так, Ф.Я. Полянский во Введении к своей работе ограничивается определением Экономических примечаний как «описи городов и сел России, составленной в последней четверти XVIII в. в ходе так называемого “Генерального межевания” земель»[124]. Вместе с тем, ряд исследователей подвергли этот источник резкой критике за скудость сведений[125]. Ситуация в этом вопросе изменилась с появлением работ Л.В. Милова. Так, в 1957 г. вышла статья в

---

[120] Там же. С. 92–127, 215–231.

[121] Там же. С. 119.

[122] Там же.

[123] *Ковальченко И.Д.* Крестьяне и крепостное хозяйство Тамбовской и Рязанской губерний в первой половине XIX в. (к истории кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства). М., 1959.

[124] *Полянский Ф.Я.* Указ. соч. С. 43.

[125] *Шапиро А.Л.* К истории крестьянских промыслов и крестьянской мануфактуры в России XVIII в. // Исторические записки Т. 131. М., 1950. С. 153–164; Рубинштейн Н.Л. Топографические описания наместничеств и губерний XVIII века – памятник географического и экономического изучения России // Вопросы географии. 1953. № 31. С. 50.

журнале «История СССР»[126]. В ней впервые был выявлен особый тип Примечаний – Полные экономические примечания, отличающиеся большей информативностью, в сравнении с краткими, которые, собственно, и подвергались критике предшествующими исследователями. Всестороннему анализу Экономических примечаний посвящена первая монография Л.В. Милова[127].

Исследуя причины провала межевания при Елизавете, автор отметил, что оно «проводилось целиком на основе старой крепостной документации Поместного приказа и Вотчинной коллегии..., цифровые данные этих документов имели массу неточностей и ошибок, связанных с крайне несовершенными способами прежних обмежеваний»[128]. Успех межевания при Екатерине II объясняется тем, что «правительство Екатерины в качестве основного принципа объявило отказ от проверки владельческих прав на землю»[129]. Целью всего мероприятия стало «укрепление самой твердыни господства помещиков – монополии на земельную собственность»[130]. Говоря о характере самой процедуры межевания, Л.В. Милов отмечает, что оно «велось постепенно, узким фронтом, не ущемляя одновременно интересы сколь-либо широкой массы крестьянства»[131].

Далее автором дается подробная характеристика деятельности межевых контор и массива источников, созданных ими в ходе Генерального межевания. Им особенно подчеркивается, что создателями основной части исходных материалов были не землемеры, а поверенные от помещиков крестьяне, что повышает точность и достоверность источника[132]. Организация работы по созданию Экономических примечаний делится им на два этапа: «непосредственный сбор материалов к Экономическим примечаниям, проходя-

---

[126] *Милов Л.В.* Варианты «Экономических примечаний к Генеральному межеванию» // История СССР. 1957. № 2.

[127] *Он же.* Исследование об «Экономических примечаниях к Генеральному межеванию» (к истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М., 1965.

[128] Там же. С. 13.

[129] Там же. С. 16.

[130] Там же. С. 17.

[131] Там же. С. 33.

[132] Там же. С. 42.

щий одновременно с межеванием территории», и «сочинение Экономических примечаний в стенах межевой конторы»[133]. Первый этап занимал от 2 до 5 лет, в крайнем случае – 7–8 лет. Второй был дольше и достигал 10 лет[134].

Отдельно автором рассматривается история создания, отличительные черты и информативность Полных и Кратких Экономических примечаний. Также им рассматриваются Примечания к Атласам 1797 г. («павловские»).

Специальная глава посвящена проблемам классификации земельных угодий в Экономических примечаниях. Важнейшая из них – исчезновение характерного для писцового описания «перелога» из перечня видов угодий. Априорное зачисление залежей в какую-либо категорию угодий Примечаний (пашня, сенокос, лес) необоснованно. Общее наблюдение автора по этому поводу следующее: «В Примечаниях преимущественно нечерноземных губерний переложные земли включались в состав лесных и сенокосных угодий. Что же касается южных губерний, то здесь, наряду с обычным зачислением в сенокосы, переложные земли в некоторых случаях вошли в состав пашенных угодий»[135].

Значительная часть работы посвящена анализу статистического материала Экономических примечаний. Главными темами исследования были величина барской запашки в России во второй половине XVIII в. и размер оброка. Приведем выводы автора по некоторым уездам Тульской губернии. Л.В. Милов считает, что барщинное хозяйство достигло здесь стадии развитой товарности, крестьянские наделы резко уменьшаются и не достигают даже «прожиточного минимума»[136]. Л.В. Милов, основываясь на этих и других данных, приходит к выводу, что барщинная форма эксплуатации достигла своего критического максимума в Центрально-Промышленном и Центрально-Черноземных районах, где происходит фактическое обезземеливание крестьян[137].

---

[133] Там же. С. 59.

[134] Там же. С. 59.

[135] Там же. С. 172.

[136] Там же. С. 180–195.

[137] *Милов Л.В.* Исследование об «Экономических примечаниях к Генеральному межеванию» (к истории русского крестьянства и сельского хозяйство второй половины XVIII в.). М., 1965.

Анализируя динамику роста оброка по Экономическим примечаниям, автор констатирует «бесполезность общероссийской схемы» роста оброка В.И. Семевского, не раскрывающей никаких особенностей в динамике роста оброчных платежей»[138]. Им отмечается специфика промышленно развитых районов или районов, расположенных у оживленных транспортных путей. Характерный пример – Вологодский уезд, в разных частях которого в зависимости от тяготения к крупному рынку размер оброка колебался от 2 до 4 или даже 8 рублей[139]. При этом «наиболее высокие оброчные суммы могло платить лишь то крестьянство, которое в итоге было лучше обеспечено пахотной землей»[140]. Так, в черноземных губерниях оброчных крестьян было мало, но они платили очень высокие платежи[141]. «Таким образом, в России рост оброка, видимо, шел под влиянием роста барщины»[142].

В заключении автор на основе анализа Экономических примечаний высказывает свою позицию в вопросе о грани разложения феодально-крепостнической системы. Он отмечает, что историки, пытаясь определить эту грань, стремятся обнаружить в этой системе новые, чуждые ей черты. В то же время внимания заслуживает и состояние принципиальных основ данной системы. Экономические примечания, предоставляющие подробную (на уровне отдельных поселений) статистическую информацию по отдельным регионам и в сжатый срок, позволяют Л.В. Милову говорить о кризисе феодально-крепостнической системы последней четверти XVIII в.[143] Возможный выход из этой ситуации продемонстрирован в промысловых районах, где происходит замена тяжелой барщинной формы эксплуатации на смешанную – барщинно-оброчную.

В дальнейшем данные Примечаний более активно использовались историками для изучения аграрной экономики. Так, в 1979 г. была опубликована статья В.И. Крутикова, посвященная изменению кре-

[138] Там же. С. 285.
[139] Там же. С. 290.
[140] Там же. С. 290.
[141] Там же. С. 304–305.
[142] Там же. С. 308.
[143] Там же. С. 310.

стьянских наделов в Тульской губернии в XVIII – первой половине XIX в.[144]. Замечательно то, что автору удалось найти Полные экономические примечания по 5 уездам, в том числе и по Алексинскому[145].

Пример широкой статистической обработки данных Экономических примечаний содержит работа А.А. Горского[146]. В ней автор использует как данные итоговых табелей (по 63 уездам), так и данные Полных экономических примечаний (по 3 уездам). На основе данных Примечаний о почвах и соотношении угодий А.А. Горский проводит районирование этих уездов по трем группам. Дальнейшая обработка данных источников, включающая корреляционный анализ, производится как на уровне групп уездов, так и на уровне отдельного уезда.

2. Общая характеристика использованных источников

Как уже говорилось, работа построена на анализе двух статистических описаний (писцовых книг и Экономических примечаний к Генеральному межеванию) по двум центральным уездам – Алексинскому и Суздальскому. Кратко охарактеризуем эти материалы.

Описание Алексинского уезда происходило в 1628–1629 гг. и было поручено Петру Сафронову. Писцовая и межевая книга поместных и вотчинных земель Алексинского уезда сохранилась в подлиннике[147]. Книга представляет собой два тома, в каждом из которых примерно по 750 листов. Формат книги – четверть листа. Данная книга практически не содержит пропусков: не хватает только списка помещиков и вотчинников, которым обычно открывается писцовая книга, и первых листов собственно писцового описания – книга начинается с окончания писцовой статьи. Архивная нумерация книги

---

[144] *Крутиков В.И.* Об изменении наделов помещичьих крестьян в первой половине XIX в. // Ежегодник аграрной истории Восточной Европы. 1969 г. Киев., 1979.

[145] Государственный архив Тульской области Ф. 29. Оп. 14/58. Д. 1.

[146] *Горский А.А.* Количественный анализ сводных данных Экономических примечаний к Генеральному межеванию: Канд. дисс. М., 1984.

[147] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 2, 3.

начинается с единицы, но количество недостающих листов можно высчитать по писцовой буквенной нумерации тетрадей, составляющих книгу. Подсчет показывает, что не сохранились всего 4 листа описания владений. Местами текст бывает размыт, особенно пострадало описание погостов в конце книги. Но в целом эти потери, конечно же, серьезно не влияют на полноту источника.

Поскольку книга писцовая и межевая, в ней содержатся описания не только поместий и вотчин, но и их границ. После подведения итогов по количеству земли (сошный итог) и дворов (итог «с живущего») следует формулировка: «А межа тому поместью...» и перечисление всех возможных опознавательных знаков границы владения. Ими могли быть река, ручей, дорога, большой камень, дерево и т.д. Такой текст мог ограничиваться одной фразой – «А владеть ему тем поместьем по старым межам», а мог занимать десяток листов. В целом такие «межевые» фрагменты составили около четверти всего текста книги. В работе они не использовались, хотя, возможно, они и могут быть полезными для уточнения расположения конкретного владения относительно крупных рек или дорог.

Описание Суздальского уезда производилось в 1628–1630 гг. и сохранилось в копии конца XVII в.[148].

Поскольку в первой трети XVII в. Суздальский уезд значительно превосходил Алексинский, то и суздальская писцовая книга значительно больше по объему, чем алексинская. Это описание состоит из 4 частей и 8 томов. Формат книги также в четверть листа. Первая часть книги состоит из трех томов (соответственно, 800, 500 и 400 листов каждый). Вторая часть книги состоит из двух томов (примерно по 500 листов), третья – в одном томе (около 900 листов), четвертая – в двух томах (примерно 650 и 900 листов каждый). Общий объем книги составил около 5200 листов. Данная писцовая книга практически не содержала описания межей, оно собрано в отдельной межевой книге, которая сохранилась[149] и содержит 600 листов текста, но в работе она не использовалась.

В тексте суздальской писцовой книги имеются лакуны. Так,

[148] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 11317 (Ч. 1–3), 11318 (Ч. 1–2), 11319, 11320 (Ч. 1–2).

[149] Там же. Кн. 11321.

лишь один том из восьми содержит список владельцев земель в описанных станах. Впрочем, при нашем методе почти сплошного перевода текста в электронную базу данных эта потеря никакой роли не играет. Более важны потери текста собственно писцовых статей. Так, в первом томе первой части книги недостает 60 начальных листов текста, а в первом томе четвертой части – около 120 листов. В третьей части книги нарушен порядок чередования описания поместных и вотчинных земель, примерно 20 листов текста размыто. Более мелкие пропуски встречаются и в других томах. Однако в сумме потери не превышают 5 % общего объема книги, а в той части, которая территориально соотносится с Экономическими примечаниями, утраченного текста нет вовсе. Поэтому можно уверенно говорить о достаточной полноте писцовых данных, использованных в работе.

По классификации Л.В. Милова обе книги принадлежат к варианту с неразделенной пашней, то есть они отвечают требованиям поземельного описания, но «пашня паханая» – как господская, так и крестьянская – дается в них суммарно в каждом поселении. Особенностью писцовой книги Суздальского уезда было то, что здесь были объединены данные о перелоге и о «пашне, лесом поросшей».

Экономические примечания к Генеральному межеванию Алексинского уезда создавались в период межевых работ в Тульской губернии (1776–1780 гг.)[150]. В них содержатся алфавитный перечень поселений, пустошей и погостов, алфавит владельцев, описание 490 владельческих дач, а также краткий табель, в котором подведены итоги по статистике описания. Поскольку Экономические примечания представляют собой не сплошной текст, а таблицу, они занимают гораздо меньше места, чем писцовое описание. Так, Экономические примечания по Алексинскому уезду занимают всего 68 листов (правда, более крупного формата).

Экономические примечания Суздальского уезда создавались в период Генерального межевания во Владимирской губернии (1775–1781 гг.). Они также содержат алфавиты дач и владельцев[151].

Экономические примечания по обоим исследованным уездам

[150] РГАДА. Ф. 1355. Ед. хр. 1754.
[151] РГАДА. Ф. 1355. Ед. хр. 69.

относятся к Кратким примечаниям к Атласам. Соответственно, в них на уровне отдельных поселений (за исключением неразмежеванных дач) даются сведения о количестве крестьянских дворов, земельных угодий различных типов (пашня, сенокос, лес, а также земля под усадьбой и «неудобья»), а также о типе ренты. Тем не менее по основным хозяйственно-демографическим показателям (количество крестьянских дворов, пашни, сенокоса и леса) они сопоставимы с данными писцовых книг на уровне отдельных поселений.

Следует указать на особенности алфавитных списков, которыми открываются Экономические примечания. Алфавиты владельцев оказались полными, то есть в них в алфавитном порядке пофамильно расписаны все собственники с указанием номеров дач, в которых они выступали как владельцы или совладельцы. Но алфавиты дач, то есть списки поселений и пустошей, как выяснилось, в обоих случаях содержали только отдельно обмежеванные поселения и пустоши. Пустоши, обведенные общей межой, попадали в этот список, только если были обмежеваны по парам. Эти пропуски в перечне поселений и пустошей явно указывают на трудоемкость вычленения топонимов, относящихся к неразмежеванным дачам, в которые могли входить десятки поселений.

Все приводимые в работе таблицы – результат обработки четырех источникоориентированных баз данных, созданных в виде файлов Microsoft Excel на основе двух писцовых книг и двух Экономических примечаний.

3. Писцовые сведения о пашенных угодьях

При анализе писцовых данных наше преимущество было в том, что у нас есть текст наказа писцам (князю Михаилу Михайловичу Турусову и подьячему Федору Витову), описывавшим Суздальский уезд, обнаруженный и опубликованный в «Актах писцового дела» С.Б. Веселовским. Следовательно, в нашем распоряжении есть официальные указания, которыми определялись основные принципы писцового описания. Интересно сравнить

их с итоговыми данными писцовой книги. Обратимся в первую очередь к принципам фиксации важнейшего типа угодий – «пашни паханой».

Как и в самих писцовых книгах, в наказе вся подлежащая сбору информация сгруппирована по категориям землевладения – сначала речь идет о поместьях, потом о светских вотчинах, затем о духовных вотчинах. В наказе также говорится и о дворцовых и государственных землях, но в самой писцовой книге их описания нет. Для нашего вопроса важнейшей является та часть наказа, где речь идет о принципах описания поместий: именно здесь были прописаны правила фиксации «пашни паханой».

Итак, в тексте наказа мы читаем: «А где будет пашня перелогом лежит, а запустела будет от тех помещиков, за которыми те поместные переложные земли, и писцом тем помещиком переложную землю давати в пашен место против пашенные земли, потому что от них запустело. И будет не от них запустело, и писцом, сыскав накрепко, переложную землю, где добре пашня заросла, земля не добра, в пашни место перелогу давати перед лутчими землями в полтора, а где будет добре худа земля, ино в двое, посмотря по пашне и по всяким угодьям, как будет пригоже. А однолично переложная земля примеривать к живущему, что-б переложная земля меж пашенных земель невспахана не была и перелогом бы не лежало»[152].

Подчеркнем, что там, где в наказе говорится о вотчинах (и светских, и духовных), подобных требований к фиксации земельных угодий нет. Следовательно, сказанное относится исключительно к поместьям. Разберем все три содержащиеся здесь указания, данные писцам.

Первое подразумевает ситуацию, при которой землевладелец, имевший в уезде и поместье, и вотчину, переключал имеющуюся у него рабочую силу на свою вотчинную землю, в результате чего пашня в его поместной даче запустевала. Поскольку это «запустение» спровоцировал сам землевладелец («пашня ... запустела от тех помещиков»), то власти принуждают его собственными силами вновь ввести поместную землю в хозяйственный оборот. Для этого

[152] *Веселовский С.Б.* Акты писцового дела. Т. 2. С. 2.

образовавшийся в поместной даче перелог должен быть зафиксирован в писцовой книге как «пашня паханая»: «и писцом тем помещиком давати переложную землю давати в пашен место». Этот фрагмент объясняет, почему описанию поместий уделено в наказе больше внимания – вряд ли можно представить перевод владельцем основной рабочей силы на поместную землю в ущерб вотчинной.

В период общего кризиса весьма распространенной могла быть ситуация, когда земли пустовали не по вине своих владельцев («не от них запустело»). Тогда уже аналогичная мера не столь сурова, как в первом случае: перевод перелога в пашню осуществляется с щадящим коэффициентом, который зависит от качества земли: «в пашни место перелогу давати перед лутчими землями в полтора, а где будет добре худа земля, ино вдвое». Интересно, что критерием для выбора коэффициента служит и качество пашенных земель, и их обеспеченность угодьями: «посмотря по пашне и по всяким угодьям».

Наконец, в третьем указании, по-видимому, речь идет о небольших участках перелога в более–менее благополучных владениях. Такие перелоги также рекомендуется приравнивать к пашне, «что-б переложная земля меж пашенных земель невспахана не была и перелогом бы не лежало».

С одной стороны, процитированные фрагменты указывают на тщательность проверки количества земельных угодий у владельца: писец должен записать их, «сыскав накрепко». Более того, прямое и настойчивое требование наказа переводить перелог в пашню говорит о том, что данные о «четвертной земле» даже и после введения «дворовой чети» продолжают нести некую вспомогательную фискальную нагрузку, выполняя по отношению к землевладельцу роль санкции или принудительного стимула. С другой стороны, этот фрагмент вынуждает искать ответ на вопрос о том, насколько сильно искажены писцовые данные о собственно пашне посредством зачисления в нее перелога? Можно ли им доверять и как их интерпретировать в связи с текстом наказа?

Попытаемся ответить на эти вопросы, исходя из статистических данных самой писцовой книги. Конечно, она представляет собой уже официальный итог деятельности писцов, а нам нужно

оценить степень корректировки статистических данных в самом процессе этой деятельности. Каких-либо прямых сведений на этот счет у нас нет, поэтому наши выводы неизбежно носят характер предположений. Думается, что анализу и оценке может подлежать только весь материал книги в целом. Ведь мы не знаем обстоятельств описания конкретных владений, поэтому попытка вычленить из итогового чистовика писцовой книги отдельные дачи с наименьшим или наибольшим искажением данных о «пашне паханой» означала бы слишком произвольный подход к нашему источнику.

В первую очередь следует выяснить, насколько велика вероятность полной подмены пашни перелогом. Для этого из общего массива данных были вычленены те поселения или «жеребии» поселений, в которых совсем не было зависимого населения – крестьянских, бобыльских или людских дворов. Для краткости будем именовать сумму дворов всех категорий зависимого населения «рабочими дворами». Итак, если в поселении или «жеребии» указана «пашня паханая», а ни одного «рабочего двора» нет, то перед нами, вполне возможно, случай полной подмены «пашни паханой» перелогом. В эту группу мы решили не включать те села и сельца, где был только владельческий двор, рабочих дворов не было ни одного, а «пашня паханая» все-таки указана. Эти поселения были центрами владений, и мы вправе допустить, что земля здесь могла обрабатываться крестьянами соседних деревень данного владения. Но в отношении деревень, починков и некоторых пустошей, в которых нет «рабочих дворов», но указана «пашня паханая», такое предположение возможно.

Сразу подчеркнем, что число примеров такой полной подмены данных о «пашне паханой» данными о перелоге ничтожно мало: из более чем 2500 поселений и отдельных «жеребиев» их всего 179. И даже с учетом сел и селец, где был только владельческий двор и при этом указана «пашня паханая», таких поселений набралось бы около 1 % от общего количества. Как правило, они были в поместном владении, что особенно четко видно на примере отдельных «жеребиев» (см. таблицу 1). Это вполне соответствует тексту наказа, требовавшего от писцов переводить именно поместные перелоги в пашню.

Таблица 1. Предполагаемые случаи полной замены «пашни паханой» перелогом в суздальской писцовой книге

	Целые поселения		Отдельные «жеребии»	
	абс.	%	абс.	%
В поместьях	53	77,94	66	59,46
В светских вотчинах	13	19,12	24	21,62
В духовных вотчинах	2	2,94	18	16,22
Всего	68	100,00	111	100,00

То, что примеров полного искажения данных о «пашне паханой» так мало, позволяет утверждать, что если писцы действительно следовали приведенным выше требованиям наказа, то записанная ими «пашня паханая» – это никак не механически переведенный перелог, а некая сумма реально распахивавшихся земель и добавленного к ним перелога. Можно ли примерно оценить, какая составляющая преобладала в этих данных?

Для ответа на этот вопрос в каждом поселении было определено количество «пашни паханой», приходящейся на один рабочий двор. Подчеркнем, что этот показатель расчетный – в самих писцовых книгах данные о земельных угодьях даются на поселение в целом, а не на каждый двор в отдельности. Следовательно, речь идет не о земельных наделах, а о расчетной дворовой норме «пашни паханой». Но при всей своей условности этот показатель все-таки является неким выражением хозяйственной нагрузки на отдельный двор и реалистичность этой нагрузки можно оценить. Следовательно, можно оценить и степень возможного искажения данных о «пашне паханой» за счет перелога.

Кроме того, мы решили учесть, как поведет себя этот показатель в поселениях с различной владельческой принадлежностью. Ведь в наказе, как мы помним, речь шла о пересчете земельных угодий только в поместных землях, следовательно, данные о «пашне паханой» в светских и духовных вотчинах должны быть более надежны. Имея это в виду, можно оценить, насколько часто писцы руководствовались этим требованием при описании поместий. Расчетные дворовые нормы сгруппированы в приведенной ниже таблице.

Таблица 2. Распределение поселений с различной дворовой нормой пашни по формам землевладения

	«Пашни паханой» в среднем на двор в поселении (дес. в трех полях)				
	0–2,5	2,6–5	5,1–10	10,1–15	более 15
Поместных поселений в группе	114	123	280	209	224
Вотчинных поселений в группе	210	329	317	133	74
Церковных поселений в группе	135	142	105	34	40
Всего поселений в группе	459	594	702	376	338

Как видим, расчетные дворовые нормы пашни могли существенно различаться. Тем не менее если посмотреть на распределение всех поселений в целом по группам с различными дворовыми нормами пашни (нижняя строка таблицы), то четко видно, что количество поселений в группе растет вплоть до нормы в 10 дес. в трех полях на двор. А в следующих двух группах с более высокими дворовыми нормами общее количество поселений резко снижается. В целом это выглядит довольно правдоподобно, так как более населенные дворы, которые могли справиться с таким объемом работ, должны встречаться реже.

Интересно, что в группах поселений с разной владельческой принадлежностью динамика их распределения была примерно одинаковой. Количество поселений растет вплоть до достижения нормы в 10 дес. на двор в трех полях и в вотчинах обоих видов, и в поместьях, а затем во всех трех случаях убывает. Но число помещичьих поселений в группах с высокой дворовой нормой пашни убывает значительно слабее. Это отличие показательно. Учитывая текст наказа, можно предполагать, что порой писцы действительно по-разному исчисляли «пашню паханую» в

вотчинах и поместьях, добавляя в последнем случае перелог. Но все же говорить о полной непригодности показателей по поместьям нельзя – ведь поселения с высокой дворовой нормой пашни были и в вотчинах, на которые эти рекомендации не распространялись. В целом можно сделать следующий вывод: существенное искажение данных о «пашне паханой» возможно лишь применительно к части поместных поселений с высокой дворовой нормой пашни.

Как определить, насколько существенна доля такой вероятной «переложной надбавки»? Наш метод проверки точности данных о «пашне паханой» состоял в сопоставлении их с данными о количестве населения. Логично предположить, что если несогласованность между указанным количеством населения и количеством «пашни паханой» будет разительной, то это укажет нам на возможное включение в пашню перелога.

Для этого нужно выяснить, какова сила взаимосвязи между количеством «пашни паханой» и количеством дворов. Если эта связь сильна, то она указывает на зависимость количества указанной писцами «пашни паханой» в первую очередь от количества рабочих рук, а следовательно, на слабое искажение писцовых данных о пашне возможным включением в них перелога. Если же она слабая, то это говорит о преобладании перелога в указанной писцами пашне. Корреляции подвергся весь имеющийся у нас материал, но не сразу целиком. Группы поселений включались в анализ по мере увеличения расчетной дворовой нормы пашни. Поэтому изменение коэффициента корреляции позволяло оценить вероятность включения перелога в пашню по мере увеличения дворовой нормы. Признаки для корреляции брались на уровне поселений и отдельных «жеребиев», то есть в том виде, как они зафиксированы в писцовых статьях. Результаты анализа представлены в таблице.

В результате анализа получены довольно интересные коэффициенты. Особенно выразителен коэффициент в группе поселений с минимальной дворовой нормой пашни, здесь увеличение показателей по «пашне паханой» за счет перелога полностью исключено[153].

[153] Поскольку корреляционный анализ используется в этой работе неоднократно, стоит сделать некоторые пояснения. Коэффициент корреляции (r) указывает на наличие или отсутствие связи между статистическими

Таблица 3. Изменение тесноты взаимосвязи между количеством «пашни паханой» и «рабочих дворов» по мере роста дворовой нормы пашни

«Пашни паханой» на двор (дес. в трех полях)	Коэффициент корреляции «пашня паханая»/ «рабочие дворы»	Доля поселений в группе (%)	Доля дворов в группе (%)	Доля «пашни паханой» в группе (%)	Доля всех угодий в группе %)
От 0 до 2, 5	0,90	18,59	23,48	4,78	8,65
От 0 до 5	0,77	42,69	49,77	18,44	22,77
От 0 до 10	0,70	71,12	77,53	45,85	50,11
От 0 до 15	0,70	85,99	90,16	67,42	70,63
По уезду в целом	0,64	100,00	100,00	100,00	100,00

При последовательном включении в анализ групп поселений с расчетной нормой пашни от 2,5 до 15 дес. в трех полях связь между количеством рабочей силы и площадью запашки, указанной писцами, действительно постепенно слабеет. Следовательно, растет вероятность включения в пашню перелога. Но при этом

показателями. Коэффициент корреляции принимает значения от -1 до 1. При r = 1 (или -1) связь между показателями абсолютная, при r = 0 она полностью отсутствует. Знак r указывает на направление связи: если он положительный, то связь прямая (увеличение одного признака сопряжено с увеличением другого), если отрицательный, то она обратная (увеличение одного признака сопряжено с уменьшением другого). Силу связи отражает коэффициент детерминации, равный квадрату значения r, взятому в процентах. В данном случае он будет равен 81 %. Это значит, что связь между показателями прослеживается в 81 % объектов, взятых для анализа. В принципе о сильной (существенной) связи можно говорить при r = 0,71 (или -0,71) и более, так как коэффициент детерминации превышает 50 %. Если значение r составляет как минимум 0,52 или (-0,52) и более, то оно указывает на значимую связь (поскольку она прослеживается в 25% объектов и более).

общем угасании связь количества дворов и «пашни паханой» остается существенной для всех первых четырех групп поселений. Следовательно, применительно ко всей этой части писцового материала справедливо утверждение, что «пашня паханая» – это в основном именно регулярно распахиваемая земля. А ведь речь идет о 85 % поселений, в которых располагалось 90 % всех дворов, две трети «пашни паханой» и 70 % всей земли. Это позволяет утверждать, что данные о «пашне паханой» в книге в целом довольно точны.

После включения в анализ оставшихся поселений с самой высокой расчетной нормой от 15 десятин пашни на двор, то значение коэффициента корреляции между количеством «пашни паханой» и количеством рабочих дворов перестает достигать предела существенной связи. Следовательно, есть основания полагать, что в этой части данных о «пашне паханой» включение перелога действительно было весомым. Но все же и в этом случае связь остается значимой, а коэффициент детерминации составляет 41 %. Все-таки и здесь статистическое ядро действующей пашни явственно «пробивается» сквозь наслоения возможных начислений писцами перелога. Думается, что, хотя в этой части писцового массива данные о «пашне паханой» наиболее приблизительны и размыты, они могут быть использованы в работе.

Итак, величина полученного коэффициента служит нам указанием на преобладание действующей пашни в «пашне паханой», зафиксированной писцами в большинстве поселений. Но одновременно он может служить и критерием для оценки нашей расчетной дворовой нормы пашни. Ведь сильная зависимость количества «пашни паханой» от количества рабочей силы в группе поселений с той или иной дворовой нормой пашни указывает и на то, что и сама эта норма реалистична, то есть в основном содержит в себе именно действующую пашню, а не добавленный писцами перелог. Иначе такой связи не наблюдалось бы. Следовательно, в зависимости от величины нашего коэффициента расчетная норма может более или менее точно выражать, сколько в среднем земли действительно мог распахать один двор. Значит, чем больше наш коэффициент, тем вероятнее посильность данной дворовой нормы. В этом смысле наиболее вероятными вы-

глядят дворовые нормы до 2,5 и до 5 дес. в трех полях. Максимальный расчетный предел хозяйственных возможностей двора достигает нормы в 15 дес. на двор в трех полях, затем связь перестает быть существенной. Как уже говорилось, условность этой единицы в том, что она получена посредством перерасчета писцовых данных, а не взята из источника. Учитывая специфику валового описания, отражающего хозяйственные реалии отнюдь не на уровне отдельного крестьянского двора, отметим, что полученный диапазон расчетной дворовой нормы пашни не противоречит известным по литературе оценкам посильного объема пашенных работ на двор в 7 – 7,5 дес. в трех полях (Л.В. Милов, Ю.А. Тихонов). Следовательно, наш метод проверки писцовых данных о пашне имеет под собой основания.

Сложность проверки состоит в том, что, как будет показано ниже, из суздальской писцовой книги можно довольно мало узнать о населенности крестьянского двора. А ведь для оценки реалистичности наших производных дворовых норм пашни это существенно, так как могли быть и большесемейные дворы и, следовательно, большие наделы. Поэтому возрастает роль косвенных характеристик – например, данных о том, в какой части уезда располагались поселения с высокой дворовой нормой пашни. Так, весьма вероятно, что посильный размер распашки в среднем на двор в районе ополья в принципе мог быть существенно выше, чем в других частях уезда. На это указывают результаты исследования Л.В. Милова, посвященные сравнительному анализу трудозатрат на обработку земли в районах Центральной России. Один из важнейших для нас выводов этой работы состоит в том, что затраты времени на обработку земли в районе ополья были минимальными в Нечерноземье[154]. И это хорошо согласуется с нашими данными.

Если посмотреть на территориальное размещение поселений с высокой нормой пашни на двор (в этом случае мы взяли норму от 10 дес. в трех полях), то выясняется, что большая часть (62 %) всей относящейся к ним «пашни паханой» приходится именно на Ополь-

[154] *Милов Л.В.* О производительности труда в земледелии России в середине XVIII в. (по материалам монастырской барщины) // Исторические записки. М., 1970. Т. 85. С. 220–221, 249.

ский стан, в котором земля была наиболее легкой для обработки (по писцовой терминологии – «доброй»). Добавим, что этот стан практически не пострадал в период Смуты, в нем располагалась примерно половина всего населения уезда. Все это позволяет думать, что относящиеся к этой территории большие дворовые нормы пашни – не только результат писцовой приписки перелога, а отражение наиболее благоприятных для крестьянского хозяйства условий.

Итак, несмотря на категоричное требование наказа переводить перелог в пашню, преувеличивать масштаб возможных искажений не следует: сравнение данных о пашне по поместьям и вотчинам, а также корреляционный анализ показали, что чрезмерный перевод перелога был скорее исключением, чем правилом. Видимо, для правительства все же было важнее получить более-менее точные сведения о землепользовании, чем оказать дополнительное фискальное давление на помещика посредством манипуляций с данными о «пашне паханой».

Кроме того, для сопоставления данных писцовых книг с данными Экономических примечаний возможные искажения количества «пашни паханой» за счет перелога не столь опасны. Ведь, как показано в специальной работе Л.В. Милова, «пашня» Экономических примечаний на самом деле включала в себе и перелог[155]. Это, конечно, не значит, что данные обоих кадастров идеально сопоставимы – сами размеры возможной «надбавки» перелога мы не знаем ни в том, ни в другом случае. Но важно то, что характер искажений данных о пашне в обоих источниках был одинаков. Все это приводит к выводу о том, что, хотя наши данные о «пашне паханой» могут быть и приблизительными, они вполне пригодны для решения поставленных исследовательских задач.

Другим интересным моментом является писцовая оценка качества земли. Как известно, писцы давали самое примерное указание на качество почв, отмечая о каждом поселении (или его «жеребии»), что оно располагается на «худой», «середней» или «доброй» земле. В обширном Суздальском уезде качество земли было различным: в целом здесь преобладали «середние земли», однако

[155] *Милов Л.В.* О роли переложных земель в русском земледелии второй половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961. Рига., 1963.

на юге уезда, то есть в собственно ополье, доля «добрых земель» значительно возрастала, достигая 42–45 %, и только на востоке уезда земля оценивалась как «худая». В Алексинском уезде практически вся земля описана как «добрая». Столь высокая писцовая оценка почв в этих краях иногда ставится под сомнение. Так, Я.Е. Водарский предположил, что в данном случае мы имеем дело с процедурой «одабривания», поэтому в своей работе пересчитал все писцовые данные о «четвертной пашне» по Алексинскому уезду из «добрых» в «середние». Однако И.И. Соколова, специально занимавшаяся сопоставлением данных писцовых книг с отказными и другой документацией на предмет их точности, пришла к выводу о высокой степени достоверности писцовых данных по «четвертной пашне» и никаких перерасчетов не производила[156].

«Добрые» земли и суздальского ополья, и приокского края – это сильно деградировавшие серые и коричневатые почвы «с преобладанием глинистых и суглинистых разностей»[157]. Наличие здесь большого количества песчаных грунтов делало эти земли более легкими для обработки, что, как показывают данные «офицерских описей», приводимые Л.В. Миловым, сильно сокращало трудозатраты крестьянства и в Алексинском, и в Суздальском уездах[158]. Видимо, именно этот критерий и мог быть в основе писцовой оценки качества земли.

Наши источники как раз и позволяют точнее выяснить, какие почвы писец оценивал как «добрые», «середние» и «худые». Приведем здесь таблицу, в которой сопоставлены эти указания писца, соотнесенные с Экономическими примечаниями. За основу этого соотнесения мы взяли те поселения и пустоши, которые удалось найти в обоих источниках. При работе с Экономическими примечаниями мы зачастую не можем получить земельную статистику о каждом поселении

---

[156] *Водарский Е.Я.* Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в. С. 27; *Соколова И.И.* Служилое землевладение приокских уездов Русского государства в конце XVI – первой трети XVII в. (по материалам писцовых описаний, десятням и столбцам Поместного приказа): Автореферат канд. дисс. М., 1975. С. 5.

[157] Почвенная карта Европейской части СССР. М., 1930.

[158] *Милов Л.В.* О производительности труда в земледелии России в середине XVIII в. (по материалам монастырской барщины). С. 220–221, 249, 256.

или пустоши, соотнесенной с писцовым материалом, так как если группа поселений обводилась общей межой, то данные о земле давались только в итоге по этой группе. Но качество почвы все же можно узнать для каждого объекта Экономических примечаний. Поэтому в таблице суммированы подсчеты двух видов: количество земли того или иного качества («серой», «иловатой» и т.п.) и количество таких оценок в Экономических примечаниях. Полученные суммы были распределены по долям в зависимости от писцового указания качества земли. Результаты наших подсчетов представлены в таблице 4.

Данные этой таблицы позволяют провести некоторые различия между землями с разной писцовой оценкой качества с позиции более точных критериев последней четверти XVIII в. Так, «добрые земли» писцовой книги – это, в первую очередь, «сероиловатые», «серые», «иловатые» земли, а также все разновидности «черных» земель по Экономическим примечаниям. Землям, охарактеризованным писцами как «середние», в Экономических примечаниях в большинстве случаев соответствуют «иловатые с песком», «серые с песком», «пещаные» и «сероиловатые». Таким образом, и в «добрых», и в «середних» землях преобладают серые почвы. Но различие между ними выражается в том, что в «середних» землях заметнее преобладание супесей, тогда как в «добрых», видимо, выше доля гумуса («иловатость» и «чернота» земли).

Писцовая оценка качества земли имела комплексный характер – свою роль играли здесь и обеспеченность «четвертной пашни» угодьями, и, видимо, количество трудозатрат на обработку земли. Конечно, эта оценка могла быть только приблизительной, к тому же основанной на критериях, далеких от собственно почвенной характеристики угодий. Сравнение данных писцовой книги Суздальского уезда с Экономическими примечаниями показывает, что логика в писцовых оценках все же есть, а значит, качество почв было одним из факторов, учитывавшихся писцами при оценке качества земли. Отметим, что это соответствие писцовой оценки качества земли данным о почвах Экономических примечаний не было общим правилом: его нет в наших источниках по Алексинскому уезду. Отрицательный результат зафиксирован и по Новоторжскому уезду[159].

[159] *Пиотух Н.В.* Новоторжский (Пусторжевский) уезд в первой половине XVII – второй половине XVIII в. Пространственно-демографические изменения: Автореферат канд. дисс. М., 1999. С. 20.

Таблица 4. Соотнесение оценок качества земли в писцовых книгах и Экономических примечаниях

	По количеству земли			По количеству упоминаний		
	«добрые»	«середние»	«худые»	«добрые»	«середние»	«худые»
«глинистая с песком»	0,00	0,62	0,00	0,00	0,82	0,00
«иловатая»	12,44	9,22	12,27	7,69	8,23	11,32
«иловатая с глиной»	2,51	2,34	0,00	3,08	2,06	0,00
«иловатая с песком»	7,60	21,98	15,60	9,23	30,45	24,53
«пещаная»	1,24	13,51	25,40	7,69	7,41	20,75
«пещаная с глиной»	0,00	0,95	0,00	0,00	0,41	0,00
«пещаная,каменистая»	0,00	8,74	9,21	1,54	6,17	11,32
«серая»	13,48	6,70	11,98	10,77	7,00	5,66
«серая с глиной»	6,45	0,71	0,00	6,15	0,41	0,00
«серая с песком»	1,41	15,18	2,45	1,54	16,46	5,66
«сероиловатая»	44,72	13,25	21,97	36,92	18,93	16,98
«сероиловатая с глиной»	1,25	1,97	0,00	4,62	0,41	0,00
«сероиловатая с песком»	0,00	2,78	0,00	0,00	0,82	0,00
«черная»	5,13	0,00	0,00	4,62	0,00	0,00
«черная с глиной»	3,77	2,06	1,12	1,54	0,41	1,89
«черная с песком»	0,00	0,00	0,00	4,62	0,00	1,89
Всего	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

4. Население крестьянского двора по писцовым книгам

Как известно, в комплексе сведений, содержащихся в писцовых книгах, есть и данные о населении, исчисляемые в количестве «людей» во дворе. Более надежными считаются сведения о количестве дворов, которые чаще приводятся исследователями как показатель населенности или запустения той или иной местности или владения, а также величины поселения. Тем не менее данные о «людях во дворах» тоже использовались историками при анализе писцовой статистики и по-разному интерпретировались ими. Какое объяснение термина «люди» наиболее отвечает характеру нашего материала? Как использовать эти данные при сопоставлении с материалами Экономических примечаний? Можно ли вообще соотносить сведения о «людях во дворах» с данными ревизии? И утвердительный, и отрицательный ответ на эти вопросы должен быть аргументирован.

В связи с этим были проанализированы писцовые сведения о «людях во дворах» наших писцовых книг и получены интересные, на наш взгляд, результаты.

Прежде всего рассмотрим имеющиеся в историографии подходы к сведениям о «людях» писцовых книг. Первое объяснение этого термина принадлежит Н.А. Рожкову, считавшему, что «люди во дворах» – это крестьянское рабочее население[160]. С возражениями ему выступил В.О. Ключевский, видевший за этим термином дворохозяев[161]. Ю.В. Готье полагал, что в XVI в., при сошном окладе, писцам незачем было сколько-нибудь полно фиксировать население двора. Но в книгах первой трети XVII в., по его мнению, было записано все мужское население двора, так как этот же принцип проведен и в других описаниях XVII в. Небольшое количество «людей» во дворе (в среднем 1,5–2 «человека» на двор) он объяснял недавними потрясениями Смуты[162]. Историки, занимавшиеся новгородскими писцовыми книгами, интерпретировали данные о «людях», в общем, одинаково. А.М. Андрияшев считал, что в старом письме (то есть в писцовых книгах 1470-х – начала 1490-х гг.) пере-

[160] *Рожков Н.А.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899. С. 147–151.

[161] *Ключевский В.О.* Соч. Т. VIII. М., 1959. С. 373–374.

[162] *Готье Ю.В.* Указ. соч. С. 59–60.

числены дворохозяева, а в новом – главы семейств[163]. Той же точки зрения придерживался и А.А. Кауфман, отметивший примерное совпадение среднего количества работников на двор в северо-западных губерниях, которое давала современная статистика со средним числом «людей» на двор по новгородским писцовым книгам рубежа XV–XVI вв.[164]. А.М. Гневушев также считал, что в «новом письме» перечислены главы семейств и предложил свою методику исчисления количества населения по этим данным, по которой число «людей» умножалось на шесть[165].

Авторы фундаментальной «Аграрной истории Северо-Запада России» (в первую очередь – Т.И. Осьминский) также полагали, что «люди во дворах» – это главы семейств, и на основе этого ими были сделаны важные выводы о количестве, плотности и движении населения в новгородских пятинах за длительный период. При этом по условному коэффициенту 1 «человек» во дворе (то есть 1 семья) переводился в 5 душ обоего пола, каждый следующий «человек» (семья) добавлял к ним еще 2,5 души обоего пола на двор[166]. Принятый для книг конца XV – начала XVI в. этот принцип соблюден и для писцовых описаний всего XVI столетия, причем аргументом послужил корреляционный анализ взаимосвязи числа «людей» во дворе и надела[167]. Важно отметить, что Я.Е. Водарский впоследствии подтвердил правильность этих перерасчетов Т.И. Осьминского, сделанных им на материале второй половины XVII–XVIII вв. и перенесенных на более ранний период[168].

---

[163] *Андриашев А.М.* Материалы по исторической географии новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. Списки селений. М., 1914. С. VII–VIII.

[164] Новгородские писцовые книги в статистической обработке. Погосты и деревни Шелонской пятины по письму 1498–1501 гг. Пг., 1915. С. 14.

[165] *Гневушев А.М.* Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Т. 1. Киев, 1915. С. 40–41, 155

[166] Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. Л., 1971. С. 20.

[167] Аграрная История Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины. Л., 1974. С. 9.

[168] *Водарский Я.Е.* К вопросу о средней численности крестьянской семьи и населенности двора в России XVI–XIX вв. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по исторической географии XVII в. М., 1974. С. 121.

К материалу XVII в. авторы «Аграрной истории Северо-Запада России» подошли двояко: писцовые сведения за 1616–1623 гг. переводились по изначальному методу, а данные писцовых книг второй половины 20-х гг. и более поздних описаний XVII в. были удвоены[169]. Считалось, что в первом случае писцы продолжали учитывать только глав семей, а во втором – уже все мужское население. О том, что уже в писцовых книгах 1620-х гг. фиксировалось все мужское население двора, говорится и в монографии В.М. Воробьева и А. Я. Дегтярева[170].

Авторы новаторской коллективной монографии «Тенденции аграрного развития России первой трети XVII столетия» по-иному подошли к данным о «людях во дворах». В качестве исходного наблюдения ими было установлено, что вотчина населена «людьми» лучше, чем поместье[171]. Для решения основных исследовательских задач были взяты суммарные данные о «людях во дворах» во владении в расчете на его общую площадь. Полученная таким образом своеобразная единица плотности населения соотносилась с другими показателями, взятыми также на десятину общей площади владения[172]. В этой модели связи переменной «люди во дворах» с другими показателями – «пашня паханая» (крестьянская и владельческая), «перелог» и др. – указывали на взаимную обусловленность хозяйственных и демографических процессов в вотчине и поместье. Регрессионный анализ позволил сделать важное наблюдение о более быстром росте населенности вотчины с увеличением числа дворов, чем в случае с поместьем[173].

Обобщая дискуссию по проблеме населенности двора в XVI–XVII вв., Н.А. Горская отметила, что большая часть исследователей считает «людей» писцовых книг XVI в. главами семей (или женатыми мужчинами)[174]. Добавим, что «людям» писцовых книг первой трети XVII в. уделялось меньше внимания, чем в случае с ранними

[169] Аграрная история Северо-Запада России XVII века. Л., 1980. С. 9.

[170] *Воробьев В.М. Дегтярев А.Я.* Русское феодальное землевладение от «смутного времени» до кануна петровских реформ. Л., 1986. С. 14.

[171] *Милов Л.В., Булгаков М.Б. Гарскова И.М.* Указ. Соч. С. 222.

[172] Там же. С. 250.

[173] Там же. С. 254.

[174] Горская Н.А. Историческая демография России эпохи феодализма (итоги и проблемы изучения). М., 1994. С. 102.

новгородскими писцовыми книгами, писцовыми книгами XVI в. или переписными книгами XVII в. Отсюда и некоторая неоднозначность в интерпретации этого термина. Как уже говорилось, Ю.В. Готье и авторы «Аграрной истории Северо-Запада России» придерживались мнения, что «люди» здесь – все мужское население двора. М.В. Витов полагал, что в книгах первой трети XVII в. «учтено только взрослое население, и, по-видимому, всё»[175]. По мнению А.Л. Шапиро, в писцовых книгах 1620-х гг. «иногда учитываются только "люди" – главы семейств (как в XVI в.), а иногда все взрослые мужчины (как в переписных книгах 1640-х гг.)»[176]. Л.В. Милов подчеркивал, что «в XVI в. и в первой трети XVII в. писцовые, приправочные, дозорные книги, сотницы отмечали исключительно дворовладельцев и лишь иногда (в XVII в.) взрослое мужское население двора»[177].

Можно ли выяснить, в каких случаях состав двора отражался полнее?

Мы исходили из того, что писцовое описание, в принципе, содержит комплексную информацию, отдельные составляющие которой так или иначе взаимосвязаны, и в качестве метода поиска этих взаимосвязей мы применяли уже многократно апробированный на писцовом материале корреляционный анализ.

В Суздальском уезде писцами было зафиксировано около 9600 крестьянских и бобыльских дворов, а в них – более 15200 «людей». О крестьянских и бобыльских дворах речь идет потому, что во дворах «людских», «деловых людей», «приказчиковых», «монастырских детенышей» и других категорий зависимого населения практически всегда записан один «человек», а иногда число «людей» вовсе не указывалось. В крестьянских и бобыльских дворах число «людей» могло сильно колебаться, в нашем случае от 1 до 11. Однако как среди крестьянских, так и среди бобыльских дворов преобладали «однолюдные» дворы, составлявшие, соответственно, 68 и 63 % от общего числа. Где располагались эти дворы, как их наличие согласуется с картиной сельского расселения, с данными о «пашне паханой», со структурой феодального землевладения – эти вопросы представляются

[175] *Витов М.В.* Указ. Соч. С. 130.

[176] *Шапиро А.Л.* Живущая четь и живущая выть // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XIX. Л., 1987. С. 117.

[177] Источниковедение истории СССР. М., 1981. С. 137.

наиболее важными для объяснения термина «люди».

Исходя из определения «людей во дворах» как глав семей, приходится предполагать, что в этом крае шло интенсивное отпочкование семьянинов. Между тем Суздальский уезд – это, как известно, район старого освоения, и в первой трети XVII в. починки составляли здесь 6,5 % от всех жилых поселений и были сосредоточены в слабо освоенной восточной части уезда. Правда, в уезде было много мелких деревень: почти две трети из них (а это более тысячи поселений) составляли деревни в 1–3 двора. Это указывает на относительную легкость в обработке земли, особенно в условиях ополья, и на возможность сравнительно небольшими усилиями основать новое поселение.

На первый взгляд, в этом можно увидеть связь с данными о «людях во дворах». «Людность» двора была равна 1 в 37,5 % деревень. «Многолюдные» дворы (4 и более «человека» в среднем на двор) встречались в суздальских деревнях исключительно редко – примерно в 6 % поселений. Но было ли сколько-нибудь четкое соответствие средней «людности двора» величине деревни?

Для ответа на этот вопрос нами был проведен корреляционный анализ. Были выстроены два ряда: в одном – общее количество дворов в данной деревне, в другом – средняя «людность» двора в ней. Коэффициент корреляции оказался крайне мал (-0,28), что означает отсутствие взаимосвязи между размером поселения (а значит, и его возрастом) и «людностью» двора, указанной писцами. Обратимся к данным по селам Суздальского уезда.

Вполне понятно, что села – опорные пункты системы сельского расселения, сформировавшиеся раньше других поселений. Логично поэтому предполагать здесь и большее количество «людей» на двор. Но соотношение размера поселения и средней «людности» двора оказывается здесь еще более противоречиво, чем в случае с деревнями. Так, крупнейшее в уезде торгово-ремесленное село Лежнево (Опольский стан) насчитывало 149 дворов, а на крестьянский и бобыльский двор приходилось здесь 1,1 «человека», село Мыт, давшее название крупному стану, насчитывало 67 дворов при средней «людности» двора тоже в 1,1 «человека». Но в маленьком селе Кощеево (всего 7 дворов) она достигала 4,3 «человека» на двор. Можно привести и другие примеры подобного рода. Корреляционный анализ и здесь показал полное отсутствие взаимосвязи между «дворностью»

поселения и средней «людностью» двора (-0,009).

На наш взгляд, это свидетельствует о невозможности интерпретировать данные суздальской писцовой книги о «людях во дворе» через обращение к структуре сельского расселения в уезде.

Интересно также выяснить, существует ли взаимосвязь между количеством «людей во дворе» и количеством «пашни паханой», приходящейся на двор. Были выстроены два ряда: среднее число «людей» на двор в данном поселении и количество «пашни паханой», рассчитанной на двор в этом же поселении. Этот анализ учитывал соотношение практически во всех поселениях уезда. Коэффициент корреляции оказался весьма незначительным (0,23), то есть зависимость между примерным объемом земледельческих работ и числом «людей», приходящихся на двор, отсутствует.

Возникает вопрос, что же тогда выражает эта единица, так слабо согласующаяся с напрямую относящимися к ней показателями? Ведь важно не просто «забраковать» ее, а попытаться интерпретировать с других позиций. Наиболее вероятное, на наш взгляд, объяснение термина можно дать, обратившись к структуре феодального землевладения в Суздальском уезде, отраженной в писцовой книге.

На юге уезда, где преобладали вотчины монастырей и бояр и где земля была лучше распахана, «однолюдные» дворы составили здесь 80,3 %. Во владениях рядовых служилых людей южных станов они составили лишь 36,6 %. Особенно характерен пример своеобразного мелкопоместного «анклава» на территории южных станов – небольших Быковской и Назарьевской волостей, в которых доля поместных земель составляла 76 и 89 %. Здесь и земли распахивалось меньше (28 % против 40 % в монастырских и княжеско-боярских владениях), и доля «однолюдных дворов» падала более чем в 3 раза (до 29 %).

В менее освоенных северных станах уезда княжеско-боярских и монастырских владений было крайне мало или не было вовсе, а доля поместного землевладения достигала 93 %. Здесь доля «однолюдных дворов» также резко снижалась по сравнению с крупными вотчинниками на юге уезда, составляя всего 34,2 %.

Итак, при чтении книги складывается устойчивое впечатление, что при описании крупной вотчины писцу было достаточно указать на наличие в крестьянском дворе хотя бы одного «человека» и тем самым зафиксировать этот двор как «живущий», положить его в «живущую

четь». В крестьянских и бобыльских дворах, принадлежащих помещикам, указывалось, как правило, более одного человека. Возможно, причина в том, что мелкий помещик, не располагающий ни разветвленным аппаратом управления, ни обширной учетной документацией, ни значительным экономическим потенциалом, гораздо больше рискует потерять рабочие руки, чем боярин или монастырь-вотчинник. Поэтому он заинтересован в более полном перечислении своих «людей» в писцовой книге. Вполне определенную уступку этой заинтересованности служилых людей со стороны власти можно проиллюстрировать статистически.

Таблица 5. Группировка крестьянских дворов по числу «людей» и формам землевладения

	Поместья	Светские вотчины	Духовные вотчины
	дворов (%)	дворов (%)	дворов (%)
1 «человек»	39,06	67,23	79,98
2 «человека»	32,36	19,14	14,76
3 «человека»	13,53	7,52	4,70
4 и более «людей»	15,04	6,11	0,56
Всего	100	100	100

Таблица 6. Группировка бобыльских дворов по числу «людей» и формам землевладения

	Поместья	Светские вотчины	Духовные вотчины
	дворов (%)	дворов (%)	дворов (%)
1 «человек»	40,65	61,91	87,56
2 «человека»	34,13	23,50	10,18
3 «человека»	13,55	8,21	1,91
4 и более «людей»	11,67	6,38	0,34
Всего	100	100	100

В обеих группировках обращает на себя внимание две закономерности: во-первых, доля «однолюдных» дворов в поместьях оказывается существенно ниже, а во-вторых, распределение дворов по критерию «людности» в поместьях значительно более равномерно, чем в светских и особенно в духовных вотчинах. Сильную диспропорцию в населенности дворов вотчин невозможно, на наш взгляд, объяснить причинами демографического характера, речь идет именно о разных принципах фиксации населения. Можно предположить, что при описании поместий писцы действительно записывали все взрослое мужское население двора, а при описании светских и в особенности духовных вотчин чаще отмечались только дворовладельцы.

Некоторые подтверждения выводу можно найти и в рассмотренной выше литературе, особенно на примере монастырских владений. Я.Е. Водарский изучал долговую книгу Иосифо-Волоцкого монастыря 1523 г., убедительно показав при этом логику появления «однолюдного» двора. В итоге в 374 из 598 рассмотренных им дворов (63 %) мог быть записан 1 «человек» (женатый мужчина). Казалось бы, процент высок (хотя и заметно ниже, чем в наших расчетах), но автор тонко подмечает, что речь идет о должниках монастыря, среди которых одиночек или бездетных семей должно быть больше в сравнении с общей массой зависимого населения[178]. При учете этого обстоятельства предположительная доля «однолюдных» дворов должна стать еще ниже, приближаясь к нашим показателям по поместьям. А.Л. Шапиро сравнивал вотчинную перепись 1624 г. Рукиной Слободки, принадлежавшей Кирилло-Белозерскому монастырю, и писцовую книгу Белозерского уезда 1626–27 гг. Одно из различий между ними состоит в резком сокращении числа «людей», которых по писцовой книге во всех случаях приходилось теперь по одному на двор[179].

Итак, наше предположение состоит в том, что число «людей» во дворах находится в зависимости от структуры землевладения и уровня развития хозяйства в той или иной части уезда. Проверим

[178] *Водарский Я.Е.* К вопросу о средней численности крестьянской семьи и населенности двора в России XVI–XIX вв. С. 121.

[179] *Шапиро А.Л.* Живущая четь и живущая выть. С. 112.

его корреляционным анализом. Для этого корреляции подверглись соответствующие показатели, взятые на уровне станов (всего 16 станов и две волости)[180]. Результаты приведены в таблице 7. Мы взяли, с одной стороны, показатели, характеризующие хозяйственный потенциал (строки 1–3) и структуру феодального землевладения (строки 4–7) в стане, а с другой – долю «однолюдных» дворов от всех крестьянских и бобыльских дворов в стане.

Таблица 7. Связь минимальной «людности» двора со структурой феодального землевладения и состоянием хозяйства

Показатели по станам		Коэффициент корреляции
1. Доля «пашни паханой»	Доля «однолюдных» дворов	0,61
2. Доля «перелога и леса»	– / –	-0,65
3. Доля пустых дворов	– / –	-0,46
4. Доля поместных земель	– / –	-0,71
5. Доля земли в светских вотчинах	– / –	0,61
6. Доля земли в духовных вотчинах	– / –	0,61
7. Общая доля вотчинной земли	– / –	0,78

В результате получены интересные, на наш взгляд, коэффициенты. Можно указать на увеличение доли «однолюдных» дворов при увеличении доли «пашни паханой», долей землевладения светских и духовных вотчинников, общей доли вотчин и уменьшение доли «од-

[180] Конечно, станы могли быть весьма различны по площади. Так, суммарная площадь «четвертной пашни» в крупнейшем Опольском стане была порой в 50 раз больше, чем в мелких северных станах. Но для корреляции мы берем только относительные показатели (в процентах), нивелируя таким образом различия в абсолютных данных по станам. На наш взгляд, это делает процедуру корреляции вполне корректной.

нолюдных дворов» в первую очередь при увеличении доли поместных земель, а также доли «перелога и леса» и, хотя и в очень небольшой степени, при увеличении доли пустых дворов.

На наш взгляд, последние четыре коэффициента подтверждают наблюдения, сделанные на основе таблиц 5 и 6. Видно, что на уровне станов преобладание «однолюдных» дворов территориально соответствует преобладанию вотчинного землевладения, а убывание «однолюдных» дворов территориально совпадает с преобладанием поместий.

Казалось бы, первые два коэффициента выглядят странно. Вряд ли можно полагать, что чем лучше распахана земля в стане, тем менее населенными должны быть крестьянские и бобыльские дворы на его территории, и, напротив, земли меньше распахивается там, где чаще встречаются большесемейные дворы. Поэтому более правомерным выглядит наше исходное наблюдение о том, что в условиях большего запустения население двора, видимо, фиксировалось более подробно. Однако здесь зависимость не столь заметна, как в случае с показателями по землевладению.

Итак, можно сделать вывод, что число «людей во дворах» в суздальской писцовой книге – это зачастую результат разных подходов писцов к проблеме фиксации населения в поместье и вотчине с учетом последствий кризиса. Видимо, там, где преобладали поместные земли и где сильнее ощущалось запустение, писцы в принципе подробнее учитывали население двора. Поэтому данные о «людях во дворах» в поместьях Суздальского уезда представляются более полными, а их интерпретация как количества всего взрослого мужского населения двора – более правомерной, чем в отношении вотчин. Видимо, при описании светских и особенно монастырских вотчин уезда чаще записывались только дворохозяева.

Это обстоятельство особенно интересно в сравнении с данными о «людях во дворах» алексинской писцовой книги. К сожалению, когда составлялась база данных по этому источнику, мы не предполагали специального рассмотрения этого вопроса, поэтому количество «людей» фиксировалось в этой базе данных не на уровне двора, а на уровне поселения по категориям населения, то есть сколько «людей» было в крестьянских, бобыльских и людских дворах. Поэтому для сравнения двух источников мы рассчитали сред-

нее количество «людей», приходящихся на сумму крестьянских, бобыльских и людских дворов в каждом поселении. Затем все поселения были сгруппированы в зависимости от полученных показателей средней «людности» дворов, а потом был рассчитан процент поселений в каждой группе. Результаты сведены в таблицу.

Таблица 8. Доли поселений Алексинского и Суздальского уездов с той или иной средней «людностью» дворов (в процентах)

Число «людей» на двор	Суздальский уезд			Алексинский уезд		
	в крестьянских дворах	в бобыльских дворах	в людских дворах	в крестьянских дворах	в бобыльских дворах	в людских дворах
1–2	57,43	67,21	87,22	4,97	17,75	82,89
2,1–3	22,93	20,03	10,53	19,25	29,71	12,50
3,1–4	10,22	7,33	0,75	34,16	31,52	3,29
4,1–5	4,88	3,53	0,75	21,12	15,22	0,66
5 и более	4,54	1,90	0,75	20,50	5,80	0,66
Всего	100	100	100	100	100	100
В среднем на двор	1,87	1,64	1,24	3,60	2,77	1,27

Отличия между писцовыми данными по нашим уездам вполне однозначны. Легко заметить, что, в отличие от суздальской, в алексинской писцовой книге гораздо реже зафиксированы «однолюдные» крестьянские и бобыльские дворы. Особенно разительны отличия по группе крестьянских дворов. Так, в алексинской писцовой книге в каждом третьем крестьянском дворе записано 3 «человека», а в 40 % крестьянских дворов – 4 и более «людей». В суздальской писцовой книге эти показатели, соответственно, 10 и 9 %, то есть в несколько раз меньше. Зато более чем в половине поселений здесь приходился 1 «человек» на крестьянский двор, а в алексинской писцовой книге такие поселения составили всего 5 %. В результате в среднем на крестьянский двор по писцовой книге Алексинском уезда пришлось в 2 раза больше «людей», чем по суздальской книге –

3,6 «человека» против 1,87. С несколько меньшей четкостью те же отличия между двумя описаниями проступили и относительно бобыльских дворов. И лишь население людских дворов писцы в обоих случаях фиксировали с одинаковой необязательностью.

Очевидно, что речь идет не о разной населенности двора – иначе придется признать, что в разоренном Алексинском уезде дворы были населены лучше, чем в благополучном Суздальском. Но сам фактор разорения, безусловно, сыграл решающую роль в выработке принципов учета населения, так как в ситуации большего опустошения оно фиксировалось значительно более подробно.

Общий вывод состоит в том, что писец, отмечая население двора, руководствовался двумя главными соображениями: степень разорения территории и статус владения. В результате на опустошенных территориях и в поместьях население фиксировалось более подробно, видимо, можно говорить о том, что здесь перед нами – все взрослое мужское население двора. На благополучных территориях, а также в вотчинах были зафиксированы только дворохозяева. Такой избирательный подход не позволяет сопоставлять количество «людей» писцовых книг с ревизскими данными о числе душ мужского пола. Следовательно, единственно возможной единицей сопоставления количества населения в первой трети XVII в. и в последней четверти XVIII в. остается двор.

5. Типология сведений Экономических примечаний о сельских поселениях

Перейдем к характеристике использованных нами Экономических примечаний к Генеральному межеванию. Одна из основных проблем при сопоставлении их данных с писцовыми книгами заключается в том, что полнота сообщаемых ими сведений о поселениях была различной. Можно выделить три типа характеристики объектов по Экономическому примечанию – по мере убывания объема информации.

Наиболее полный вариант представлен отдельно обмежеванными поселениями, которые составляли самостоятельные дачи на плане и в Экономическом примечании. В этом случае мы получаем данные и о количестве дворов и душ обоего пола, и о земельных угодьях, а также

краткое примечание. Таким образом, весь возможный комплекс сведений привязан здесь к одному конкретному топониму. Мы исходим из того, что таким образом зафиксированное в Примечании поселение – это наиболее полноценная и самостоятельная единица и для изучения системы расселения в XVIII в., и для сопоставления Примечаний с писцовым материалом. К этому же первому варианту относятся и отдельно обмежеванные пустоши, о каждой из которых также сообщается весь набор сведений, возможный в нашем источнике.

Но, как известно, далеко не всегда межевалось каждое отдельное поселение или пустошь, зачастую целая группа их – от двух – трех, до нескольких десятков – обводилась одной межой, образуя одну большую дачу в Экономических примечаниях и на планах. Такие поселения представляют второй и третий типы характеристики поселения.

Второй тип описания владения характерен тем, что в нашем распоряжении могут быть данные только о количестве дворов и ревизских душ, а также краткое Примечание. Только эти сведения даются применительно к отдельным поселениям, а данные о земельных угодьях указаны лишь суммарно по даче, то есть по всем поселениям в пределах общей межи, сколько бы их ни было.

Порой эти неразмежеванные комплексы были довольно внушительными. Яркий пример из нашего материала – Соломенская волость Алексинского уезда, которая целиком была обведена одной межой (№ 330). В нее входили село, два сельца и 41 деревня. Суммарно земли под усадьбой, пашней, покосами, лесом и неудобий в ней насчитывалось 15826 дес. и 583 саж., что составляло почти 10 % всей площади уезда. Как распределялся этот массив угодий между отдельными поселениями – неизвестно. Однако количество дворов и ревизских душ обоего пола указано здесь и суммарно по волости, и при каждом поселении отдельно.

Другой подобный пример – дворцовая Лапатницкая волость в Суздальском уезде, целиком составлявшая одну дачу (№ 48). В ней составители Примечаний отметили 8 сел и 40 деревень. В общем итоге по описанию этой волости отмечено под усадьбой, пашней, покосами, лесом и в «неудобных местах» 32774 дес. и 1000 саж. Как и в случае с Соломенской волостью Алексинского уезда, общий итог скрыл от нас обеспеченность угодьями конкретного поселения дан-

ной волости. Но все население волости – 931 двор, 2846 д. м.п. и 2691 д. ж.п. расписаны в Примечании по поселениям, и мы можем выяснить населенность каждого из них.

Конечно, примеры, приведенные нами, – это исключения, ведь речь в них идет о ситуации, когда одной межой обводилась административная единица – волость. Кроме того, обе эти волости не фигурируют в наших писцовых книгах, так как в них содержатся только описания поместий и вотчин (светских и духовных), а черные или дворцовые земли в них не фиксировались. Поэтому поселения этих волостей не фигурируют и в нашем сопоставлении с писцовыми данными, здесь мы лишь привели их в пример как крайний случай общего межевания.

В большинстве дач, которые мы сопоставляли с писцовым материалом, в одной меже оказывались гораздо меньшие группы поселений. Причиной такого межевания в этих случаях была принадлежность всей этой группы одному владельцу. Ведь для подтверждения его права собственности на весь такой комплекс не требовалось выяснять, сколько каких угодий имеется в отдельном поселении – достаточно указать их общую сумму в итоге. Например, в Суздальском уезде большое количество поселений находилась в вотчинах монастырей и архиепископа. В ходе секуляризации 1764 г. эти компактные вотчины были целиком переданы в Коллегию Экономии, поэтому раздельное межевание входивших в них поселений не имело юридического смысла. В результате все бывшие монастырские села и деревни всегда межевались группами, поэтому из Примечаний можно почерпнуть только сведения об их населенности.

В Алексинском уезде монастырское землевладение было развито крайне слабо, поэтому группы неразмежеванных поселений, как правило, принадлежали здесь светским владельцам. Это мог быть один владелец, и тогда обведение их одной межой объясняется просто. Но в ряде случаев и в Алексинском, и в Суздальском уездах группы неразмежеванных поселений принадлежали нескольким совладельцам. Это указывает нам на то, что между такими поселениями существовало сильное хозяйственное тяготение, их нельзя было размежевать по жребиям, исходя из долевого участия каждого владельца. Поэтому помещикам было гораздо проще придти к «полюбовному» соглашению, не

дробя общий массив угодий, и в Примечаниях эта группа поселений указывалась как одна дача.

Можно выделить еще третью группу дач – с минимальным объемом сведений о неразмежеванных поселениях. В них даже данные о количестве дворов и душ даются только в общем итоге. К примеру, в Суздальском уезде Даниле Данилову Земскову принадлежало село Крапивново с пятью деревнями (дача № 673). Мы можем узнать, какая церковь стояла в селе, какое из поселений располагалось на реке, а какое – на суходоле, но вся статистическая информация обобщена в итоге, поэтому неизвестна ни населенность, ни обеспеченность угодьями конкретного поселения этой дачи. В сущности, Генеральное межевание зафиксировало здесь лишь само наличие таких жилых поселений, их названия и скромный объем сведений краткого Примечания.

Правда, обобщенные нестатистические характеристики Краткого примечания, данного к итогу в целом, мы можем принять как сведения о каждом отдельном поселении, входящем состав такой дачи. Если в Примечании к итогу сказано: «Крестьяне на пашне», то это относится к каждому поселению, так как форма ренты в такой даче была единой для всех составляющих ее поселений. Тип почвы, качество хлебов и покосов тоже указаны только для всей такой дачи в целом, и мы также распространяем эти указания на каждое поселение дачи. Собственно, это все, что мы можем выяснить о поселении при таком способе описания владения в Экономических примечаниях.

К этой же третьей группе пунктов с минимальным объемом сведений относятся также и пустоши, примежеванные к близлежащим жилым поселениям. Например, дача № 757 Суздальского уезда, принадлежавшая Анне Федоровой Дубенской, состояла из села Аксентьева с пустошью Акимцовой. Единица межевания в этом случае – именно «село такое-то с пустошью такой-то», и то количество угодий, которое могло относиться к этой пустоши, суммировано с данными по селу в общем итоге. В результате о таких примежеванных пустошах Экономические примечания не сообщают нам практически ничего, кроме их названия.

Обобщенная характеристика сведений Примечаний о поселениях и пустошах дается в нижеследующей таблице.

Таблица 9. Межевание объектов в Алексинском уезде[181]

	1-й вариант (полный набор сведений)		2-й вариант (сведения о населении и краткое примечание)		3-й вариант (только топоним и краткое примечание)		Всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Села	51	75,00	17	25,00	0	0	68	100
Сельца	95	87,16	14	12,84	0	0	109	100
Деревни	82	70,69	33	29,31	0	0	116	100
Пустоши	139	92,67	0	0	11	7,33	150	100
Погосты	23	100,00	0	0	0	0	23	100
Всего	390	76,62	64	35,28	0	0	454	100

Как видим, Экономические примечания к Генеральному межеванию в Алексинском уезде зафиксировали полные данные по большей части указанных в источнике поселений и почти по всем пустошам. Важно, что в Примечаниях по Алексинскому уезду у неразмежеванных поселений всегда указывалось количество дворов и ревизских душ и ни одно жилое поселение не попало в третий вариант с минимальным объемом сведений. Количество пустошей, о которых известны только топонимы, ничтожно мало. Все это говорит о высокой полноте сведений Экономических примечаний по Алексинскому уезду о сельских поселениях, достаточной для изучения структуры расселения в этом районе в XVIII в. и для сопоставления со всем набором писцовых сведений.

Обратимся к характеру данных о поселениях, предоставляемых Экономическими примечаниями по Суздальскому уезду.

Доля неразмежеванных поселений в Суздальском уезде выше, чем в Алексинском. Особенно это заметно в отношении деревень и сел. Как уже говорилось, это объясняется наличием мощного

[181] Без Соломенской волости, в которой располагались село, два сельца и 41 деревня.

Таблица 10. Межевание объектов в Суздальском уезде[182]

	1-й вариант (полный набор сведений)		2-й вариант (только сведения о населении)		3-й вариант (только топоним и краткое примечание)		Всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Села	52	48,15	36	33,33	20	18,52	108	100
Сельца	43	76,79	9	16,07	4	7,14	56	100
Деревни	71	39,23	71	39,22	39	21,55	181	100
Пустоши	347	80,05	0	0	76	17,51	434	100
Погосты	8	100,00	0	0	0	0,00	8	100
Слободы	1	33,33	1	33,33	1	33,33	3	100
Всего	522	66,12	119	15,06	140	17,72	790	100

монастырского землевладения, в дальнейшем целиком перешедшего в казну и не требовавшего поэтому подробного межевания. В отличие от Примечаний по Алексинскому уезду, в суздальских Примечаниях о таких поселениях порой нельзя узнать не только количества угодий, но и числа дворов и душ, которое тоже давалось суммарно по даче (см. графу «Третий вариант»). Конечно, это является дополнительной трудностью при сопоставлении с писцовым материалом. Впрочем, доля их сравнительно невелика, и в целом суздальские Экономические примечания дают достаточный объем сведений о сельских поселениях для сопоставления с писцовой книгой.

Наша характеристика сведений о сельском расселении, содержащихся в Экономических примечаниях, будет неполной, если не затронуть вопрос о фиксации пустошей. Как уже говорилось, писцы отмечали пустоши с большой тщательностью, вплоть до каждого отдельного жребия. Нередко они по отдельности

[182] Без Лапатницкой волости, в которой располагались 8 сел и 40 деревень.

записывали и «отхожие пожни», то есть участки сенокосных угодий, чаще всего безымянные, на которых не было никаких пашенных земель, и, следовательно, они не представляли никакого фискального интереса даже с точки зрения поземельного обложения. А вот при изучении Экономических примечаний создается впечатление, что для межевщиков екатерининского времени фиксация пустошей была делом гораздо менее обязательным, чем для писцов.

Так, довольно часто в Примечаниях есть указания на «припущенные» к жилым поселениям пустоши, о которых не сообщается ничего, даже их названия. Приведем один их таких случаев. В даче № 826 суздальского Примечания указано принадлежавшее четырем помещикам сельцо Смольницы «с пустошми». Сколько было припущено тех пустошей к сельцу, как они назывались, как много земли относилось к ним – неизвестно. Также довольно распространенным было совместное межевание группы пустошей. В этом случае в Экономических примечаниях отмечалась «пустошь такая-то с пустошми», тоже без указания названий и тем более количества угодий в этих последних.

Уже эти примеры сами по себе показывают, что в процессе составления Экономических примечаний о какой-то части пустошей пропали практически все возможные сведения. Однако в случаях с упоминанием таких «безымянных» пустошей мы хотя бы точно знаем, что данное жилое поселение «с пустошми» окружали какие-то участки вспомогательных угодий (покосов, леса, возможно, и перелога). Но можно с большой долей вероятности предположить, что какое-то количество пустошей, «тянувших» к жилым поселениям, вообще не попало в Экономические примечания даже в виде такого «безымянного» упоминания. Так, при межевании тех же двух волостей наших уездов в них не было указано ни одной пустоши. Подобные примеры есть и среди менее крупных неразмежеванных дач. Трактовка пустоши как проявления кризиса сельского хозяйства могла бы навести на мысль, что перед нами некие идеально освоенные владения, где вся земля перераспределена исключительно между жилыми поселениями, а пустоши исчезли. Однако в условиях экстенсивного земледелия такая структура расселения была просто невозможна.

Ниже будет показано, что даже в самых крупных и населенных боярских или монастырских вотчинах ополья, в которых не было и малейших признаков запустения, насчитывались десятки пустошей с небольшими участками перелога и сенокоса. Отсутствие подобного перечня пустошей в крупных неразмежеванных владениях, зафиксированных Экономическими примечаниями, объясняется не образцовым освоением территории, а ненужностью таких сведений для подтверждения права владения комплексом поселений в целом. Поэтому пустоши, находившиеся в таких комплексах поселений, просто не упоминались. Это тем более очевидно, если учесть громадный объем работы, предпринятой властями в ходе Генерального межевания. Ведь оно подразумевало составление большого количества картографических материалов, Экономических примечаний, основанных, к тому же, на абсолютно новой классификации угодий, решение многочисленных споров совладельцев и т.д. Желание сократить эту работу за счет менее подробной фиксации пустошей представляется довольно естественным.

Мы не можем узнать, сколько пустошей выпало из нашего поля зрения в результате такого межевания, но некоторые примеры показывают, что их могло быть очень много. Забегая вперед, укажем здесь на результаты соотнесения материала писцовой книги и Экономических примечаний, когда, с одной стороны, перед нами была пустошь первой трети XVII в., а с другой – та же пустошь через полтора века, но уже «с пустошми». В результате такого прямого парного сопоставления мы получаем картину поистине фантастического «роста» этих пустошей за XVII–XVIII вв.

Вот несколько ярких примеров из суздальского материала. Так, пустошь Бережки, зафиксированная в Примечаниях как «пустошь с пустошми», «выросла» в 24, 6 раза, пустошь Малиновик – в 43, 8 раза, пустошь Маклаки – в 45, 9 раза. Наиболее показателен пример пустоши Елниковой, которая «выросла» в 57 раз, а по абсолютным данным – более чем на 1100 десятин.

Конечно, такой «рост» незаселенных объектов можно объяснить только огромной разницей в принципах их фиксации в источниках, а не реалиями хозяйства. Очевидно, что в этом сопоставлении оказались, с одной стороны, единичная

пустошь XVII в., а с другой – целый комплекс пустошей, обозначенный тем же топонимом и припиской «с пустошми». Этот большой «рост» в первую очередь говорит о большом количестве пустошей, полностью скрытых межевщиками от исследователя за этой припиской.

Итак, предварительный анализ материала Экономических примечаний показал, что полнота сведений о сельских поселениях была различной. Можно выделить три типа характеристики поселения: в первом случае мы получаем все возможные статистические данные (и о земельных угодьях, и о количестве населения), во втором – только данные о населении, в третьем – только нестатистическую информацию Краткого примечания. В обоих наших источниках первый, наиболее полный вариант характеристики поселения является преобладающим, количество дач третьего типа минимально. Это позволяет производить сопоставление данных писцовых книг и Примечаний.

Кроме того, можно утверждать, что в ходе Генерального межевания было опущено большое количество сведений о пустошах, большое количество пустошей просто не были упомянуты в Экономических примечаниях. Это очень серьезный пробел, так как сведения о пустошах – это, в первую очередь, сведения о степени экстенсивности земледелия, проявляющей себя на региональном уровне. Отсутствие данных о всех пустошах за последнюю четверть XVIII в. затрудняет анализ перемен в сельском хозяйстве, произошедших за полтора века. Тем ценнее становятся имеющиеся у нас неполные данные.

Обзор историографии по проблемам источниковедения писцовых книг и Экономических примечаний показывает, что использование этих документов в исторических исследованиях имеет давние традиции. Дискуссия по проблемам писцовых книг была одной из самых интенсивных и плодотворных в отечественном источниковедении. Главным ее итогом, на наш взгляд, можно считать доказанность поземельного характера писцовых описаний первой трети XVII в., что открывает возможности для широкой обработки земельной статистики этих книг. Историками, работавшими с Экономическими примечаниями, много было сделано для изучения процессов расслоения крестьянства, эво-

люции феодальной ренты и меньше – для изучения феодальной земельной собственности.

Характер использованных писцовых данных был сложным. Так, писцовые сведения о «пашне паханой» в основном можно считать вполне пригодными для статистической обработки, хотя они могли включать и перелог. Данные о «людях» писцовых книг, к сожалению, не могут быть использованы для сравнения с материалом Экономических примечаний. Сведения последних о сельском расселении можно признать достаточно подробными применительно к поставленным в работе задачам.

k

ГЛАВА II. ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И СЕЛЬСКОЕ РАССЕЛЕНИЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII в.

1. Общая характеристика структуры землевладения

Общая структура землевладения в Суздальском уезде выглядела следующим образом. Всего в уезде за различными владельцами было закреплено 167 934 чети «четвертной пашни» (в поле) и 10549 крестьянских и холопских дворов. В распределении этих экономических ресурсов наблюдались серьезные диспропорции. Так, большая часть земли – 52 % (86 773 чети в поле) – находилась в поместьях, однако на них приходилось всего 23 % дворов (2 428). В светских вотчинах находилось 23 % (38 626 четей) земли и при этом 42 % всех дворов (4 402). В духовных вотчинах располагалось 25 % земли (42 535 четей) и 35 % (3 719) дворов. Столь явная асимметрия распределения экономических ресурсов означала, что в поместьях на один крестьянский или холопский двор приходилось 36 четвертей в поле (или 54 десятины !). Фактически сам по себе поместный земельный оклад был обесценен с экономической точки зрения, поскольку имевшиеся у помещика крестьяне могли обрабатывать землю в минимальной степени. В вотчинах соотношение дворов и земли было более благоприятным: здесь в среднем на двор приходилось 9–11 четей пашни в поле.

Специфика Суздальского уезда ярко выражена в распространенности здесь крупного княжеско-боярского землевладения. Например, на протяжении всего XVI в., включая и период опричного террора, около половины землевладельцев здесь представляли собой верхний слой дворянства[183]. В первой трети XVII в. Суздальский уезд входил в группу уездов, в которых в первой трети XVII в. была наибольшая концентрация родовых княжеско-боярских вотчин и крупных владений нетитулованного дворянства[184]. Наш анализ писцовой книги 1628–1630 гг. подтверждает эти известные по историографии наблюдения. Так, 43 поместные дачи (7 %) принадлежали представителям княже-

[183] *Фомин Н.К.* Указ. Соч. С. 94.

[184] *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII в. С. 183.

ских фамилий (Барятинские, Волконские, Куракины, Пожарские, Шаховские и др.). В них располагалось 10 % всей поместной земли и 18 % всех дворов. Почти треть вотчин уезда (60) принадлежали представителям княжеских фамилий. Элитный характер вотчинного землевладения наглядно демонстрируют огромные владения представителей Куракиных, Пожарских, Шуйских, Черкасских, В целом в таких владениях располагалось две трети всей вотчинной пашни и почти три четверти дворов.

Говоря о самих владениях, можно привести следующие сведения. Из 815 светских владений в уезде поместья составляли три четверти (607 дач). Почти все они были в единоличном владении – лишь 80 из них (или 13 %) делились между двумя и более совладельцами (в подавляющем большинстве случаев – родственниками). В среднем на каждое поместье приходилось по 4 крестьянских двора, примерно 143 чети «четвертной пашни» в одном поле, из которых обрабатывалась четвертая часть (в среднем 32,5 чети на поместье). Это довольно скромные показатели на фоне других регионов. Так, в Псковском уезде в этот же период в среднем на поместье приходилось 9,1 крестьянских и бобыльских двора[185]. В то же время в Устюженском уезде на поместье приходилось в среднем 3 крестьянских двора[186].

Более детально сведения о хозяйстве суздальских поместных дач представлены в следующих таблицах.

Таблица 11. Размер поместной дачи Суздальского уезда

Четвертной пашни (четей в поле)	Дач		В них земли	
	абс.	%	абс.	%
менее 50	138	22,7	3861	4,4
от 50 до 100	135	22,2	9988	11,5
от 100 до 200	189	31,1	27093	31,2
от 200 до 300	90	14,8	21784	25,1
от 300 до 500	43	7,1	16036	18,5
более 500	12	2,0	8011	9,2
Всего	607	100	86773	100

[185] Аграрная история Северо-Запада России XVII в. С. 98.
[186] *Пугач И.В.* Указ. соч. С. 148.

Таблица 12. Населенность поместной дачи Суздальского уезда

Дворов крестьян, бобылей и холопов	Дач		В них дворов	
	абс.	%	абс.	%
пустые	259	42,7	0	0,0
от 1 до 5	217	35,7	603	24,8
от 6 до 10	67	11,0	510	21,0
от 11 до 20	41	6,8	585	24,1
от 20 до 50	20	3,3	529	21,8
более 50	3	0,5	201	8,3
Всего	607	100	2428	100

Таким образом, большая часть поместных дач Суздальского уезда в первой трети XVII в. не превышала 200 четей «в поле» (300 десятин в трех полях), которые, как правило, либо вообще не обрабатывались ввиду полного отсутствия крестьянских дворов, либо распахивались в минимальной степени немногочисленным (не более 5 дворов) крестьянским населением. О весьма слабом развитии господского хозяйства в поместных дачах свидетельствует и тот факт, что примерно в половине из них (317) не было усадьбы («двора помещикова»).

Вотчины составляли четверть всех светских дач в Суздальском уезде (208). Как и в случае с поместьями, они, как правило, представляли собой единоличное владение – в совладении находилась лишь 31 вотчина (15 % от общего числа). Суздальская вотчина была гораздо лучше обеспечена рабочими руками: крестьянских дворов в среднем на одну дачу было 21 – в 5 раз больше, чем на поместье. Поэтому земля в вотчине, как правило, гораздо лучше обрабатывалась: в среднем на вотчину приходилось 104 чети «четвертной пашни», из них большую часть составляла «пашня паханая» – 81,5 чети «в поле». В целом ряде случаев этот результат был достигнут, как можно предполагать, за счет перевода крестьян из поместья в вотчину. Так, у 72 владельцев Суздальского уезда были дачи как на вотчинном, так и на поместном праве. Из них у 55 (76 %) в вотчинах располагалось больше крестьянских и холопьих дворов, чем в поместьях, а поместья были населены луч-

ше только у 13 (18 %). Столь явное преобладание позволяет предположить стремление владельцев лучше заселить вотчину за счет поместных крестьян. В этой связи совершенно неслучайно выглядит норма Соборного Уложения, преследовавшая такой перевод как незаконный в интересах сохранения возможности несения службы с поместий: «А будет которыя помещики и вотчинники крестьян своих учнут с поместных своих земель сводити на вотчинныя свои земли, а после того поместья их даны будут кому иным помещиком, и те новые помещики учнут государю бити челом о тех крестьянех, которыя с поместных земель сведены на вотчинныя земли, что бы тех крестьян с вотчинных земель отдати на поместныя земли, с которых они сведены, и тем новым помещиком тех крестьян с вотчинных земель на поместныя земли отдавати со всеми их крестьянскими животы, и с хлебом стоячим и с молоченым»[187]. Данные о размерах светских вотчин приведены в таблицах.

Таблица 13. Размер светской вотчины в Суздальском уезде

Четвертной пашни (четей в поле)	Дач		В них земли	
	абс.	%	абс.	%
менее 50	55	26,4	1424	3,7
от 50 до 100	47	22,6	3441	8,9
от 100 до 200	64	30,8	8781	22,7
от 200 до 300	15	7,2	3447	8,9
от 300 до 500	11	5,3	4033	10,4
более 500	16	7,7	17498	45,3
Всего	208	100	38624	100

[187] Соборное Уложение 1649 г. Глава XI «Суд о крестьянех», статья 34 // Электронная библиотека исторического факультета МГУ (http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/11.htm).

Таблица 14. Население светской вотчины Суздальского уезда

Дворов крестьян, бобылей и холопов	Дач		В них дворов	
	абс.	%	абс.	%
пустые	22	10,58	0	0,00
от 1 до 5	62	29,81	195	4,38
от 6 до 10	45	21,63	344	7,73
от 11 до 20	38	18,27	552	12,40
от 20 до 50	22	10,58	700	15,72
более 50	19	9,13	2661	59,77
Всего	208	100	4452	100

Первое, что бросается в глаза при чтении таблиц, – высокая степень концентрации людских и земельных ресурсов в вотчинах Суздальского уезда. Например, в 19 крупнейших вотчинах уезда было сконцентрировано две трети всех вотчинных крестьян – больше, чем во всех 607 поместьях, вместе взятых. В 16 вотчинах располагалась почти половина всего вотчинного земельного фонда уезда, здесь встречались княжеские вотчины, в которых насчитывалось до полутора – двух тысяч четей «четвертной пашни» в поле и насчитывавших по нескольку сотен крестьянских и холопских дворов. Ничего подобного невозможно себе представить, например, в новгородских землях в этот период. Так, даже у крупнейших землевладельцев новгородских пятин в большинстве случаев около 60 дворов, максимум – 142[188]. В то же время, несколько абстрагируясь от этих примеров сверхкрупных владений, можно утверждать, что типичная вотчина этого периода по размерам «четвертной пашни» не отличалась от поместья, но была существенно лучше населена. В большинстве вотчин были господские усадьбы – лишь в 67 (32 %) не показаны «дворы вотчинниковы». В вотчинах располагалось также примерно две трети холопских дворов.

Исключительно крупными были и владения церковных иерархов (патриарха Филарета и его служилых людей, а также Суздальского архиепископа Иосифа) и особенно монастырей, извест-

[188] *Воробьев В.М., Дегтярев А.Я.* Указ. соч. С. 160.

ные здесь еще с XIV–XV вв. Монастырские вотчины здесь превосходили по своим размерам любые княжеско-боярские владения. Так, Спасо-Ефимьеву монастырю принадлежало в уезде более 12 300 четей пашни в поле и более 1 200 дворов, более 8,5 тыс. четей пашни и около 800 дворов было у Троице-Сергиева монастыря, более 7,8 тыс. четей пашни и более 500 дворов – у Покровского монастыря в Суздале, примерно 5,3 тыс. четей пашни и около 400 дворов – у архиепископа Суздальского и Тарусского.

В Алексинском уезде, остававшимся в значительной степени приграничным районом, структура землевладения была совершенно иной. Поместное землевладение доминировало здесь со всей очевидностью. Так, из 493 дач три четверти (393) относились к поместным, 99 – к светским вотчинам и лишь одна дача представляла собой монастырское владение. Лишь три поместных и одна вотчинная дача принадлежали князьям. Совладения составили около 10 % дач всех типов, абсолютное их большинство было представлено совместными дачами родственников (братьев, а также вдовы и детей). В поместьях располагались 81 % (42 235 четей в поле) всей «четвертной» пашни и 62 % всех крестьянских и холопьих дворов (610), в светских вотчинах, соответственно, лишь 18 % земли (9 415 четей в поле), но при этом 37 % дворов (280). Благовещенский монастырь владел здесь 12 дворами и землей в количестве 280 четей в поле, что составляло около 1 % дворов и земли.

Отмеченная выше диспропорция распределения экономических ресурсов видна и здесь, правда, в Алексинском уезде она существовала в условиях общего тяжелого запустения. Так, даже в вотчинах на один крестьянский двор приходилось огромное количество земли – 26 четей в поле, однако в поместьях ее было еще больше – 69 четей в поле (или 104 десятины в трех полях!). Поэтому, хотя и в поместьях, и в вотчинах большую часть земли занимала «пашня, лесом поросшая», вотчины несколько лучше сохранили свой экономический потенциал: здесь регулярно распахивалось 17% всей земли, а в поместьях только 8%. Если в среднем на вотчину в Алексинском уезде приходилось 95 четей в поле и 3,5 двора, то на поместье – 108 четей в поле и всего 1,5 двора. Запустение (в самом буквальном смысле) поместий Алексинского уезда приняло массовый характер: более половины из них не имели крестьянских дворов, тогда

как среди вотчин пустовало менее четверти от общего числа (23). Так, 80 помещиков Алексинского уезда не имели в это время никакого зависимого населения и обрабатываемой пашни, а среди вотчинников таких было лишь четверо. Как и в Суздальском уезде, здесь можно наблюдать стремление владельцев сконцентрировать рабочую силу в вотчинах в ущерб поместьям. Так, 52 владельца уезда имели здесь дачи обоих типов. При этом у 36 из них (70 %) большая часть крестьянских дворов оказалась в вотчинах и лишь у 8 (15 %) – в поместьях. У 8 владельцев положение вотчин и поместий было одинаковым (как правило, речь идет об одновременном полном запустении и тех, и других).

Как ни странно, но даже в столь неблагополучной экономической ситуации происходил (хотя и не в столь явной форме, как в Суздальском уезде) процесс стягивания и без того скудных ресурсов в небольшую группу владений. Так, в 6 поместьях (1,5 % от общего числа), располагавших 10 и более дворами, оказалось 12 % всех дворов. С еще большей очевидностью процесс концентрации крестьянской рабочей силы шел в вотчинах. Так, в 9 вотчинах (9 % от общего числа) с 10 и более дворами оказалась почти треть (32, 5%) всех дворов. Таким образом, несмотря на целый ряд принципиальных различий в экономическом положении двух уездов и в составе владельцев, логика распределения экономических ресурсов между ними была во многом общей.

2. Сельские поселения в первой трети XVII в.

Нами для характеристики поселений были выбраны такие параметры, как величина поселений (общее число дворов)[189], хозяйственное состояние (соотношение угодий различных типов), социальный состав населения. Сравнительный анализ сельских поселений нами проводился на основе иерархической классификации, то есть поселения группировались по трем типам – село, сельцо и

[189] На наш взгляд, общее число дворов является наиболее адекватным выражением величины поселения, так как в условиях кризиса суммарная площадь всех угодий оказывается недостаточно показательной единицей, а писцовый термин «люди во дворах» неоднозначен.

деревня. Именно они были преобладающими в системе расселения. Прежде всего обратимся к исходному показателю – сравнительной величине поселений.

Таблица 15. Сравнительная группировка поселений по числу дворов (Алексинский уезд)

	Села		Сельца		Деревни	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Полностью запустели	1	4,00	2	3,85	15	8,77
1 двор	1	4,00	5	9,62	21	12,28
2–3 двора	4	16,00	11	21,15	49	28,65
4–6 дворов	7	28,00	17	32,69	51	29,82
7–10 дворов	6	24,00	14	26,92	26	15,20
11–15 дворов	4	16,00	2	3,85	7	4,09
16–25 дворов	2	8,00	1	1,92	2	1,17
Всего	25	100	52	100	171	100
Средний размер поселения	7,64 двора		5,27 двора		4,35 двора	

Несмотря на ощутимый интервал между средними величинами поселений, группировка показывает, что различия между типами поселений Алексинского уезда по числу дворов оказываются несколько размытыми. Конечно, среди наиболее крупных поселений встречаются почти исключительно села, но все же основная масса сел насчитывала не более 10 дворов. Характерно, что в уезде не редкостью были довольно крупные деревни – каждая пятая из них насчитывала от 7 до 25 дворов. Деревни и сельца распределялись по критерию дворности практически одинаково: наибольшие группы поселений в обоих случаях насчитывали по 2–3 или по 4–6 дворов. В целом же кризис и слабая заселенность уезда оказали сильное нивелирующее влияние даже на такой базовый показатель, как сравнительная величина поселений. Нужно также отметить и сравнительно высокую плотность иерархии[190] системы расселения:

[190] Термин «иерархическая плотность», в частности, использует в своей работе А.Я. Дегтярев (см.: *Дегтярев А.Я.* Указ. соч. С. 122).

на село или сельцо здесь приходилось чуть более двух деревень. Последнее обстоятельство выявляет особенности сельского расселения в данном регионе, так как примерно такой же была иерархическая плотность расселения в первой трети XVII в. в соседнем Тульском уезде, значительно менее пострадавшем от разорения периода Смуты[191].

Перейдем к материалу суздальской писцовой книги.

Таблица 16 Сравнительная группировка поселений по числу дворов (Суздальский уезд)

	Села		Сельца		Деревни	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Пусты	6	2,94	8	4,94	30	1,65
1 двор	6	2,94	36	22,22	290	16,00
2–3 двора	31	15,20	67	41,36	764	42,14
4–6 дворов	36	17,65	29	17,90	504	27,80
7–10 дворов	29	14,22	10	6,17	174	9,60
11–15 дворов	29	14,22	10	6,17	45	2,48
16–25 дворов	25	12,25	0	0,00	4	0,22
26–50 дворов	41	20,10	2	1,23	2	0,11
51–100 дворов	12	5,88	0	0,00	0	0,00
Более 100 дворов	1	0,49	0	0,00	0	0,00
Всего	204	100	162	100	1813	100
Средний размер поселения	18,34 двора		3,79 двора		3,66 двора	

Величина и тип поселения здесь взаимосвязаны гораздо строже, чем в Алексинском уезде: села более резко выделяются на фоне мелких селец и деревень. Давностью освоения этой территории объясняется наличие особенно крупных сел – более чем в 50 дворов, каких просто еще не могло быть в Алексинском уезде.

Как и в Алексинском, в Суздальском уезде сельца и деревни были примерно одинаковы по размерам: и те, и другие чаще всего были 2–3 -дворными поселениями, а доля однодворных поселений

[191] *Дегтярев А.Я.* Указ. соч. С. 122.

среди селец даже больше, чем деревень. Очевидно, что деревни и сельца здесь были мельче: видимо, наличие больших свободных от леса пространств и легкие почвы, особенно в районе ополья, требовали меньшей концентрации труда земледельцев, поэтому новые поселения заводились меньшими силами. Это подтверждается и более разреженной иерархической структурой расселения, при которой на село или сельцо приходится пять деревень. Это близко к показателям по Устюженскому уезду первой трети XVII в.[192].

Очевидно, что населенность поселений определяла важнейший показатель хозяйственной активности – удельный вес обрабатываемых и в той или иной степени запущенных земель. Чтобы дать такую самую общую характеристику землепользования в поселениях, мы высчитали процентную долю «пашни паханой», перелога, «пашни, лесом поросшей» и сенокоса от общей площади угодий в каждом жилом поселении[193]. Затем подсчитывались среднее арифметическое и коэффициент вариации, показывающий отклонение от этой средней доли[194]. Это позволяет определить и средний уровень хозяйственной активности в поселениях региона, и устойчивость этого уровня.

---

[192] *Пугач И.В.* Указ. соч. С. 74–75.

[193] Обе писцовые книги, по классификации Л.В. Милова, относятся к варианту «с неразделенной пашней», следовательно, данные о «пашне паханой» в них пригодны для статистической обработки (см.: *Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография. Компьютер. Методы исследования. М., 1986. С. 111–155). При расчете общей площади угодий брались не только данные о «четвертной пашне», переводившиеся в десятины по формуле «а в дву по тому ж», но и данные о сенокосных угодьях, измерявшиеся в копнах. Здесь приемы перевода единиц были разными. Так, при пересчете данных алексинской писцовой книги копны переводились в десятины по принятому условному соотношению 10 к 1. В суздальской писцовой книге встречаются многочисленные (в 42,6 % всех поселений, пустошей или их «жеребиев») примеры двойного – и десятинного, и копенного – обмера пожен и лугов, что бывает в источниках этого типа крайне редко. Из этих примеров следует, что норма в 10 копен с десятины действительно была наиболее распространенной (45 % всех случаев). Однако среднее арифметическое, которое мы использовали для исчисления площади сенокосных угодий Суздальского уезда, равнялось 13,11.

[194] По разным оценкам, показатель считается стабильным, если коэффициент вариации составляет от 25 до 35 % (см.: *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок XVIII – начала XX века. М., 1974. С. 47; *Миронов Б.Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Л., 1981. С.73).

У такого подхода есть и недостатки. Например, он игнорирует наличие огромного количества пустошей, «отхожих пожен» и лугов, «тянувших» к жилым поселениям и имевших важное хозяйственное значение. Так, здесь располагалась значительная часть сенокосных угодий. Для Суздальского уезда это особенно важно, так как здесь в 357 жилых поселениях (322 деревнях, 16 селах и 19 сельцах) вообще не зафиксировано сенокосных угодий, а еще в 591 поселении (а это 27 % от общего числа, тоже преимущественно деревни) сенокосные угодья насчитывали менее 1 десятины. В результате в жилых поселениях в среднем было 2,36 десятины сенокоса, а на двор приходилось лишь 0,62 десятины! Даже с учетом весьма относительной точности измерения сенокосных угодий очевидна ситуация их острого дефицита, поэтому крайне важно то, что практически половина (50,5 %) всех сенокосных угодий находилась именно в пустошах и на «отхожих» лугах. В Алексинском уезде ситуация в отношении сенокосов была лучше: при каждом поселении здесь зафиксированы покосы, в среднем на поселение приходилось 10,87 десятины сенокоса, а на двор – 3,36 десятины. Однако и здесь 30,5 % всех зафиксированных сенокосных угодий находились в пустошах.

Кроме того, в пустошах располагались участки перелога, которые вновь ввести в хозяйственный оборот было значительно легче, чем расчищать землю от леса. Например, в Алексинском уезде в пустошах находилось около трети всех переложных земель.

Таким образом, в этом расчете огромный резервный потенциал пустошей выпадает из нашего внимания. Впрочем, наиболее важное значение имеют для нас данные по распахиваемым землям – «пашне паханой» и «пашне, паханной наездом», а они целиком находились именно в жилых поселениях, поэтому полученные показатели вполне отражают общую картину хозяйственного состояния поселений. Начнем с алексинского материала.

Как следует из таблицы 15, кризис настолько сильно ударил по хозяйственному состоянию региона, что даже в жилых поселениях распашка была минимальной. Причем особенно сильно пострадали села, где «лесом поросло» в среднем более половины всей земли, в то время как распахивалась только шестая ее часть. Практически аналогичной была ситуация в сельцах, и лишь немногим лучше было положение в деревнях. Такой результат вполне предсказуем, учитывая общее разорение

Таблица 17. Общая структура и устойчивость землепользования в сельских поселениях (Алексинский уезд)

	Село	Сельцо	Деревня
В среднем в поселении под пашней (%)	15,78	20,00	22,53
Коэффициент вариации (%)	61,88	58,37	60,92
В среднем в поселении под перелогом (%)	23,83	24,81	26,23
Коэффициент вариации (%)	41,71	33,68	36,25
В среднем в поселении поросло лесом (%)	51,45	48,85	45,12
Коэффициент вариации (%)	36,63	27,77	39,18
В среднем в поселении под покосами (%)	4,94	6,35	5,80
Коэффициент вариации (%)	53,81	58,94	67,38

уезда, однако расчет коэффициента вариации вносит сюда важное дополнение. Так, наибольшие колебания характерны как раз для показателей по действующей пашне, а наименьшие – по «пашне, лесом поросшей». Это значит, что хозяйственная ситуация в сельских поселениях Алексинского уезда – это ситуация тяжелого и глубокого запустения и едва заметного, неустойчивого процесса его преодоления.

Направление восстановительных процессов поможет определить корреляционный анализ, проведенный по методике, предложенной авторским коллективом монографии «Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия»[195]. Корреляции подвергались данные поселений всех трех типов, взятые относительно общей площади всех угодий. «Рабочие дворы» представляют собой сумму крестьянских, бобыльских и холопских дворов[196].

---

[195] *Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М.* Указ. соч. С. 250.

[196] Эта переменная объединяет в себе категории населения с различным социальным статусом (крестьяне и холопы), но она показательна в том случае, если рассматривать ее как обобщенное выражение всей рабочей силы, прилагаемой к обработке земли в данном поселении. При таком подходе учет «людских дворов» необходим, так как в работах упомянутого выше авторского коллектива показано, что они играли активную роль в восстановлении хозяйства. Кроме того, ниже будет показано, что «людские дворы» могли быть не только в селах и сельцах, но и в деревнях. Эти наблюдения и послужили аргументом для введения такой обобщенной переменной.

Таблица 18. Коэффициенты корреляции хозяйственных показателей сельских поселений (Алексинский уезд)

	«Пашня паханая»	«Перелогом поросло»	«Лесом поросло»	Покосы	Рабочие дворы
«Пашня паханая»	1				
«Перелогом поросло»	0,05	1			
«Лесом поросло»	-0,81	-0,59	1		
покосы	0,05	0,02	-0,27	1	
«Рабочие дворы»	0,64	0,00	-0,53	0,16	1

Точка сосредоточения сильных отрицательных взаимосвязей – «пашня, лесом поросшая». Так, видна четкая зависимость увеличения «пашни паханой» за счет «пашни, лесом поросшей». Восстановительные тенденции проявляются и в том, что увеличение показателя «рабочие дворы» приводит к уменьшению «пашни, лесом поросшей» и к увеличению «пашни паханой». Примечательно положение переложных земель: показатели перелога никак не коррелируют с показателями «пашни паханой», что означает, что эти два типа угодий не вытесняли друг друга. Зато видна обратная взаимосвязь перелога с «пашней, лесом поросшей», то есть происходит увеличение одного за счет другого, хотя и с меньшей интенсивностью, чем в случае с «пашней паханой». Это указывает на то, что перелог нельзя интерпретировать как проявление запустения, его наличие не противоречит восстановительным тенденциям в хозяйстве поселений. Об этом же говорит и отсутствие взаимосвязи перелога с «рабочими дворами», то есть хозяйственная активность населения не направлена на сокращение переложных земель. Таким образом, корреляционный анализ показывает наличие восстановительных тенденций в сельских поселениях Алексинского уезда, причем восстановление распашки шло за счет максимально деградировавших угодий – «пашни, лесом поросшей».

В Суздальской писцовой книге данные по перелогу и «пашне, лесом поросшей» объединены. Это существенно обедняет и без того

Таблица 19. Общая структура и устойчивость землепользования в поселениях (Суздальский уезд)

	Село	Сельцо	Деревня
В среднем в поселении под пашней (%)	54,42	60,17	52,73
Коэффициент вариации (%)	36,75	27,75	36,04
В среднем в поселении под перелогом и лесом (%)	40,72	35,20	42,58
Коэффициент вариации (%)	49,43	47,81	44,61
В среднем в поселении под покосами (%)	4,87	4,63	4,72
Коэффициент вариации (%)	114,62	115,54	96,62

скупую картину землепользования, так как «лесом поросшая пашня» предстает как главный признак преодолевавшегося запустения, а переложные земли были необходимой составной частью комплекса угодий[197]. И все же наличие данных по «пашне паханой» позволяет, на наш взгляд, сделать предположение о прочной стабилизации распашки практически на одинаковом уровне как общей тенденции для поселений Суздальского уезда. Это вполне закономерно, если учесть, что уезд мало пострадал от разорения периода Смуты, однако представляется важным, что стабилизация зафиксирована на микроуровне (отдельное поселение), так как наш конечный результат отражает данные по каждому элементу анализируемой совокупности. Такой подход может быть полезен и при выяснении важного вопроса о пределе производственных возможностей феодального хозяйства. Ведь предложенное Б.А. Романовым понятие «предел вместимости поселения»[198] во многом остается весьма размытым именно потому, что характеризует толь-

[197] По этой причине мы не стали приводить результаты корреляционного анализа основных показателей по Суздальскому уезду. Здесь при крайне малых размерах сенокосных угодий в жилых поселениях весь массив земель практически делится на две составляющие – «пашня паханая» (включая «наезжую пашню») и «перелогом и лесом поросло». Естественно предполагать высокую обратную связь между ними. Но какова была роль собственно перелога и «лесом поросшей пашни», узнать невозможно.

[198] *Романов Б.А.* Указ. соч. С. 440.

ко населенность поселения, никак не учитывая землепользование. Оно тем более спорно для первой трети XVII в., когда большая часть угодий даже в жилых поселениях представляла собой неподъемный резерв – «перелог» или «лесом поросшую пашню», и поэтому, как показывает материал алексинской писцовой книги, было еще далеко не только до «предела», но и до восстановления хозяйства. В более благоприятных условиях Суздальского уезда картина оказалась качественно иной.

Обратимся к типологическим характеристикам поселений в изучаемых уездах. Сопоставление поселений по этому признаку указывает на некоторые существенные социально-экономические особенности двух регионов. Начнем с данных по Алексинскому уезду.

Таблица 20. Социальная структура населения сельских поселений по числу дворов (Алексинский уезд)

	Село			Сельцо			Деревня		
	В среднем на село	Всего в селах		В среднем на сельцо	Всего в сельцах		В среднем на деревню	Всего в деревнях	
		абс.	%		абс.	%		абс.	%
Крестьянск.	1,48	37	13,91	1,23	64	24,06	0,96	165	62,03
Бобыльск.	2,72	68	13,41	1,75	91	17,95	2,04	348	68,64
Холопских	0,92	23	11,17	1,23	64	31,07	0,70	119	57,77
Владельч.	1,08	27	14,75	0,88	46	25,14	0,64	110	60,11

Известные по другим районам типологические черты поселений просматриваются и здесь: крестьянское хозяйство преимущественно сосредоточено в деревнях, а в селах и сельцах, как правило, встречаются владельческие усадьбы. Но размытость этих особенностей, на наш взгляд, более показательна. Нельзя, например, уверенно говорить, что сельца или села стали центрами господского хозяйства, ведь большая часть и холопских, и владельческих дворов оказалась в деревнях. На наш взгляд, это означает, что в условиях кризиса феодал далеко не всегда «может себе позволить» сколько-нибудь четкое

обособление господского хозяйства, следствием чего и является размещение людских дворов и усадеб в крестьянских поселениях. Видимо, в ситуации полного преобладания в уезде поместного землевладения и отсутствия крупных вотчин, сосредоточение господских хозяйств исключительно в сельцах или селах, в принципе, шло медленно. Еще Н.И. Воронин показал, что в XV–XVI вв. центром поместий чаще была деревня, а сельцо или село были центрами вотчин[199]. В Алексинском уезде общее опустошение уезда законсервировало эту ситуацию, ударив именно по селам.

Свидетельством кризиса является и то, что бобыли оказались заметно преобладающей категорией в поселениях всех трех типов, особенно в селах и деревнях. Равномерное распределение бобылей по поселениям всех типов опровергает неоднократно высказывавшуюся А.Я. Дегтяревым и другими авторами «Аграрной истории Северо-Запада» мысль о том, что «эта беднейшая прослойка крестьянства, сплошь и рядом кормившаяся только «христовым именем», по-прежнему оседала в крупных селениях»[200]. Видимо, в ситуации сплошного разорения такое избирательное оседание было маловероятно.

Иная ситуация сложилась в поселениях Суздальского уезда.

Таблица 21. Социальная структура населения сельских поселений по числу дворов (Суздальский уезд)

	Село			Сельцо			Деревня		
	В среднем на село	Всего в селах		В среднем на сельцо	Всего в сельцах		В среднем на деревню	Всего в деревнях	
		абс.	%		абс.	%		абс.	%
Крестьянск.	5,48	1117	25,86	0,64	104	2,41	1,70	3098	71,73
Бобыльск.	6,42	1310	27,60	1,32	214	4,51	1,80	3223	67,90
Холопских	1,98	404	61,40	0,67	109	16,57	0,10	145	22,04
Владельч.	1,12	229	45,35	0,98	158	31,29	0,60	118	23,37

[199] *Воронин Н.И.* Указ. соч. С. 68.
[200] *Дегтярев А.Я.* Указ. соч. С. 71.

С точки зрения социальной структуры населения Суздальский уезд дает картину гораздо более «чистой» типологии поселений.

Данные таблицы 21 показывают, что села здесь были мощными центрами сосредоточения господского хозяйства – именно здесь располагались две трети холопских дворов и чуть менее половины усадеб, хотя основное население сел составляли крестьяне и бобыли. В связи с этим стоит отметить, что в уезде насчитывалось еще 284 двора неземледельческого зависимого населения. В них проживали торговые крестьяне, ремесленники (кузнецы, плотники, портные и т.п.), обслуга («служние дворы»), либо скотники, коновалы, охотники, рыболовы и др., иногда такое население обозначалось как «непашенные» бобыли. Наличие этой тончайшей прослойки в общей массе зависимого населения показательно, так как свидетельствует хоть и о крайне скудных, но все же имеющихся возможностях землевладельцев иметь часть рабочих рук в неземледельческой сфере труда.

Большая часть таких дворов находилась в селах. Из 28 сел, в которых располагались дворы торговцев, ремесленников и обслуги, только одно было поместным, 11 входили в светские вотчины, 12 – в монастырские, а остальные 4 были в смешанной форме землевладения. Доля таких дворов в этих селах сильно колебалась – от 61 до 1,5 % от общего числа, то есть во всех таких поселениях они соседствовали с обычными крестьянскими и бобыльскими дворами. Наиболее многочисленная группа торгово-ремесленных и «служних» дворов находилась в селах, бывших центрами обширных княжеско-боярских вотчин. Например, в селах Воскресенском и Ивановском, бывшими центрами вотчин князя И. И. Шуйского, таких дворов насчитывалось14 и 32, соответственно. В селе Нижний Ландех вотчины князя Д. М. Пожарского их было 15. Больше всего дворов торговых крестьян, ремесленников и обслуги насчитывалось в крупнейшем селе уезда Лежнево – центре огромной вотчины князя И. Б. Черкасского. Это обстоятельство показывает, что наличие торгово-ремесленной и вообще неземледельческой прослойки сельского населения в первой трети XVII в. было характерно для крупной вотчины титулованного собственника. Только в таких владениях была достигнута необходимая концентрация рабочей силы в пашенном хозяйстве, что позволяло владельцу иметь собственный «неземледельческий сектор». Рядовой землевладелец таких возможностей не имел.

Часть «служних» и ремесленных дворов располагалась в слободах. На территории уезда располагалось 6 «слободок», из которых наиболее выделялась слободка Холуй. В ней располагались 23 крестьянских, 20 бобыльских дворов (в слободке была пашня), 13 дворов «нетяглых бобылей», 3 двора кузнецов, 3 – рыбаков, 2 – портных и по одному двору сапожника, «кирпишника» и «иконника». Кроме того, здесь же были церковь, два двора церковнослужителей и два двора вотчинника князя Дмитрия Михайловича Пожарского, двор монастырский (князь владел слободкой совместно с Троице-Сергиевым и Спасо-Ефимьевым монастырями), 5 варниц, 3 амбара, а также кабак. Лишь в двух из остальных 5 слобод были «непашенные» дворы, причем если в одной это были 2 двора кузнецов и 1 пастушеский двор, то в другом – 17 дворов «непашенных» бобылей. Таким образом, слобода в Суздальском уезде – это либо земледельческое, либо ремесленно-земледельческое поселение, все 6 слобод находились во владении либо крупного монастыря, либо родовитого вотчинника.

Сельца, как и села, тоже были владельческими центрами, только в них хозяйственная роль холопов была выражена более четко, а общий экономический потенциал был гораздо скромнее, чем в селах. Более того, выяснилось, что в 34 сельцах (это пятая часть всех селец) не было вообще никаких дворов, кроме владельческого, то есть они представляли собой сельца-усадьбы. Характерно, что только 5 селец-усадеб были в вотчинах, 2 находились в смешанной форме землевладения, а 27 были центрами поместий. Сюда же можно отнести и 23 деревни-усадьбы, из которых 2 располагались в светских вотчинах, одна – в монастырской вотчине, одна принадлежала к смешанной форме землевладения, а остальные 19 были поместными деревнями. Наконец, из шести обнаруженных сел-усадеб 1 находилось в светской вотчине, 1 – в монастырской и 4 – в поместьях. Следовательно, можно говорить о поместном поселении-усадьбе (в первую очередь, о сельце-усадьбе) как специфическом подтипе владельческого поселения. В таком поселении, как правило, была помещичья запашка, правда, очень скромная – в среднем 27,5 дес. в трех полях, а более крупные запашки могли, видимо, возникать только в хорошо населенных центрах владений.

В отличие от алексинских, огромная масса мелких суздальских деревень существовала как исключительно крестьянские поселения, «людских дворов» в них практически не было. Малодворность

суздальской деревни сближает ее с аналогичными поселениями других регионов. Так, в середине XVII в. четверть новгородских деревень были однодворные, еще треть – 2–3-дворные[201]. При этом суздальские деревни, находившиеся в составе княжеско-боярских или духовных вотчин были крупнее. Так, если в среднем по уезду на деревню приходилось 3,66 двора, то в княжеско-боярских и духовных вотчинах – 4,66 двора. Общая логика распределения деревень в этой группе по интервалам дворности схожа с данными по уезду в целом, но можно отметить, что процент 2–4-дворных поселений здесь был несколько ниже (35,1 %), а 7–10-дворных – несколько выше (35,6 %).

Но особенно ярко проявилась чрезвычайно активная хозяйственная политика крупных землевладельцев в основании новых деревенских поселений. Из 143 починков, по которым сохранились данные, 93 починка были выставлены в княжеско-боярских вотчинах, 29 – в поместьях князей и бояр, 14 – в крупных монастырских вотчинах, и только 7 починков выставили рядовые помещики. Таким образом, вовлечение в хозяйственный оборот новых земель было под силу только крупным и привилегированным землевладельцам-вотчинникам.

Одним из важнейших центров тяготения сельской жизни была мельница. Мельницы встречались исключительно редко, и на всю обширную территорию Суздальского уезда их было всего 80. Размещение мельниц в поселениях того или иного типа указывает нам на их большое значение в общей структуре расселения. Рассмотрим, как распределялись мельницы по поселениям различных типов.

Таблица 22. Размещение мельниц в сельских поселениях

	Мельницы	
	абс.	%
Пустоши	9	11,3
Починки	1	1,3
Деревни	35	43,8
Сельца	8	10,0
Села	26	32,5
Слободы	1	1,3
Всего	80	100

[201] Аграрная история Северо-Запада России XVII в. С. 20–23.

Данные таблицы довольно неожиданны. В самом деле, логично было бы предполагать наличие большей части мельниц в селах – узловых пунктах системы поселений. Но на самом деле мельницы могли быть в поселении любого типа, причем наибольшая их доля оказалась в деревнях, а каждая десятая – вообще в пустошах. Чем же объяснить такое распределение мельниц по типам поселений? На наш взгляд, нужно обратиться к основным группам землевладельцев уезда.

Таблица 23. Распределение мельниц по типам объектов в группах землевладельцев

	Поместья		Светск. вотч.		Духовн. вотч.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Пустоши	7	77,8	2	22,2	0	0
Починки	0	0	1	100,0	0	0
Деревни	15	42,9	8	22,9	12	34,3
Сельца	5	62,5	2	25,0	1	12,5
Села	3,5	13,5	13,5	51,9	9	34,6
Слободы	0	0	1	100,0	0	0
Всего	30,5	38,1	27,5	34,4	22	27,5

В целом мельницы располагались по группам землевладельцев довольно равномерно. Однако легко заметить, что, например, большая часть мельниц, стоявших на пустошах, – это поместные мельницы. То же можно сказать и о мельницах, расположенных в деревнях, а вот в селах помещичьи мельницы ставились редко. Конечно, это указывает на сравнительную бедность поместного владения, экономическим центром которого могла оказаться пустошь. Напротив, в светских вотчинах оказалась половина всех сельских мельниц и только четверть деревенских. То, что в духовных вотчинах мельницы часто стояли в деревнях, говорит о специфичности монастырских деревень как элемента феодального владения – видимо, это не всегда рядовое крестьянское поселение, а некий вспомогательный центр, как правило, крупной монастырской вотчины.

3. Пустошь в структуре сельского расселения первой трети XVII в.

Традиционно пустошь рассматривается в историографии как проявление кризиса, особенно применительно к началу XVII в. Например, характеризуя упадок хозяйства в Псковской земле в 1620-е гг., авторы «Аграрной истории Северо-Запада» писали: «Изживание кризиса было трудным и медленным. Об этом свидетельствует обилие пустых поселений и пустошей в конце XVII в. В 1680 г. в Завелицкой засаде, например, было 595 пустошей на 533 живущих поселения»[202]. Следовательно, по их мнению, соотношение жилых поселений и пустошей как один к одному есть проявление кризиса, который изживается «медленно и трудно».

Действительно, с количественной точки зрения пустошь была преобладающим элементом в структуре сельского расселения феодальной России – писцовые книги первой трети XVII в. буквально переполнены описаниями пустошей. Поэтому характеристике пустоши следует уделить специальное внимание.

Пустошь «пуста» с точки зрения населенности – в ней не было крестьянских дворов. При этом в пустошах могла быть (правда, исключительно редко) нерегулярная распашка – «пашня, паханная наездом». Как мы видели, на пустоши даже могла стоять мельница, и такая пустошь становилась важным центром сельской округи. Но подобные примеры уникальны, а типичный хозяйственный облик пустоши был весьма скромным и однообразным. В пустошах располагались участки деградировавшей пашни – перелога, «пашни, лесом поросшей», а также сенокосные и лесные угодья. Как правило, такие комплексы заброшенной пашни и угодий были небольшими, по общей площади пустоши уступали деревням, а тем более селам.

Насколько велика была экономическая ценность пустоши? Является ли обилие пустошей в писцовых книгах первой трети XVII в. указанием на последствия общего хозяйственного кризиса? Ответы на эти вопросы крайне важны для характеристики российского земледелия на уровне крупного района (уезда).

[202] Аграрная история Северо-Запада России XVII в. С. 38.

В писцовых книгах часто встречается термин «пустошь, что была деревня (починок, сельцо, село) такая-то», прямо указывающий на образование пустоши в результате запустения жилого поселения. Но ведь в этих случаях речь может идти и о давнем запустении, произошедшем, возможно, за несколько десятилетий до писцового описания. Поселения, запустевшие непосредственно перед описанием, обозначались в писцовых книгах в своих прежних терминах: «деревня такая-то пуста» или «пустая половина сельца такого-то». В итоге писцы писали: «И всего за таким-то столько-то деревень в живущем, да одна деревня пуста, да столько-то пустошей». То есть по отношению к недавно запустевшим поселениям понятие «пустошь», в принципе, не применялось. Количество таких поселений в наших источниках ничтожно мало: в суздальской писцовой книге их упомянуто около 30 (это чуть более 1 % всех поселений или менее 0,5 % пустошей), а в алексинской их всего несколько.

Кроме того, в недавно запустевших поселениях всегда обнаруживаются пустые дворы – крестьянские или бобыльские, но в собственно пустошах их никогда нет. Пустые дворы вообще очень тщательно фиксировались писцами, всегда отмечалось, почему запустел двор – хозяин умер, бежал, был убит «воровскими людьми» и т.п. По разным причинам двор мог запустеть за 15–20 лет до составления книги. Поэтому наличие пустого двора – это весьма надежное писцовое указание на запустение поселения именно в результате разорения начала XVII в. То, что в пустошах никогда не отмечались пустые дворы, говорит о том, что там уже давным-давно нечему было запустеть, это косвенное указание на давний возраст пустоши именно как пустоши.

Таким образом, даже с точки зрения писцовой терминологии понятия «пустошь» или даже «пустошь, что была деревня» сами по себе не могут рассматриваться как указание на непосредственное влияние кризиса начала XVII в.

Вряд ли таким указанием может служить и большое количество пустошей в писцовых книгах первой трети XVII в. Об этом говорят результаты сравнения писцовых данных о количестве пустошей по нашим уездам. Как мы помним, потери населения в ходе Смуты здесь резко различались: в Суздальском уезде запустело около 10 %

крестьянских и бобыльских дворов, а в Алексинском – более трети. Тем не менее общие подсчеты показали, что в обоих уездах в среднем на поселение приходилось практически одинаковое количество пустошей: Алексинском – 2,85, а в Суздальском – 2,45.

Конечно, на уровне станов это количество могло сильно варьироваться. Так, в Суздальском уезде в одном из станов на жилое поселение приходилось около 20 пустошей (стан Шижехта на границе с Юрьев-Польским уездом). Но это объясняется спецификой стана, бывшего своеобразным земельным резервом правительства для раздачи в поместья: большая часть земли была здесь «порожжей», то есть не принадлежала конкретным помещикам. А государственные «порожжие земли» в этот период состояли исключительно из пустошей, что как раз и объясняет такое большое количество пустошей, приходящихся на жилое поселение в этом стане. В большинстве остальных станов было от 1,5 до 5 пустошей на поселение. Корреляционный анализ показал, что это количество никак не связано с последствиями кризиса: коэффициент корреляции между количеством пустошей на жилое поселение и долей пустых дворов к их общему количеству в стане составил всего 0,19. Видимо, количество пустошей на жилое поселение определялось другими причинами: характером ландшафта и почв, связанными с ним локальными особенностями ведения хозяйства, удельным весом «порожжих земель» и др.

До сих пор мы рассматривали пустошь на уровне крупных территориальных единиц – уездов и станов. Писцовый материал позволяет конкретизировать этот анализ. Для этого рассмотрим функцию пустоши в пределах отдельного владения. Выделение такой единицы правомерно, так как владение, с одной стороны, дает более дифференцированную картину, чем стан или тем более уезд, а с другой стороны, представляет собой хозяйственное целое, объект единой хозяйственной политики собственника.

Рассмотрим сначала несколько крупных вотчин Суздальского уезда, на примере которых видно значение пустоши в экономической ситуации, весьма далекой от кризисной. Поскольку для этого уезда характерно наличие больших владений привилегированных собственников и слабая степень запустения, мы можем убедительно представить такие примеры.

Таблица 24. Пустоши в крупной вотчине Суздальского уезда в первой трети XVII в.

	Вотчинник				
	Боярин и князь М.Б. Черкасский	Боярин и князь И.И. Шуйский	Боярин и князь И.И. Шуйский	Троице-Сергиев монастырь	Спасо-Ефимьев монастырь
Стан	Опольский	Опольский	Матня	Стародуб-Ряполовский	Стародуб-Ряполовский
Крестьянских дворов в вотчине	223	173	162	195	82
Бобыльских дворов в вотчине	202	99	119	88	51
«Людских дворов» в вотчине	0	40	33	28	0
Пустых дворов в вотчине	76	46	54	7	0
«Пашни паханой» в вотчине (дес. в трех полях)	1908	1246,5	1452,45	665,25	463
«Перелогом и лесом поросло»в вотчине (дес. в трех полях)	1202	1254	1289,25	1989	820,5
Жилых поселений в вотчине	с. Лежнево, 65 деревень	с. Ивановское, безымянная слободка, 65 деревень, 3 починка	с. Парское, 61 деревня	с. Олексино, с. Воскресенское, 61 деревня, починок	с. Дмитриево, 26 деревень, починок
Пустошей в вотчине	32	24	19	36	56
Доля всех пашенных угодий в пустошах (%)	15,52	18,90	22,01	25,61	36,21
Доля всех сенокосных угодий в пустошах (%)	42,89	17,08	17,93	34,26	39,58

Все приведенные в таблице примеры характеризуют крупную княжеско-боярскую или монастырскую вотчину Суздальского уезда. Все они располагались на юге (Опольский и Стародуб-Ряполовский станы) или востоке (станы Мыцкой и Матня) уезда, где разорение периода Смуты было наименее тяжелым. Это подтверждают и данные таблицы, хотя определенная убыль населения все же видна и здесь.

Показательна структура выбранных вотчин. Центром здесь всегда было село, причем, как правило, крупное. Это мог быть старинный владельческий центр, как село Олексино, или развитое торгово-ремесленное поселение, как села Лежнево и Ивановское. К такому селу «тянули» десятки деревень. Количество дворов зависимого населения в этих владениях исчислялось сотнями, что позволяло осваивать земельные массивы до полутора тысяч десятин, встречаются примеры основания новых поселений – починков. Пожалуй, невозможно представить более благоприятной экономической ситуации для тяжелого периода первой трети XVII в. И тем не менее даже в таком богатом владении мы обязательно увидим десятки пустошей. Нет никаких оснований считать их проявлением запустения – слишком уж высоки хозяйственно-демографические показатели выбранных вотчин. А это значит, что и такому крупному и устойчивому владельческому комплексу пустоши были необходимы как резерв угодий. В самом деле, как следует из таблицы, до трети всей пашенной земли и до 40 % всех покосов таких вотчин могли располагаться в пустошах. Это значит, что даже в самой благоприятной хозяйственно-демографической ситуации пустошь оставалась необходимым элементом в структуре крупного феодального владения.

Отдельные примеры значения пустошей в структуре владения могут быть интересными, но наш материал позволяет произвести сплошной анализ поместных и вотчинных дач двух уездов на предмет использования в них пустошной земли. Хозяйственные взаимосвязи между пустошами и поселениями владения может показать корреляционный анализ. Условия корреляции были следующими.

На уровне отдельных владений были рассчитаны важнейшие хозяйственные показатели. Сюда относятся количество рабочей

силы (сумма крестьянских, бобыльских и людских дворов, обозначенная нами как «рабочие дворы»), количество угодий разных видов («пашня паханая», «пашня, перелогом и лесом поросшая», сенокосные и лесные угодья), а также количество объектов владения – жилых поселений и пустошей. При этом все земельные угодья были взяты в десятинах, соответственно, «чети в поле» были переведены в десятины в трех полях, а копны – в десятины. Кроме того, были отдельно рассчитаны суммы угодий разных видов, относящиеся к пустошам и к жилым поселениям владения. То есть, к примеру, отдельно была рассчитано все количество перелога, расположенного в пустошах и все количество перелога, расположенного в жилых поселениях. Для корреляции все натуральные показатели были взяты в расчете на общую площадь владения, чтобы избежать искажения результата из-за разницы в абсолютных данных между крупными и мелкими владениями.

В результате анализа были получены коэффициенты, позволяющие сделать несколько предположений о землепользовании внутри владения. Обратимся к материалу Суздальского уезда (см. таблицу 25 в конце главы).

Еще раз подчеркнем, что речь идет о весьма благополучном в хозяйственно-демографическом отношении районе. Однако коэффициенты показывают, что роль пустоши была здесь крайне важной. Сразу обращают на себя внимание высокие отрицательные коэффициенты взаимосвязи между показателями «пашня паханая» в поселениях и а) перелог и лес в пустошах (-0,77), б) вся пустошная земля (-0,80). Они показывают, что чем больше распахивалась земля в поселениях, тем меньше было земельных ресурсов в пустошах данного владения. То же самое видно и в отношении деградировавшей пашни в поселениях, то есть «пашня, перелогом и лесом поросшая»: с несколько меньшей интенсивностью она увеличивается при убывании а) перелога и леса в пустошах (-0,67), б) площади всех угодьями в пустошах (-0,69). Как можно интерпретировать эти коэффициенты?

С одной стороны, они означают, что во владениях с высоким уровнем пашенного хозяйства доля пустошной земли действительно уменьшалась. С другой стороны, не приходится, на наш взгляд, говорить о полном «изживании пустоши» по мере улучшения хозяй-

ственного положения владения. В условиях экстенсивного земледелия резерв переложной земли был необходим, и он так или иначе восполнялся. Именно поэтому за счет его сокращения в пустошах увеличивалась «пашня, перелогом и лесом поросшая» в жилых поселениях. Возможно, эту ситуацию можно интерпретировать как своего рода параллельное восполнение и пашни, и перелога в жилых поселениях благодаря наличию пустошных угодий.

Во всяком случае, пустошная земля была гораздо более важным пашенным резервом, чем более скромные (применительно к данному региону) перелоги и лесные поросли в жилых поселениях. На это указывает полное отсутствие взаимосвязи между переменными «пашня паханая» и «перелогом и лесом поросшая пашня» в поселениях (0,16). Поскольку основной резерв угодий был именно в пустошах, он должен быть достаточно большим. Это хорошо показывают несколько коэффициентов в нижней части таблицы. Они позволяют утверждать, что чем более крупным было владение, тем заметнее возрастало количество пустошных угодий. Так, чем больше было объектов во владении в целом, тем больше было в нем и пустошей (0,70), а чем больше во владении было «пашни, перелогом и лесом поросшей», тем больше было ее и в пустошах (0,80).

Характерны коэффициенты и по вспомогательным угодьям, зафиксированным писцовой книгой – покосам и «десятинным» лесом. Так, коэффициент корреляции между общим количеством сенокосных угодий во владении и их количеством в жилых поселениях составил 0,80, а корреляция с пустошными покосами оказалась на уровне 0,56. Коэффициент корреляция между общей площадью лесных угодий и их частью, расположенной в жилых поселениях равен 0,79, а по лесным угодьям в пустошах он составил 0,63. Эти пары коэффициентов показывают, что пустошь была важным элементом владения и с точки зрения обеспеченности угодьями, т.к. сила связи в обоих случаях значительная. Но в сравнении с жилыми поселениями роль пустошей в этом отношении была все же меньше.

Теперь рассмотрим таблицу коэффициентов, полученных на материале Алексинского уезда (таблица 26). Здесь появляются три принципиальных особенности. Во-первых, перед нами ситуация значительной убыли населения. Во-вторых, феодальное землевладение в окраинном Алексинском уезде было гораздо более мелким и

бедным, чем в Суздальском: примерно 30 % владений состояли целиком из пустошей или даже их жребиев. В-третьих, писцовая книга Алексинского уезда дает раздельные данные по перелогу и «пашне, лесом поросшей», то есть картина распределения угодий здесь более дифференцированная.

Сразу обращают на себя внимание те взаимосвязи, которые мы уже видели на суздальском материале. Так, показатель «пашня паханая» тесно связан с рядом «пустошных» показателей: с «пашней, перелогом и лесом поросшей» (-0,69) и общей площадью всех угодий в пустошах (-0,72). Как и в предыдущем случае, эти коэффициенты указывают на сокращение доли пустошных угодий в наиболее хорошо освоенных владениях. Как и в случае с суздальскими владениями, взаимосвязь между «пашней паханой» и «пашней, поросшей лесом» в поселениях оказывается слабой (0,37), то есть резервы поселений явно уступают по своему значению угодьям пустошей.

Хотя и суздальский, и алексинский материал дали одинаковые коэффициенты, при их объяснении нужно учитывать различия между состоянием хозяйства в двух исследуемых районах. С учетом большой убыли населения в Алексинском уезде сильную отрицательную связь между показателями пашни в поселениях и лесной поросли в пустошах можно объяснить иначе: невозможность сохранить распашку даже в жилых поселениях порождала еще больший запуск земли в пустошах. Таким образом, речь идет либо о восстановлении распашки в поселениях, сопровождающемся расчисткой пустошной земли от леса, либо о сильной тенденции параллельного забрасывания и поселениях, и в пустошах.

Нам кажется, что первое предположение более правомерно. Об этом говорит сильная отрицательная связь между показателями «пашня, лесом поросшая» в жилых поселениях и в пустошах (-0,81). Следовательно, никакого одновременного забрасывания пашни и в поселениях, и пустошах быть не могло. Кризис не нарушил те механизмы взаимного восполнения пашенных угодий, которые мы видели на примере поселений и пустошей в Суздальском уезде. Следовательно, и в отношении «пашни паханой» можно предположить ее рост за счет наличия пустошной лесной поросли.

То, что важные функции пустоши как резерва угодий сохранились и в условиях кризиса, видно и из других коэффициентов. Так,

рост переложных земель в жилых поселениях сопровождается сокращением лесной поросли в пустошах, на что указывает высокий отрицательный коэффициент (-0,80). Это особенно важно, если учесть, что рост перелога является одним из факторов роста действующей пашни в жилых поселениях (0,66). За счет лесной поросли в пустошах происходило увеличение резерва переложных земель и во всем владении в целом (-0,58). Роль пустошей оказывалась крайне важной и в отношении обеспеченности пашни угодьями. Так, рост сенокосных угодий во всем владении в целом в первую очередь связан с их увеличением в пустошах (0,82). Количество сенокосных угодий во владении тесно связано и с количеством самих пустошей (0,73). Роль пустошей в этом отношении была гораздо более важной, чем жилых поселений, т.к. общее покосов во владении в минимальной степени зависело определялось жилыми поселениями (r = 0,38).

Итак, сравнительная характеристика сельских поселений двух уездов первой трети XVII в. позволяет выявить характерные особенности расселения и хозяйственного состояния этих районов.

Так, выяснилось, что в приокских землях преобладала относительно плотная иерархическая структура расселения, предполагавшая наличие довольно крупных деревень. Тяжелый кризис сильно нивелировал различия между типами поселений даже в отношении общей населенности. Эти обстоятельства, а также особенности структуры феодальной земельной собственности (преобладание служилого землевладения) обусловили размытость социальной типологии поселений. В результате кризиса наибольшей деградации подверглись села – узловые пункты всей системы сельского расселения. В целом земледелие в жилых поселениях поддерживалось на предельно низком и к тому же крайне неустойчивом уровне, глубокое запустение поселений преодолевалось в первую очередь за счет наиболее заброшенной части угодий – «пашни, лесом поросшей».

Расселение в Суздальском уезде характеризуется более разреженной структурой, при которой мельчайшие деревни группируются вокруг крупных сел. Типологические особенности поселений с точки зрения социальной структуры населения выражены совершенно отчетливо: села были мощными центрами господского хозяйства, деревни предстают как крестьянские поселения. Характе-

рен тип сельца-усадьбы – поместного владельческого центра. Анализ землепользования позволяет сделать предположение, что в более благоприятных, по сравнению с большей частью территории страны, условиях Суздальского уезда в первой трети XVII в. наблюдается прочная стабилизация хозяйственной активности. Хозяйственный облик поселений четко корреспондирует с их владельческой принадлежностью. Наиболее крупные поселения располагались в светских и духовных вотчинах, более мелкие – в поместьях. Именно в центрах крупных монастырских и княжеско-боярских владений (селах и слободах) располагалось все неземледельческое сельское население уезда (торговые крестьяне, ремесленники и обслуга). Новые поселения возникали почти исключительно в рамках крупных вотчин.

Таковы основные результаты сравнительной характеристики поселений двух центральных районов России первой трети XVII в.

Результаты анализа пустошей позволяют утверждать, что нет никаких оснований ставить знак равенства между понятиями «пустошь» и «хозяйственный упадок», происхождение пустоши не вполне указывает на ее функцию в структуре расселения. В условиях экстенсивного земледелия пустошь предстает как обязательный элемент аграрного хозяйства в его «нормальном» и даже в благополучном состоянии, а отнюдь не только в ситуации кризиса. В нашем случае это особенно видно, так как исследованные районы в очень различной степени пострадали от разорения начала XVII в., что отразилось на состоянии жилых поселений.

Напомним, что в поселениях Суздальского уезда регулярная распашка прочно стабилизировалась на высоком уровне – около 50 % всей площади угодий, а в Алексинском уезде она сократилась до 15–20 %, и этот мизерный средний показатель был к тому же крайне неустойчивым. А вот сравнение же данных о пустошах дает примеры большого сходства между двумя районами: в обоих случаях на жилое поселение приходится примерно одинаковое количество пустошей, пашенные, сенокосные и лесные угодья пустошей активно вовлекаются в хозяйственный оборот. Отсюда следует, что главные проявления кризиса начала XVII в. следует искать не в количестве пустошей в уезде и не в обилии пустошных перелогов и лесных порослей. Гораздо более показательным является

состояние сельских жилых поселений, в которых хозяйственная деятельность в это время порой была едва заметна. Но даже и в самых благоприятных для данного периода условиях характер этой деятельности все равно оставался экстенсивным. Именно поэтому функции пустоши как необходимого резерва угодий одинаковым образом проявили себя и в разоренном Алексинском уезде, и в благополучном Суздальском.

k

Таблица 25. Хозяйственные взаимосвязи жилых поселений

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	1											
2	0,56	1										
3	0,38	0,24	1									
4	0,18	0,21	0,21	1								
5	0,58	0,97	0,34	0,32	1							
6	-0,13	-0,45	-0,09	-0,15	-0,45	1						
7	-0,16	-0,43	-0,09	-0,13	-0,43	0,36	1					
8	-0,07	-0,16	-0,11	-0,07	-0,18	0,26	-0,01	1				
9	-0,07	-0,19	0,01	-0,03	-0,19	0,12	0,05	0,04	1			
10	-0,44	-0,77	-0,29	-0,26	-0,80	0,23	0,45	0,17	0,14	1		
11	-0,41	-0,67	-0,28	-0,25	-0,69	0,46	0,16	0,11	0,12	0,16	1	
12	-0,29	-0,46	-0,05	-0,10	-0,46	0,29	0,22	0,17	0,14	0,27	0,23	1
13	-0,16	-0,28	0,08	0,03	-0,26	0,10	0,16	-0,06	0,17	0,12	0,05	0,30
14	-0,58	-0,97	-0,34	-0,32	-1,00	0,45	0,43	0,18	0,19	0,80	0,69	0,46
15	0,70	0,12	0,24	0,03	0,13	0,62	0,13	0,13	0,03	-0,18	0,00	-0,02
16	0,43	0,81	0,10	0,09	0,76	-0,24	-0,45	-0,13	-0,16	-0,90	-0,11	-0,44
17	-0,01	-0,24	0,56	0,04	-0,17	0,19	0,13	0,08	0,12	0,05	0,02	0,80
18	-0,02	-0,09	0,19	0,63	-0,01	-0,01	0,04	-0,09	0,11	-0,07	-0,12	0,17

и пустошей в пределах владения (Суздальский уезд)

13	14	15	16	17	18
1					
0,26	1				
-0,05	-0,13	1			
-0,35	-0,76	0,17	1		
0,29	0,17	0,12	-0,30	1	
0,79	0,01	-0,02	-0,22	0,25	1

Порядковая нумерация признаков в таблице:

1 – всего пустошей во владении
2 – всего перелога и леса в пустошах
3 – всего покосов в пустошах
4 – всего десятинного леса в пустошах
5 – общая площадь всех угодий в пустошах
6 – всего жилых поселений во владении
7 – всего «рабочих дворов» в поселениях
8 – всего владельческих дворов в поселениях
9 – всего пустых дворов в поселениях
10 – всего «пашни паханой» в поселениях
11 – всего перелога и леса в поселениях
12 – всего покосов в поселениях
13 – всего десятинного леса в поселениях
14 – площадь всех угодий в поселениях
15 – всего объектов во владении
16 – всего перелога и леса во владении
17 – всего покосов во владении
18 – всего десятинного леса во владении

Таблица 26. Хозяйственные взаимосвязи жилых поселений

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1	1													
2	0,06	1												
3	0,11	0,28	1											
4	0,85	0,12	0,21	1										
5	0,00	-0,04	0,10	0,07	1									
6	0,23	0,55	0,93	0,36	0,10	1								
7	-0,10	-0,28	-0,48	-0,18	-0,05	-0,51	1							
8	-0,11	-0,25	-0,49	-0,17	-0,03	-0,50	0,33	1						
9	-0,09	-0,17	-0,37	-0,14	-0,04	-0,38	0,24	0,43	1					
10	-0,07	-0,20	-0,29	-0,12	-0,01	-0,32	0,29	0,09	0,33	1				
11	-0,16	-0,38	-0,69	-0,25	-0,05	-0,72	0,54	0,64	0,40	0,26	1			
12	-0,20	-0,48	-0,80	-0,31	-0,07	-0,86	0,45	0,47	0,33	0,24	0,66	1		
13	-0,20	-0,49	-0,81	-0,32	-0,11	-0,88	0,35	0,27	0,26	0,28	0,37	0,58	1	
14	-0,14	-0,34	-0,62	-0,23	-0,01	-0,66	0,40	0,43	0,36	0,26	0,53	0,56	0,46	1
15	-0,07	-0,13	-0,23	-0,10	0,00	-0,24	0,12	0,28	0,14	0,01	0,31	0,22	0,09	0,20
16	-0,23	-0,55	-0,93	-0,36	-0,10	-1,00	0,51	0,50	0,38	0,32	0,72	0,86	0,88	0,66
17	0,98	0,01	0,01	0,82	-0,01	0,13	0,10	-0,04	-0,04	-0,01	-0,06	-0,11	-0,13	-0,06
18	-0,15	0,40	-0,58	-0,21	-0,11	-0,40	0,22	0,27	0,19	0,07	0,35	0,61	0,17	0,28
19	-0,05	-0,09	0,75	-0,01	0,05	0,57	-0,40	-0,51	-0,32	-0,17	-0,73	-0,67	-0,22	-0,51
20	0,73	-0,08	-0,17	0,82	0,06	-0,05	0,07	0,09	0,08	0,04	0,07	0,04	-0,03	0,38
21	-0,06	-0,14	-0,16	-0,06	0,44	-0,18	0,08	0,24	0,11	0,01	0,26	0,17	0,03	0,17

и пустошей в пределах владения (Алексинский уезд)

15	16	17	18	19	20	21
1						
0,24	1					
-0,04	-0,13	1				
0,11	0,40	-0,10	1			
-0,28	-0,57	-0,13	-0,78	1		
0,03	0,05	0,74	-0,03	-0,31	1	
0,90	0,18	-0,04	0,05	-0,23	0,05	1

Порядковая нумерация признаков в таблице:

1 – всего пустошей во владении
2 – всего перелога в пустошах
3 – всего «пашни, лесом поросшей»
4 – всего сенокосных угодий в пустошах
5 – всего лесных угодий в пустошах
6 – общая площадь всех угодий в пустошах
7 – всего жилых поселений во владении
8 – всего «рабочих дворов» в поселениях
9 – владельческих дворов в поселениях
10 – пустых дворов в поселениях
11 – «пашни паханой» в поселениях
12 – перелога в поселениях
13 – «пашни, лесом поросшей» в поселениях
14 – сенокосных угодий в поселениях, в пустошах
15 – лесных угодий в поселениях
16 – общая площадь всех угодий в поселениях
17 – всего объектов во владении
18 – всего перелога во владении
19 – «пашни, лесом поросшей» во владении
20 – всего сенокосных угодий во владении
21 – всего лесных угодий во владении

ГЛАВА III. ТИПЫ ЭВОЛЮЦИИ СТРУКТУРЫ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ В XVII–XVIII вв.

1. Методы соотнесения топонимов писцовых книг и Экономических примечаний

Непременным и исходным моментом для любого сопоставления материалов писцовых книг и Экономических примечаний является вычленение массива топонимов, встречающихся в обоих источниках. В этом процессе топонимического сопоставления двух кадастров возникают определенные трудности. Есть основания полагать, что Экономические примечания зафиксировали гораздо более унифицированную и разреженную топонимическую среду, чем писцовые книги. Так, по сравнению с первой третью XVII в., в Примечаниях сократилась доля поселений, имевших более одного наименования (писцы отметили массу поселений и пустошей, имевших два, три, а то и пять названий), крайне редко встречаются в них и одноименные поселения даже на уровне уезда (в писцовых книгах они встречаются даже в пределах небольших станов), полностью исчезли «нецензурные» названия. Видимо, сказалось и исключение мелких пустошей из числа зафиксированных объектов. Поэтому при работе с топонимическими массивами наших кадастров мы шли от материала Экономических примечаний (более обобщенная топонимическая среда) к писцовым данным (более подробная топонимическая среда).

В результате почти в половине случаев, когда у нас есть соответствие топониму Примечания в писцовой книге, мы имеем дело с несколькими писцовыми вариантами для соотнесения с Примечанием. А для объектов с наиболее распространенными названиями (Березники, Сосновка, Иванова и др., включая возможные модификации) количество писцовых вариантов могло достигать десяти и даже более. Это весьма важно, так как за этими вариантами стоят и совершенно различные сведения писцовой книги – разные типы поселений, разные владельцы и виды собственности, разные

хозяйственно-демографические показатели. Возникло ли поселение на месте пустоши или тип поселения не изменился, сохраняется ли преемственность во владении, насколько выросло поселение – ответы на все эти вопросы во многом зависят от того, с каким из нескольких писцовых вариантов будет соотнесен соответствующий топоним Экономических примечаний.

Итак, очевидно, получение сколько-нибудь достоверной картины изменений, произошедших в структурах расселения и собственности в XVII–XVIII вв., возможно в первую очередь при обоснованном соотнесении топонимов. Поскольку в большинстве случаев возникала проблема выбора того или иного писцового топонима для соотнесения с Экономическими примечаниями, следует остановиться на критериях предпочтения того или иного писцового топонима.

Соотнесение топонимов мы производили по типам объектов – сначала мы отыскивали в писцовой книге наименования сел XVIII в., затем – селец, затем – деревень и пустошей. Этот порядок отражает движение от наиболее простых топонимических соотнесений к наиболее трудоемким. Рассмотрим основные приемы выявления топонимического соответствия между Экономическими примечаниями и писцовой книгой.

Самый простой вид топонимического соотнесения – соотнесение сел. Это объясняется тем, что село – уникальное поселение, древний и наиболее устойчивый центр расселения, его название всегда четко выделяется на фоне довольно однообразного массива сельской топонимики России. В соотнесении названий таких крупных центров сельской округи, как, например, Тейково, Михайлова Сторона, Щенячья Слободка и др., просто невозможно ошибиться. Поэтому критерием соотнесения топонимов в этом случае оказывался сам по себе уникальный топоним.

Распространенным критерием выбора одного топонимического соответствия из нескольких вариантов была устойчивая владельческая принадлежность. Наиболее очевидна оправданность такого подхода применительно к секуляризованным дачам монастырей и архиепископа – бывшие духовные владельцы секуляризованных вотчин всегда указывались в Примечаниях. К примеру, в Суздальском уезде Экономические примечания зафиксировали большую

неразмежеванную дачу, принадлежавшую Коллегии Экономии (№ 237). В ней располагались шесть сел, три деревни и безымянная слободка. Одно из сел носило название Никульское – это один из распространенных топонимов, представленный в писцовой книге различными вариантами (собственно Микулское, Микулино, Микулцыно и т.п.). Но применительно к этой даче в Экономических примечаниях указано, что до секуляризации вся она принадлежала Троице-Сергиевой лавре. Естественно, что подбирая писцовый вариант для соотнесения с селом Никульским последней четверти XVIII в., мы сразу обращались к комплексу владений этого монастыря в первой трети XVII в., а остальные имеющиеся варианты практического интереса уже не представляли.

То же самое справедливо и по отношению к поселениям, принадлежавшим светским владельцам. Так, если и спустя полтора века некий объект принадлежит представителю той же фамилии, что и по писцовым книгам, то пренебрегать таким свидетельством нет никаких оснований. При этом крайне редко встречалась ситуация, при которой спустя полтора века поселение или пустошь целиком оставалась в собственности представителя той же фамилии. Чаще бывало так, что он оказывался совладельцем наряду с членами совсем других семей. Поэтому при соотнесении топонимов необходимо просматривать фамильный состав владельцев XVIII в., так как среди них могли оказаться преемники фамилии первой трети XVII в.

Например, в суздальских Примечаниях в даче № 107 помещена пустошь Глинищи. Она принадлежала 6 владельцам: Василию Иванову Сытину, Прасковье Алексеевой Тарбеевой, Ивану Борисову Шувалову, Марье Владимировой Рудаковой и Татьяне Васильевой и Авдотье Степановой Молчановым. В писцовой книге мы нашли 4 объекта под этим распространенным наименованием: сельцо Глинище, 2 деревни Глинища и пустошь Глинную. Просматривая список владельцев этих объектов, можно обнаружить, что один из них – «деревня, что была пустошь» Глинища – принадлежала в равных долях Якову Иванову Салманову и Тугарину Федорову Молчанову. Таким образом, мы получаем четкий критерий предпочтения именно этого писцового варианта, ведь совладение Молчановых отмечено и в Экономических примечаниях.

Простым, но важным индикатором соотнесения является и гидроним – если поселение или пустошь стояли на реке.

Все эти способы соотнесения объединяет одно – критерий соответствия, по сути дела, лежит на поверхности. Уникальный топоним крупного владельческого центра, совпадающие фамилии владельцев или указание на бывшее монастырское владение, одинаковый сопутствующий гидроним – все эти индикаторы взаимного соответствия одноименных объектов даны непосредственно в тексте наших источников. Нужно лишь не пропустить эти указания при работе с базами данных, составленных на основе этих текстов. Но как быть в тех случаях, когда этих немногих прямых указаний в источниках нет и перед нами оказываются только «равноправные» писцовые варианты? Легко представить себе, что это может быть за объект: рядовая деревня или тем более пустошь, которая, к тому же, расположена на водоразделе, а в списках владельцев XVII–XVIII вв. ни по одному из возможных вариантов нет фамильных соответствий. Все это признаки довольно типичного элемента структуры сельского расселения. И действительно, таких примеров только по Суздальскому уезду накопилось около 150 – в основном это были пустоши, около 40 деревень, лишь несколько селец, а сел не было вовсе. Привычные критерии взаимного соответствия объектов здесь не помогали: не было совпадений ни по владельческой принадлежности, ни по гидрониму. Причем для некоторых объектов Экономических примечаний количество таких «глухих» писцовых вариантов могло превышать десяток. Бросать эту массу объектов означало бы существенно исказить или обеднить результаты всей работы.

Выход из этой ситуации возможен при более детальном подходе к каждому топониму. Рассмотрим последовательные стадии такого подхода на суздальском материале.

Дело в том, что в Суздальском уезде Генеральное межевание шло не спиралью, а фронтально – с юга на север. На это указали результаты соотнесения топонимов по первым трем индикаторам (уникальный топоним, владельческая принадлежность, гидроним). Выяснилось, что все соотнесенные объекты Примечаний под номерами от 1-го до 300-го оказались в пределах Опольского стана (юг уезда), 500-е и 600-е номера плотно располагались в Тейковом и Сахташском стане (центр уезда), а 700-е и 800-е обнаружены только среди

поселений и пустошей Сухода и Кондырева, Горетового станов (север уезда). Отказ от традиционного спиралевидного направления межевания легко объяснить тем, что территория Суздальского уезда представляла собой довольно узкую полосу, вытянутую с юга на север (См. карту 9 в приложении), и «кружение» межевщиков по этой полосе было бы крайне нерациональным подходом.

Хотя внутри этого фронтального направления были возможны какие-то отклонения, общая закономерность прослеживалась четко. Поэтому при соотнесении «глухих» топонимов мы исходили из того, что нумерация дач в Экономических примечаниях является довольно точным индикатором расположения объектов на уровне станов, следовательно, можно было отсекать писцовые варианты по критерию соответствия нумерации в Примечаниях стану XVII в.

Но и после этого при соотнесении топонимов остается ряд проблем, главная из которых состояла в том, что в пределах одного и того же «подходящего» стана XVII в. могло быть два или три варианта для соответствующего ему по нумерации топонима Экономических примечаний. Поэтому для соотнесения «глухих» топонимов необходим более дифференцированный критерий, чем стан.

В основе его поиска лежала все та же логика рассуждений, согласно которой при фронтальном межевании теснота порядковых номеров суздальских Примечаний указывает на взаимное территориальное расположение поселений. Так, если мы в качестве условного примера возьмем некое поселение под № 120, то правомерно утверждать, что поселения от 100 до 140, то есть 20 номеров «перед» этим поселением и 20 номеров «после», почти наверняка образуют район вокруг интересующего нас топонима. Следовательно, мы получаем удобную единицу соотнесения – более масштабную, чем отдельное поселение (дача) Экономических примечаний, но и гораздо более четкую, чем огромный стан XVII в. Условно назовем ее «ареал соотнесения». Но с чем соотносить этот ареал при обращении к писцовой книге?

Практика показала, что правильнее всего соотносить его со списком топонимов тех писцовых дач, в которые входили варианты первой трети XVII в., подобранные для соотнесения с нашим топонимом Примечаний. При таком подходе важно найти совпадения между списком топонимов «ареала соотнесения» вокруг топонима XVIII в. и списком топонимов той писцовой дачи, к которой относится вариант

XVII в. Если мы обнаруживаем такие совпадения, то есть основания говорить, что нам удалось хотя бы примерно вычленить некую территорию, к которой относятся оба интересующие нас топонима – и писцовой книги, и Экономических примечаний. Следовательно, остальные писцовые варианты можно не принимать во внимание. Чтобы мобилизовать как можно больший писцовый материал для сравнения с таким «ареалом соотнесения», мы просматривали все писцовые владения (и поместные, и вотчинные) по всем представителям той фамилии, к которой относился интересующий нас писцовый топоним. Таким образом, сопоставление производилось на основе изучения всей собственности целой фамилии, а не отдельной дачи конкретного владельца. Приведем пример такого соотнесения.

Под № 533 в Экономических примечаниях Суздальского уезда фигурирует сельцо Репнево. Обращение к писцовому материалу показало, что это распространенный топоним, причем все пять вариантов первой трети XVII в. относились к одному стану – Тейков и Сахташскому. Среди них были две пустоши Репное, пустошь Репное Малое, деревня Репное и деревня Репное Большое. Следовательно, одна из этих пустошей или деревень в XVII–XVIII вв. развилась в сельцо. В XVIII в. оно принадлежало неким Лихаревым, но по названным писцовым вариантам эта фамилия не проходит. Нет и гидронимов – ни в писцовой книге, ни в Экономических примечаниях. Поэтому нам оставалось только выбрать ареал сельца Репнево по Экономическим примечаниям (№№ 515–555) и сличать относящиеся к нему топонимы со списком топонимов писцовых дач, к которым относятся названные писцовые объекты. В результате такое совпадение было найдено: по писцовой книге некий В.А. Колычев владел деревней Репное Большое, и в этой же его даче была деревня Лемешки. А по Экономическим примечаниям д. Лемешки была соседней с сельцом Репневым – они были обведены одной межой и помещены в Примечаниях под одним номером. Значит, правильным будет соотнести это сельцо с деревней Большое Репнево из дачи В.А. Колычева, и мы получаем надежный пример развития сельца из деревни.

Продуктивность такого метода еще и в том, что подобное соотнесение может быть надежным переходом к следующему, так как если удавалось и мы действительно находили подходящий писцовый список топонимов, то первое найденное совпадение

«вытягивало» за собой новые. Это видно и по рассмотренному выше примеру. Так, по номером 536 в Экономических примечаниях помещена деревня Горки. Писцовая книга дала 8 вариантов с этим топонимом. Одной из писцовых дач, к которым относился один из этих вариантов, была дача уже упомянутого А.И. Колычева – ему принадлежала деревня Горки первой трети XVII в. Таким образом, в писцовой даче А.И. Колычева оказались поселения Экономических примечаний № 535 (сц. Репнево и д. Лемешки) и 536 (д. Горки). Таким образом, писцовая дача А.И. Колычева представлена в Примечаниях тремя явно соседними поселениями. Подчеркнем, что в этом, как и в других подобных случаях, просматривалась не только эта дача, а все владения Колычевых по писцовой книге.

Итак, при таком соотнесении объектов Экономических примечаний с писцовой книгой мы получаем возможность работать не с одиночными топонимами, а с группами топонимов, когда, с одной стороны, перед нами названия соседних дач XVIII в., а с другой – писцовые дачи, к которым относятся варианты этих топонимов.

Эти группы топонимов иногда оказываются едиными неразмежеванными дачами Экономических примечаний, и тогда соотнесение их с писцовыми дачами облегчается. Так, под номером 445 в Экономических примечаниях помещена неразмежеванная дача, принадлежавшая К.Ф. Шадлорской и С.А. Григорьеву. В нее входили село Пырьевки и пять деревень, естественно, все они располагались рядом друг с другом. Соотнесение этих деревень по писцовым владениям быстро помогло узнать, что и село, и 4 деревни относятся к большой вотчине князя П.Д. Пожарского, так как все они упомянуты среди объектов этой вотчины.

Данный метод позволяет выбрать нужный вариант даже в ситуации, когда не помогает указание на бывшего владельца. Так, под № 135 в Экономических примечаниях помещена большая неразмежеванная дача Коллегии Экономии, бывшая вотчина Спасо-Евфимьева монастыря. В ней, среди прочих, упомянута деревня Круглова. Казалось бы, достаточно отыскать эту вотчину в писцовой книге и выбрать нужный вариант. Но в Опольском стане (на этот стан указывает порядковый номер) у Спасо-Евфимьева монастыря было две вотчины, в которых находилась деревня с таким

названием. Поэтому выручает писцовое указание на то, к какому селу «тянули» эти деревни: писец в таких случаях записывал центр владения – село, а потом добавлял: «Того ж села деревни», а затем: «Того ж села пустоши». В нашем случае это позволило выяснить, что одна деревня Круглова «тянула» к селу Большое Маслово, которое не проходит по Примечаниям и, следовательно, находилось за пределами территории уезда в последней четверти XVIII в. Следовательно, остается вторая деревня Круглова, так как село Переборово, к которому она «тянула», упомянуто в той же даче Примечаний.

В целом результаты соотнесения топонимов могут быть представлены в таблице.

Таблица 27. Доли топонимов писцовой книги и Экономических примечаний, соотнесенных тем или иным способом

Критерий соотнесения	Суздальский уезд	Алексинский уезд
Устойчивая владельческая принадлежность	29,26	12,68
Гидроним	5,90	17,84
Соседство расположения/ Писцовое владение	44,76	41,78
Точный специфический или сложный топоним	19,43	25,82
Церковь в селе	0,66	1,88

Результаты показывают, что наиболее продуктивным оказался метод соотнесения топонимов двух кадастров по методу выявления близкого взаиморасположения – он дал более 40 % всех соотнесений в каждом уезде. Кроме того, показательны различия между долями топонимов, соотнесенных непосредственно по прежнему владельцу: в Суздальском уезде такие соотнесения составили почти треть, а в Алексинском – только около 13 %. Этот результат сам по себе говорит о гораздо большей устойчивости светского фамильного землевладения в Суздальском уезде.

2. Ранняя стабилизация структуры расселения (Суздальский уезд)

Как уже говорилось, невозможно точно вычленить тот массив писцовой статистики, который территориально был бы адекватен материалу Экономических примечаний. Кроме того, есть основания полагать, что Экономические примечания скрыли от нас значительное количество мелких пустошей, тщательная фиксация которых была излишней с точки зрения подтверждения владельческих прав по результатам Генерального межевания. Поэтому при сопоставлении структур расселения мы идем от материала последней четверти XVIII в. к материалу первой трети XVII в. На наш взгляд, такой подход вполне позволяет проследить эволюцию структуры расселения в этот период.

Первый уровень сопоставления наших двух описаний должен выявить, какова была доля объектов Экономических примечаний, найденных в писцовой книге, то есть насколько устойчива была структура сельского расселения в XVII–XVIII вв. Результаты сопоставления объектов сельского расселения в Суздальском уезде представлены в таблице.

Таблица 28. Преемственность структуры расселения в Суздальском уезде в XVII–XVIII вв.

	Тип объекта в последней четверти XVIII в.							
	Село		Сельцо		Деревня		Пустошь	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Село в первой трети XVII в.	72	66,67	1	1,79	1	0,55	1	0,24
Сельцо в первой трети XVII в.	6	5,56	18	32,14	3	1,66	2	0,47
Деревня в первой трети XVII в.	3	2,78	10	17,86	95	52,49	22	5,20
Пустошь в первой трети XVII в.	2	1,85	6	10,71	25	13,81	216	51,06
Новый объект	25	23,15	21	37,5	57	31,49	182	43,03
Всего	108	100	56	100	181	100	423	100

Приведенный в таблице материал позволяет сделать ряд наблюдений.

Сразу отметим, что доля объектов, зафиксированных и в писцовой книге, и в Экономических примечаниях, весьма существенна во всех группах. Это само по себе говорит о высокой устойчивости структуры расселения в этом районе. Обратимся к группам объектов.

Вновь основанные за полтора века села составили менее четверти от общего количества, а две трети отмечены как села и в писцовой книге. Здесь не было ни сколько-нибудь заметного пополнения за счет развившихся селец и деревень, ни тем более запустения. Следовательно, в этом районе на протяжении всего полуторавекового периода доминировали в основном одни и те же центры.

Половина из общего количества суздальских деревень конца XVIII в. и в писцовой книге упомянуты как деревни. Надо учесть, что относительно плодородные и легкие в обработке земли, слабое воздействие кризиса начала XVII в. и общий рост населения в последующий период, в принципе, создавали предпосылки для интенсификации хозяйственного освоения края. Можно было бы предположить развитие жилых поселений из старых пустошей. Но вместо этого мы видим, что новые деревни встречаются гораздо чаще, чем те, которые развились из старых пустошей. Первые составили одну треть, а вторые – лишь одну седьмую от общего количества деревень последней четверти XVIII в. Это указывает на то, что в благоприятных условиях, какие были в уезде уже в первой половине XVII в., постепенное вырастание жилого поселения из старой пустоши не было характерным явлением, этот процесс мало повлиял на общую структуру сельского освоения края конца XVIII в. С другой стороны, можно предположить, что и в XVIII в. на данной территории еще не были исчерпаны возможности для развития структуры расселения вширь. Именно благодаря этому обстоятельству, а не за счет развития старых пустошей здесь возникла большая часть новых деревень.

В связи с этим показательны наши результаты по группе пустошей. Более половины из них также относятся к первой трети XVII в., причем большинство из них были постоянно действовавшими пустошами, а не запустевшими поселениями. Очевидно, что половина суздальских пустошей к концу XVIII в. выполняли свою функцию хозяйственного резерва уже более полутора столетий. Это означает необходимость

постоянного присутствия пустоши как элемента в структуре расселения, ничего общего не имеющего с запустением конца XVI – начала XVII в.

Резко выделяются на фоне весьма стабильной структуры сельского расселения суздальские сельца. Лишь треть из них упомянуты как сельца в писцовой книге. В основном же это либо вообще новые поселения, либо деревни или пустоши первой трети XVII в. Как можно объяснить столь глубокое обновление в этой группе поселений, так мало соответствующее устойчивости деревень и даже пустошей, не говоря уже о селах? На наш взгляд, оно связано с функцией селец в первую очередь как центров господского хозяйства. В условиях расширения и обновления состава феодальных землевладельцев возникала необходимость появления и новых владельческих центров. Причем в группе сел уже давно сформировался оптимальный состав, и возникновение новых сел как центров округи было практически невозможно. В результате пополнение центров господского хозяйства стало возможно только за счет развития старых деревень или даже пустошей (суммарно они составили четверть от общего числа селец) или за счет создания новых поселений. Таким образом, масштабное обновление группы селец указывает на значительный рост количества полноценных владельческих центров, а следовательно, на усложнение пространственной структуры феодального землевладения.

Итак, структура расселения в XVII–XVIII вв. в Суздальском уезде отличалась большой устойчивостью, даже консервативностью. За полтора столетия здесь не произошло сколько-нибудь серьезного обновления и расширения ни в одной группе поселений, за исключением селец. Это говорит о том, что уже к началу XVII в. «матрица» сельского освоения охватила эту территорию полностью. Главным фактором некоторой перегруппировки структуры расселения в XVII–XVIII вв. был численный рост господствующего класса, проявившийся в возникновении массы новых селец. Однако в целом значительных сдвигов в сети поселений за полтора столетия здесь не произошло[203].

[203] Некоторые созвучные этим наблюдениям подсчеты содержатся в исследовании П.А. Колесникова, считавшего, что в XVIII в. происходит некоторое сокращение числа сельских поселений в обширном регионе на Севере России, названном им «Центральное Поморье». Впрочем, для данного исследования характерна весьма высокая степень обобщенности статистических данных. См.: *Колесников П.А.* Северная деревня в XV – первой половине XIX в. Вологда, 1976.

Эти наблюдения могут быть помещены в определенный историографический контекст. В первую очередь стоит назвать фундаментальные историко-демографические исследования Я.Е. Водарского и В.М. Кабузана[204]. Данные этих двух авторов территориально соотносимы, что позволяет проследить рост населенности крупных районов Европейской России на протяжении огромного периода – от времени составления переписных книг (1678 г.) до последней (десятой) ревизии 1857 г. Один из наиболее интересных выводов, который вытекает из сопоставления их подсчетов, касается Центрально-Промышленного района, к которому относилась Владимирская губерния и, соответственно, Суздальский уезд. Как ни странно, с демографической точки зрения этот район в период позднего феодализма был самым неблагоприятным: за почти 180 лет население здесь увеличилось всего в два раза – с 1 млн. 843 тыс. д.м.п. в 1678 г. до 3 млн. 837 тыс. д.м.п. в 1857 г.[205] Подчеркивая это обстоятельство, В.М. Кабузан писал: «По всем ревизиям без исключения этот район занимал одно из самых последних мест... Прирост населения этого района по всем ревизиям уступал общему среднему приросту по всей России, включенной в первую ревизию, и даже ни разу к нему не приближался»[206]. Впоследствии (в первой половине XIX в.) именно отсюда наблюдается максимальный отток населения[207]. Это наблюдение выглядит парадоксально, поскольку речь идет об историческом ядре всего Российского государства, его важнейшей и староосвоенной части.

Сам В.М. Кабузан был склонен объяснять данное обстоятельство воздействием крепостного права[208]. Однако абсолютизировать этот фактор не стоит хотя бы потому, что по данным самого же В.М. Кабузана и Я.Е. Водарского в соседнем Центрально-Черноземном районе население за то же время выросло в несколько раз. Этот район также характеризуется преобладанием крепостного населения, причем господствующей формой ренты здесь была барщина, а в «депрессивном»

---

[204] *Кабузан В.М.* Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1971; *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII в. М., 1977.

[205] *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII в. С. 152; *Кабузан В.М.* Указ. соч. С. 16.

[206] *Кабузан В.М.* Указ. соч. С. 16.

[207] *Там же*. С. 32.

[208] *Там же*. С. 16.

с демографической точки зрения Центрально-Промышленном районе преобладала менее тяжелая оброчная форма эксплуатации крепостных крестьян. Дополнительный свет на данный вопрос проливают данные Н.Л. Рубинштейна о зерновом балансе различных губерний в России второй половины XVIII в. Из них следует, что для всех губерний Центрально-Промышленного района характерен весьма значительный дефицит зерна[209]. По сути дела, «нормальным» или, по крайней мере, «не слишком большим» выглядит недобор 20–30 % зерна для удовлетворения самых необходимых потребностей (продовольственная – из расчета 3 четверти зерна на человека в год – и посев).

В этой связи особое значение имеют результаты уже упоминавшегося исследования Л.В. Милова, показавшего, что в российском Нечерноземье трехполье даже во второй половине XVIII в. дополнялось огромными массивами перелога, наличие которых в это время невозможно объяснить хозяйственным кризисом или другими чрезвычайными обстоятельствами[210]. Это наблюдение стало важным звеном в формировании той концепции экономической истории России, которая была развернута Л.В. Миловым в его последнем фундаментальном исследовании[211]. Говоря о необходимости для крестьян Нечерноземья резерва переложных земель при неизбежном истощении скудных почв в условиях трехполья, Л.В. Милов прямо увязывал кризисные явления в российском земледелии с исчерпанием этого резерва со второй половины XVIII и особенно в XIX в.[212].

Следовательно, речь идет о драматической ситуации, когда получение даже низких (и заведомо недостаточных) урожаев было возможно только в рамках экстенсивного хозяйства с большими резервами земли, сохранение которых в длительной перспективе невозможно из-за неуклонного роста населения.

В связи с этим показательно, что в отечественной историографии

---

[209] *Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. С. 374–376.

[210] *Милов Л.В.* О роли переложных земель в русском земледелии второй половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961. Рига, 1963.

[211] *Он же.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

[212] Там же. С. 61.

были высказаны предположения о некой предельной демографической нагрузке, которую способна нести территория Нечерноземья. Первым такое предположение высказал Б.А. Романов в обширной рецензии на работы Н.В. Воронина и С.Б. Веселовского о типологии сельских поселений средневековой Руси, которая представляла собой собственное скрупулезное исследование этой проблемы[213]. Им было предложено понятие «предел вместимости», по достижении которого перенаселенное крупное сельское поселение с неизбежностью должно было разделиться на несколько самостоятельных поселений[214]. Второе заявлено в новейшем исследовании по исторической демографии Н.А. Горской, считавшей, что одной из наиболее перспективных задач этого направления является изучение проблемы «демографического оптимума»[215].

Таким образом, два ученых предложили термины, обозначающие ситуацию невозможности дальнейшего роста населения на микро- (Б.А. Романов) и макроуровне (Н.А. Горская). Главным недостатком этих предположений была слабая подкрепленность конкретным фактическим материалом. Хотя Б.А. Романов основывался на данных писцовых книг, он смог привести всего несколько примеров распада поселений из-за превышения «предела вместимости». Кроме того, сами критерии «предела вместимости» были очень расплывчатыми. Что же касается термина «демографический оптимум», то в монографии Н.А. Горской нет его развернутой интерпретации, что, видимо, обусловлено спецификой данного исследования как исключительно историографического.

Наши данные о ранней стабилизации сети сельских поселений и пустошей в районе ополья при наличии замедленного прироста населения и усиливающегося зернового дефицита позволяют предполагать, что такой «оптимум» или «предел вместимости» действительно существовал, причем его приближение начинает сказываться здесь достаточно рано.

От сопоставления топонимов писцовой книги и Экономических

---

[213] *Романов Б.А.* Изыскания о русском поселении эпохи феодализма (по поводу работ Н.И. Воронина и С.Б. Веселовского) // Вопросы экономики и классовых отношений в русском государстве XII–XVII вв. М.; Л., 1960.

[214] Там же. С. 440.

[215] *Горская Н.А.* Историческая демография России эпохи феодализма (итоги и проблемы изучения). М., 1994.

Таблица 29. Теснота связи между экономико-демографическими показателями сельских поселений в XVII и XVIII вв.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	1												
2	0,41	1											
3	0,66	0,13	1										
4	0,94	0,41	0,87	1									
5	0,77	0,27	0,53	0,73	1								
6	0,63	0,41	0,64	0,71	0,66	1							
7	0,72	0,48	0,60	0,75	0,72	0,89	1						
8	0,71	0,49	0,59	0,75	0,70	0,91	0,97	1					
9	0,64	0,31	0,61	0,70	0,66	0,79	0,84	0,82	1				
10	0,80	0,33	0,75	0,85	0,76	0,76	0,83	0,83	0,80	1			
11	0,45	0,29	0,44	0,50	0,37	0,52	0,56	0,57	0,54	0,48	1		
12	-0,23	-0,16	-0,16	-0,23	-0,21	-0,14	-0,16	-0,15	-0,07	-0,13	0,00	1	
13	0,67	0,27	0,66	0,73	0,64	0,69	0,76	0,76	0,76	0,90	0,57	0,29	1

Признаки хозяйственного состояния поселения в XVII – XVIII вв. по номерам

Писцовые данные:
1. «Пашни паханой» (дес. в 3-х полях).
2. Сенокосных угодий.
3. «Перелогом и лесом поросло» (дес. в 3-х полях).
4. Всего земли (дес.).
5. «рабочих дворов».

Данные Экономических примечаний:
6. Крестьянских дворов
7. Ревизских душ м.п.
8. Ревизских душ ж.п.
9. Земли под усадьбой (дес.).
10. Пашни (дес.).
11. Сенокосных угодий (дес.).
12. Леса (дес.).
13. Всего земли без « неудобий» (дес.)

примечаний мы предполагаем возможным перейти к сопоставлению относящихся к ним хозяйственно-демографических показателей. Насколько оправдан этот подход? Как уже говорилось, писцовые книги и Экономические примечания содержат разные классификации земельных угодий. Напомним также и о сложном характере писцовых данных о «пашне паханой». Кроме того, в Экономических примечаниях нередки случаи припуска пустошей, причем пустоши при этом даже не перечисляются, то есть существует вероятность, что перед нами не единичный объект, а целый комплекс анонимных объектов. Не является ли в связи со всем этим прямое парное соотнесение показателей первой трети XVII и последней четверти XVIII в. некорректным?

Ответ на этот вопрос мы предполагали получить при помощи корреляционного анализа. Смысл этой проверки был в том, чтобы выяснить, есть ли корреляция между величиной поселения (пустоши) и его хозяйственно-демографическими показателями в XVII и в XVIII вв., точнее, между тем, как эти показатели зафиксированы в писцовой книге и в Экономических примечаниях. Отсутствие такой взаимосвязи указало бы нам на полную несоизмеримость этих показателей. Напротив, сопоставимость данных проявится в сильной положительной взаимосвязи, которая указывает на то, что чем больше (меньше) был показатель по писцовой книге, тем больше (меньше) был показатель и по Примечаниям. Для корреляции брались натуральные показатели, все земельные угодья были исчислены в десятинах. Результаты анализа представлены в таблице 29.

Можно с уверенностью говорить о том, что наши специфические статистические данные, удаленные друг от друга на полтора столетия, демонстрируют вполне определенную взаимообусловленность: величина коэффициента корреляции между ними в большинстве случаев составляет от 0,60 до 0,85. Это очень ценный в методическом плане результат, так как он показывает, что парное соотнесение показателей писцовой книги и Экономических примечаний полностью оправдано. Особенно выразительны «перекрестные» взаимосвязи между разнородными показателями XVII и XVIII вв. Например, значимой оказалась взаимосвязь между количеством «пашни паханой» в поселении по писцовой книге и количеством крестьянских дворов по Экономическим примечаниям (0,63).

Существенной была и взаимосвязь между количеством дворов в поселении по писцовой книге и количеством пашни по Экономическим примечаниям (0,76). Никакого отношения к возможной приписке «пустошных» угодий в Экономических примечаниях этот параллельный рост не имеет, так как здесь берутся, с одной стороны, «земельный», а с другой – демографический показатель двух источников. И высокие коэффициенты взаимосвязи между ними говорят именно о том, что в большинстве случае прямое парное сопоставление статистики писцовой книги и Экономических примечаний в целом оправдано.

Связь между однородными показателями XVII–XVIII вв. оказалась еще более сильной. Например, связь между количеством пашни в поселении XVII в. и в XVIII в. (0,80) или между общей площадью угодий в XVII в. и количеством пашни в XVIII (0,85).

В целом данные анализа говорят о том, что наши показатели вполне сопоставимы. С другой стороны, в этих высоких значениях коэффициентов взаимосвязи заложен не только методический, но и содержательный вывод. Он состоит в том, что экономическое развитие сельского поселения в Суздальском уезде в XVII–XVIII вв. (и, в первую очередь, землепользование) отличалось глубокой преемственностью. Следовательно, тот уровень хозяйственно-демографического развития, которого поселение достигло к первой трети XVIII в., в значительной степени предопределял его дальнейшую судьбу на протяжении полутора веков.

Это предположение было конкретизировано при помощи того же корреляционного анализа. Для этого мы взяли процентный рост количества дворов в поселении за XVII–XVIII вв. и уже этот процентный показатель соотносили с некоторыми натуральными показателями первой трети XVII в. Теснота связи показывала как раз силу взаимосвязи между величиной роста поселения и его исходным состоянием. В итоге было выявлено несколько показателей первой трети XVII в., которые сильнее всех остальных определяли динамику роста поселения. Результаты этого анализа приведены в таблице 33 по всем соотнесенным поселениям в целом и по типам поселений.

Каков же был рост поселений в XVII–XVIII вв.?

Для начала обратимся к общей картине укрупнения поселений. Для этого мы сгруппировали поселения XVII–XVIII вв. разных ти-

пов по количеству дворов. Материал первой трети XVII в. представлен поселениями «расширенного района сопоставления», который существенно больше, чем территория Суздальского уезда последней четверти XVIII в. (См. карту 9 в приложении). Следовательно, по абсолютным показателям эти массивы оказываются неравными. Однако в таблице представлены процентные доли поселений, что, как нам кажется, позволяет сгладить эти различия и определить основные тенденции изменения размеров поселений.

Таблица 30. Сравнительная группировка поселений Суздальского уезда XVII–XVIII вв. по критерию дворности (в процентах)

	Деревни		Сельца		Села	
	перв. треть XVII в.	посл. четв. XVIII в.	перв. треть XVII в.	посл. четв. XVIII в.	перв. треть XVII в.	посл. четв. XVIII в.
Нет «рабочих дворов»	4,59	0,00	32,89	0,00	10,16	0,00
1 двор	16,43	0,70	18,42	5,56	6,25	0,00
2–3 двора	40,46	6,34	26,32	24,07	10,16	2,27
4–6 дворов	27,17	13,38	10,53	14,81	10,16	4,55
7–10 дворов	7,37	22,54	3,95	12,96	12,50	3,41
11–15 дворов	3,50	24,65	6,58	27,78	9,38	6,82
16–25 дворов	0,12	16,20	0,00	11,11	15,63	9,09
26–50 дворов	0,36	15,49	1,32	3,70	20,31	53,41
51–100 дворов	0,00	0,70	0,00	0,00	4,69	17,05
Более 100 дворов	0,00	0,00	0,00	0,00	0,78	3,41
Всего	100	100	100	100	100	100
Средний размер поселения (дворов)	3,56	14,32	2,84	9,26	17,46	38,27

Совершенно очевидно, что за период XVII–XVIII вв. размеры поселений значительно выросли. Особенно примечательны перемены в группах деревень и селец.

Преобладавшую на этой территории деревню в 1–3 двора сменили поселения размером от 7 до 15 дворов, ставшие теперь наиболее типичными. Заметную часть деревень составили очень крупные поселения, каких просто не могло быть в начале XVII в. – от 16 до 25 и от 26 до 50 дворов. Доли таких деревень по Примечаниям составили по 15–16 % против менее 0,5 % в первой трети XVII в.

В каждом третьем сельце первой трети XVII в. вообще не было «рабочих дворов», то есть они представляли собой сельца-усадьбы. Почти половина селец насчитывала от 1 до 3 дворов. Совершенно иными стали поселения этого типа спустя полтора века. Хотя мелкие сельца (2–3 двора) сохранились, однако сельца-усадьбы как тип владельческого центра полностью исчезли. Теперь 40 % селец насчитывали от 7 до 15 дворов, раньше таких размеров достигали лишь около 10 % селец. Есть основания полагать, что столь значительный рост селец указывает на эволюцию сельца как владельческого центра в XVII–XVIII вв. Сельцо перестало быть мелким поселением-усадьбой, вокруг которого группируются зависимое население и угодья «тянущих» к нему деревень. Оно само стало крупным и самодостаточным в экономическом смысле центром, поселением, в котором, как можно полагать, были большие возможности для организации господского хозяйства.

За период XVII–XVIII вв. практически исчезли небольшие поселения в группе сел. Так, если в первой трети XVII в. три четверти сел насчитывали до 25 дворов, то спустя полтора века ситуация оказалась зеркально противоположной: более половины сел достигли размеров от 26 до 50 дворов, а 20 % сел насчитывали от 50 до 100 дворов и более.

Итак, в XVII–XVIII вв. в Суздальском уезде наблюдается значительный рост поселений всех типов: нормальным выглядит увеличение сельского поселения в 3–4 раза, особенно если речь идет о сельце или деревне. Но пока мы соотнесли только две группировки поселений (XVII и XVIII вв.), а не сами поселения. Между тем, наша коллекция устойчивых объектов XVII–XVIII вв. охватывает большую часть материала Экономических примечаний, поэтому,

сопоставляя данные по этим устойчивым объектам, мы можем точнее оценить динамику хозяйственно-демографического развития края. Начнем с показателей общей площади, произошедшие здесь изменения представлены в таблице.

Таблица 31. Рост общей площади земельных угодий поселений и пустошей, обнаруженных в писцовой книге и в Экономических примечаниях (в процентах)

	Села		Сельца		Деревни		Пустоши	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
От -0,1 до -99	4	9,09	1	3,85	2	4,88	27	14,44
От 0,1 до 100	24	54,55	4	15,39	13	31,71	50	26,74
От 100,1 до 200	6	13,64	3	11,54	7	17,07	30	16,04
От 200,1 до 300	5	11,36	4	15,39	7	17,07	27	14,44
От 300,1 до 500	3	6,82	5	19,23	5	12,20	17	9,09
Более 500	2	4,55	9	34,62	7	17,07	36	19,25
Всего	44	100	26	100	41	100	187	100
Средний рост объекта	113,16		545,76		362,02		527,52	

Таблица показывает, что рост общей площади угодий в каждой группе объектов имел свои достаточно четкие и показательные особенности. Очевидно, что поселения разных типов укрупнялись с различной интенсивностью. При этом тенденция упадка поселений была едва заметна. Рассмотрим варианты динамики роста площади угодий по типам объектов.

Как следует из таблицы, в половине сел площадь земельных угодий выросла за полтора века менее чем в два раза, средний рост был двукратным, то есть весьма скромным. При этом примеры экстремального роста поселений (более чем в 6 раз) составляли менее 5 %

от общего числа проанализированных случаев. Вывод напрашивается сам собой: села, наиболее крупные поселения, росли в этот период очень медленно, поскольку, видимо, уже к началу XVII в. были близки к своим оптимальным размерам.

Гораздо больше примеров сильного увеличения поселений видно в группе деревень. Минимальный рост площади угодий (менее чем в 2 раза) был зафиксирован здесь довольно часто – для каждой третьей деревни. Но столько же примеров и среднего (в 2–4 раза), и большого (более чем в 4 раза) укрупнения деревень. В группе сел примеры такого значительного роста встречаются крайне редко. Средний рост площади угодий деревни тоже был гораздо более высоким, чем у села, – в 4,5 раза. Очевидно, что деревни росли значительно быстрее, чем села. Этот большой процентный рост площади угодий деревень может объясняться тем, что в первой трети XVII в. здесь преобладали крайне мелкие деревни.

Показателен резкий рост площади угодий в группе селец. Здесь крайне мало примеров небольшого роста поселений (всего лишь каждое шестое поселение), зато каждое третье поселение выросло более чем в 6 раз. Средний рост площади угодий здесь был максимальным – в 6,5 раза. Это связано с показанной выше глубокой трансформацией сельца из усадьбы в полноценное сельское поселение. Другой причиной этого высокого процентного роста является то, что многие сельца возникли на месте пустошей и деревень, и такая трансформация объекта неизбежно сопровождалась вовлечением в хозяйственный оборот большого количества новых земельных массивов.

Таблица дает интересные, на наш взгляд, данные о пустошах. Примечателен огромный средний рост пустошей – в среднем пустоши «выросли» более чем в 6 раз. Конечно, этот рост фиктивен и объясняется он тем, что писцовые книги и Экономические примечания с различной полнотой отразили сведения о пустошах. Если в писцовой книге за единичным топонимом скрывается действительно одна пустошь, то в Экономических примечаниях –целый комплекс пустошей. По сути дела, величина «роста» пустоши – это величина искажения данных о пустошах в Экономических примечаниях. Поэтому у нас появляется возможность примерно определить, насколько часто происходило такое искажение.

Так, в 40 % пустошей был зафиксирован минимальный рост площади угодий или даже ее сокращение. Этот результат выглядит вполне правдоподобно, по-видимому, приписка угодий соседних пустошей в данном случае исключена. С некоторой долей условности сюда можно прибавить пустоши, которые увеличились в 2–3 раза, что даст нам еще 16 % всех пустошей. Таким образом, результаты нашего сопоставления показывают, что в почти половине случаев есть основания сомневаться в точности сведений Экономических примечаний о пустошах, а каждая пятая пустошь представляла собой значительный комплекс пустошей, так как здесь был отмечен «рост» более чем в 6 раз.

Отдельно нами были проанализированы случаи, когда перед нами был, с одной стороны, единичный объект XVII в., а с другой, небольшой комплекс с припущенными безымянными пустошами (село такое-то «с пустошми» или пустошь «с пустошми»). Всего среди соотнесенных оказался 41 объект «с пустошми». По 4 из них не было данных о пашне, так как сами они входили в группы совместно обмежеванных поселений. Осталось 37 объектов: 1 село «с пустошми», 8 селец «с пустошми», 8 деревень «с пустошми» и 19 пустошей «с пустошми». Насколько оправдано прямое соотнесение данных о земельных угодьях в этих случаях?

Наша группа может быть поделена на две примерно равные части по росту общей площади угодий. В первом случае перед нами примеры экстремального роста площади угодий – более чем в 10 раз, а во втором – рост был не столь велик. Чтобы выяснить, насколько реален был такой рост, рассмотрим обе подгруппы объектов «с пустошми».

Экстремальный рост зафиксирован в 6 сельцах, 3 деревнях и 7 пустошах «с пустошми». Но объяснять его нужно, на наш взгляд, с учетом эволюции типа объекта. Есть ряд примеров, когда экстремальный рост площади угодий выглядит более-менее вероятным даже с учетом возможного припуска безымянных пустошей.

Так, сельцо Дорошково в первой трети XVII в. было однодворной деревней. Здесь произошла смена типа поселения, сама по себе свидетельствующая о качественном росте – маленькая деревня стала владельческим центром. Кроме того, гигантский рост площади угодий (в 21 раз) вполне соизмерим с ростом населенности этого

поселения (в 16 раз). Еще одно сельцо в этой группе развилось из деревни, а два других сельца и три деревни – и вовсе из пустошей. Одна из таких деревень в конце XVIII в. насчитывала 40 дворов – неудивительно, что общая площадь угодий возросла здесь, по сравнению с пустошью XVII в., в 32 раза. За исключением одного сельца, все указанные примеры относятся к центральной и северной частям уезда, в которых отмечен наибольший рост поселений. Все это позволяет думать, что перед нами в большей степени примеры исключительного роста самих поселений, чем результат припуска пустошных угодий к этим поселениям. Хотя полностью исключать фактор припуска угодий, конечно, нельзя, и рост этих поселений является не вполне «чистым».

Иное дело экстремальный рост пустошей «с пустошми». Здесь отмечен такой рост площади угодий, по сравнению с первой третью XVII в., который превосходит любой приведенный выше пример по жилым поселениям. Некоторые такие пустоши «выросли» в 45 или 57, а одна из них, если верить буквальному соотношению данных писцовой книги и Экономических примечаний, «выросла» в 126,5 раза, а в абсолютном соотношении – на 710 десятин. В другом случае пустошь «выросла» на 1118 десятин. Конечно, этот фантастический «рост» можно объяснить только огромной разницей в качестве сравниваемых объектов. С одной стороны, перед нами одна пустошь XVII в., а с другой – целый комплекс пустошей, обозначенный одним топонимом и припиской «с пустошми».

Вторая группа поселений и пустошей «с пустошми» характеризуется более умеренным ростом площади угодий – в среднем на 425 %, то есть в 5 раз. В некоторых случаях рост населенности здесь даже превышал рост площади угодий, что означает, что рост таких поселений, в принципе, нельзя объяснить припуском безымянных пустошей. Кроме того, здесь также есть примеры качественного роста поселения – села из деревни и сельца из деревни. Поэтому с определенными оговорками статистический рост площади угодий и этих поселений в большей степени объясняется логикой их собственного развития, чем припуском пустошей. Но пустоши «с пустошми» и в этой группе выросли слишком заметно – в среднем на 200 десятин. Видимо, этот рост также связан с большой до-

лей безымянных пустошей в этом комплексе.

Итак, прямое сопоставление единичных объектов первой трети XVII в. с комплексами типа «поселение с пустошми» или «пустошь с пустошми» дало следующие результаты.

Экстремальный рост объектов отмечен лишь в половине случаев такого сопоставления, что само по себе требует более тщательного рассмотрения таких «микро-комплексов».

Так, для большинства жилых поселений «с пустошми» характерна качественная эволюция: единственное село в этой группе выросло из деревни, из 8 селец три выросли из деревень, 3 – из пустошей, 3 деревни из 8 также выросли на месте пустошей. Характер этой трансформации таков, что она сопоставима с основанием поселения заново. Этим, возможно, и объясняется сам факт припуска пустошей – в качестве резерва угодий – к этим поселениям. Парное сопоставление с объектами первой трети XVII в. в данном случае оправдано, так как позволяет выявить действительную эволюцию поселений.

Результат сопоставления пустоши XVII в. и пустоши «с пустошми» XVIII в. оказался иным. Можно утверждать, что пустошь «с пустошми» в Экономических примечаниях – это, как правило, весьма крупный комплекс пустошей. Ядро этого комплекса, обозначенное топонимом, со статистической точки зрения несоизмеримо с массивом угодий безымянных пустошей, припущенных к нему в ходе межевания. Поэтому сопоставление такого комплекса с отдельной пустошью XVII в. только на основании идентичности топонима действительно лишено смысла: непомерный «рост» таких пустошей – следствие несоизмеримости объектов XVII и XVIII вв.

Итак, несмотря на то, что за понятиями «четь пашни в поле» писцовой книги и «десятина земли под поселением» Экономических примечаний стоят совершенно разные подходы к фиксации земельных угодий, на примере сельских поселений XVII – XVIII вв. нам удалось, на наш взгляд, показать возможность прямого соотнесения данных о земле этих двух источников.

Перейдем к сопоставлению данных о населенности устойчивых сельских поселений в XVII – XVIII вв. Результаты их сопоставления представлены в следующей таблице.

Таблица 32. Рост населенности поселений, обнаруженных и в писцовой книге, и в Экономических примечаниях

	Села		Сельца		Деревни	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
От -0,1 до -100 %	13	16,46	0	0,00	5	5,05
От 0,1 до 100 %	25	31,65	3	8,82	16	16,16
От 100,1 до 200 %	10	12,66	5	14,71	11	11,11
От 200,1 до 300 %	4	5,06	3	8,82	9	9,09
От 300,1 до 500 %	7	8,86	3	8,82	13	13,13
Более 500 %	11	13,92	9	26,47	17	17,17
Рост с нуля	9	11,39	11	32,35	28	28,28
Всего	79	100	34	100	99	100
Средний рост объекта (%)	237		600		385	

В целом данные и этой таблицы показывают, что господствующей была тенденция роста населенности сельских поселений. Однако проявились и очень важные детали этого процесса. Во-первых, выяснилось, что население сельских поселений могло не только расти, но и сокращаться (это произошло с каждым пятым селом в этом районе). Во-вторых, реальный рост конкретных сельских поселений часто был не столь впечатляющ, как можно было бы думать, имея в виду 150-летний временной интервал. Так, население каждого третьего села и каждой пятой деревни за это время даже не удвоилось.

Замедленный рост или даже уменьшение населенности сельских поселений можно объяснить на основе наших источников, прибегнув к корреляционному анализу. В данном случае мы попытались выяснить, как связаны между собой количество ресурсов, которыми располагало поселение в XVII в., и степень роста его населенности к моменту Генерального межевания (исчислена в процентах). Результаты представлены в нижеследующей таблице.

Таблица 33. Влияние хозяйственных показателей первой трети XVII в. на рост поселений к последней четверти XVIII в.

Показатели первой трети XVII в.	Коэффициент корреляции с показателем роста дворности поселения			
	все поселения	села	сельца	деревни
«пашня паханая»	-0,32	-0,38	-0,05	-0,32
все угодья	-0,34	-0,39	-0,13	-0,34
«пашни паханой» на двор	0,51	0,69	0,47	0,47
всех угодий на двор	0,51	0,70	0,42	0,38
всего дворов в поселении	-0,53	-0,62	-0,47	-0,51

Видно, что рост поселения был обусловлен наличием в них земельных резервов: чем больше было угодий на двор в поселении, тем выше коэффициент связи с показателем роста поселения. Таким образом, поселение во многом развивается «из себя», за счет мобилизации резервных угодий. Кроме того, на примере всех анализируемых поселений в целом и особенно на примере сел видно, что чем крупнее было поселение в первой трети XVII в., тем меньше оно выросло за полтора века. Так, была выявлена заметная взаимосвязь между населенностью поселения в 1620-е гг. и показателем его роста за полтора столетия (-0,53). Поскольку связь отрицательная, это значит, что в 28 % случаев чем крупнее было поселение, тем медленнее оно росло. В группе сел эта взаимосвязь была еще сильнее (-0,62, коэффициент детерминации – 40%).

Говоря об этой тенденции к замедленному росту населенности сельских поселений, стоит напомнить выявленный факт достижения устойчивого предела распашки в сельских поселениях Суздальского уезда уже в первой трети XVII в. Здесь вне зависимости от типологической принадлежности (сельцо, починок и т.п.) и статуса собственника (монастырское владение, поместье и т.п.) доля «пашни паханой» стабилизировалась на уровне 50–60 %. Эти результаты показывают правомерность уже упоминавшегося тезиса Б.А. Романова о «пределе вместимости поселения», который в данном регионе был достигнут рано.

3. Вынужденное обновление структуры сельского расселения (Алексинский уезд)

Как было показано выше, система сельских поселений в Алексинском уезде испытала на себе опустошительное воздействие Смутного времени: в первой трети XVII в. пашенное земледелие оставалось здесь на минимальном и неустойчивом уровне. Это резко отличает Алексинский уезд от Суздальского. Последствия кризиса начала XVII в. видны и из сравнения данных Экономических примечаний и писцовой книги. Итак, обратимся к сводным данным таблицы.

Таблица 34. Структура сельского расселения Алексинского уезда в XVII–XVIII вв.

	Села		Сельца		Деревни		Пустоши		Всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Село в первой трети XVII в.	9	13,04	1	0,92	0	0,00	1	0,66	11	2,47
Сельцо в первой трети XVII в.	6	8,70	10	9,17	4	3,45	2	1,32	22	4,94
Деревня в первой трети XVII в.	8	11,59	23	21,10	13	11,21	2	1,32	46	10,34
Пустошь в первой трети XVII в.	11	15,94	27	24,77	20	17,24	47	31,13	105	23,60
Новый объект	35	50,72	48	44,04	79	68,10	99	65,56	261	58,65
Всего	69	100	109	100	116	100	151	100	445	100

Можно выделить несколько примечательных особенностей сельского расселения XVII–XVIII вв. в этом районе.

Так, сразу обращает на себя внимание большое количество новых объектов, не зафиксированных в писцовой книге. Весьма показатель-

но, что группа сел обновилась за полтора века наполовину. Это очень много, если учесть, что село – это наиболее старое и устойчивое поселение, давний экономический и культурный центр округи. Напомним, что в результате кризиса начала XVII в. именно в селах упадок хозяйства был наибольшим. По-видимому, от этого опустошения значительная часть сел так и не оправилась, и к последней четверти XVIII в. они полностью исчезли, так как в Экономических примечаниях они не были зафиксированы даже как пустоши. Конечно, в таких тяжелых условиях менее значимые поселения оказались еще менее живучими. Например, группа деревень обновилась на две трети. Большая часть пустошей последней четверти XVIII в. тоже не восходит к первой трети XVII в. В целом же более половины объектов Экономических примечаний оказались уже новыми.

В отношении поселений, которые просуществовали весь период XVII–XVIII вв., заметна большая подвижность их типологической принадлежности. Так, лишь 10–12 % сел и селец последней четверти XVIII в. и в XVII в. тоже зафиксированы, соответственно, как села и сельца. Несколько чаще село развивалось из сельца или из деревни, а сельцо – из деревни XVII в. (в обоих случаях – 20 % всех поселений этих типов от общего числа по Примечаниям). Если же взять только те села и сельца, которые просуществовали все полтора века, то половина их появилась в результате такого развития поселения. Такая мобильность типа поселения представляется явным следствием упадка старых владельческих центров, их восполнение требовало качественного роста других, более живучих старых поселений.

Другая важная особенность состоит в том, что в формировании новых поселений огромную роль сыграли пустоши XVII в. Так, каждое шестое село, каждое четвертое сельцо и каждая третья деревня последней четверти XVIII в. сформировались на этой территории из пустошей XVII в. Показательно, что на основе пустошей активно формировались даже новые владельческие центры – сельца. В целом же 20 % всех жилых поселений XVIII в. возникли на основе старых пустошей. При этом вклад старых жилых поселений был немногим больше – всего 25 %. Это говорит о вынужденном характере мобилизации пустошей как основы для будущих поселений, свидетельствует о большом истощении ресурсов жилых поселений первой трети XVII в., многие из которых, видимо, уже сами превращались в пустоши.

Таким образом, обновление структуры расселения в XVII–XVIII вв. в этом районе было глубоким и с количественной, и с качественной точки зрения. Показательно, что даже в такой ситуации старая система расселения в Алексинском уезде оказалась способной к некоторой регенерации, что указывает на большой консерватизм и живучесть системы сельского расселения как таковой. Однако в тех условиях оживление хозяйственной активности в этом районе могло наступить только в результате повторного освоения, поэтому та система поселений, которую зафиксировало здесь Генеральное межевание, уже очень слабо соотносилась с ситуацией начала XVII в.

Эти результаты полностью согласуются с известными по литературе данными о демографических процессах в этом регионе. Так, Я.Е. Водарский привел данные, согласно которым даже в конце XVII – начале XVIII вв. Центрально-Черноземный район испытывал определенный демографический голод: здесь был самый высокий естественный прирост, общий прирост населения на треть обеспечивался миграцией, при этом сколько-нибудь значительного оттока населения с этих земель не наблюдалось[216]. В.М. Кабузан пришел к выводу, что темпы прироста населения в Тульской губернии во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. были довольно низкими и находились на уровне хорошо освоенного Центрально-Промышленного района, а отток населения уже несколько превышал приток[217]. Следовательно, писцовая книга и Экономические примечания зафиксировали две полярные ситуации: крайнего запустения и без того слабо освоенной территории, с одной стороны, и определенной хозяйственной стабилизации, бывшей итогом активного полуторавекового освоения – с другой, что и проявилось в радикальном обновлении сети поселений.

Тем не менее наше сопоставление Экономических примечаний и писцовой книги дало определенную коллекцию объектов, существовавших на протяжении XVII–XVIII вв. Напомним, что речь идет примерно о половине сел и селец, а также о трети деревень и пустошей. Представляется интересным рассмотреть, как изменились основные хозяйственные показатели этих объектов. Обратимся сначала к данным об общей площади угодий.

---

[216] *Водарский Я. Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века. С. 150–156.

[217] *Кабузан В.М.* Указ. соч. С. 43.

Таблица 35. Рост общей площади земельных угодий поселений и пустошей, обнаруженных в писцовой книге и в Экономических примечаниях (в процентах)

	Села		Сельца		Деревни		Пустоши		Все объекты в целом	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
От -0,1 до -99,9	0	0,00	5	10,64	5	23,81	15	45,45	25	20,00
От 0,1 до 50	3	12,50	8	17,02	4	19,05	6	18,18	21	16,80
От 50,1 до 100	2	8,33	5	10,64	4	19,05	4	12,12	15	12,00
От 100,1 до 200	4	16,67	10	21,28	3	14,29	5	15,15	22	17,60
От 200,1 до 300	3	12,50	8	17,02	1	4,76	1	3,03	13	10,40
От 300,1 до 400	2	8,33	6	12,77	0	0,00	0	0,00	8	6,40
От 400,1 до 500	3	12,50	1	2,13	1	4,76	0	0,00	5	4,00
Более 500	7	29,17	4	8,51	3	14,29	2	6,06	16	12,80
Всего	24	100	47	100	21	100	33	100	125	100
Средний рост	467,77		243,30		258,42		57,17		239,80	

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

Наибольший рост общей площади угодий отмечен в группе сел – в среднем они увеличились в 4,5 раза, а группировка показывает, что почти каждое третье село выросло более чем в 5 раз. В этой группе нет ни одного примера сокращения общей площади угодий за рассматриваемый период. Такая однозначная картина сильного роста сел объясняется, в первую очередь, низкими исходными показателями первой трети XVII в. Ведь тогда именно села сильнее всего пострадали от разорения. В более благоприятных условиях второй половины XVII–XVIII вв. эти центры структуры расселения смогли заметно укрупниться.

Сельца и деревни выросли значительно менее заметно – в среднем в 2,5 раза. При этом некоторые поселения в этих группах даже сократились в размерах. Группировка показывает, что чаще всего деревня увеличивалась в 1,5–2 раза, а сельцо – в 2–3 раза. Столь заметный отрыв от группы сел по показателям роста можно объяснить двумя причинами. Во-первых, этот рост долго сдерживала ситуация общего кризиса. Во-вторых, этот сравнительно более медленный рост указывает на преодоление нивелирующего воздействия кризиса. Кроме того, выше было показано, что в Алексинском уезде деревни и особенно сельца были довольно крупными поселениями, мало уступая по населенности селам и превосходя суздальские сельца и деревни. В стабильный же период величина поселения приходила в соответствие с типологической иерархией – сельца и тем более деревни вновь оказались значительно меньше сел.

Очень важными представляются данные о росте пустошей. Особенность их в том, что они выглядят весьма правдоподобно. Как уже говорилось, данные о пустошах были зафиксированы в Экономических примечаниях крайне обобщенно, за одним топонимом здесь может скрываться целый комплекс пустошей. Это удалось выяснить при помощи прямого сравнения данных писцовой книги и Экономических примечаний Суздальского уезда. Полученные результаты показали огромный, ничем не оправданный «рост» пустошей, что и позволяет утверждать, что одни и те же топонимы обозначают качественно разные единицы: отдельные пустоши и комплексы. Однако в случае с алексинским материалом дело обстоит иначе. Как видно из таблицы, половина соотнесенных пустошей вообще уменьшилась в размерах, а примерно треть – увеличилась всего в полтора – два раза. Это говорит о том, что данные о пустошах Экономических примечаний Алексинского уезда более точны, здесь меньше вероятность их искажения. Видимо, в отличие от суздальского материала, отдельно обмежеванные пустоши здесь – это действительно отдельные пустоши, а не комплексы, поименованные одним топонимом.

В целом эти выводы подтверждаются и сравнением данных о населении сельских поселений в XVII–XVIII вв. Обратимся к данным таблицы.

Таблица 36. Рост населенности поселений, обнаруженных и в писцовой книге, и в Экономических примечаниях

	Села		Сельца		Деревни		Все объекты в целом	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
От -0,1 до -99,9	0	0,00	0	0,00	3	8,82	3	2,61
От 0,1 до 100	2	6,90	3	5,77	4	11,76	9	7,83
От 100,1 до 200	1	3,45	6	11,54	1	2,94	8	6,96
От 200,1 до 300	2	6,90	7	13,46	0	0,00	9	7,83
От 300,1 до 400	3	10,34	5	9,62	1	2,94	9	7,83
От 400,1 до 500	3	10,34	2	3,85	0	0,00	5	4,35
Более 500	6	20,69	7	13,46	6	17,65	19	16,52
Рост с нуля	12	41,38	22	42,31	19	55,88	53	46,09
Всего	29	100	52	100	34	100	115	100
Средний рост поселения	717,51		317,03		644,97		508,54	

Исходя из данных таблицы можно выделить две характерные закономерности.

Во-первых, четко видно, что и здесь наибольший рост отмечен в группе сел: в среднем они выросли в 8 раз. При этом каждое пятое село выросло в 4–6 раз, а еще каждое пятое – более чем в 6 раз. Это говорит о том, что села активнее наполнялись новым населением, что подтверждает наше предыдущее наблюдение об опережающем росте сел. Конечно, население селец и деревень тоже значительно выросло в процентном отношении, по сравнению с первой третью XVII в. Однако в группах максимального роста (на 300 % и более) доля поселений этих типов была несколько меньше, чем в случае с селами.

Во-вторых, у наибольшего количества поселений всех типов отмечен рост населенности с нуля. Это относится к 40 % сел и селец и

более чем к половине деревень. Конечно, в первую очередь, это объясняется возникновением новых поселений на основе старых пустошей, где не было никакого населения. Однако эти доли во всех трех группах все же превосходят долю поселений, выросших из пустошей. Следовательно, бывало и так, что старое поселение полностью запустело, поэтому, даже когда поселение XVIII в. зафиксировано на месте жилого поселения XVII в., эта ситуация оказывалась вполне сравнимой с основанием нового на месте пустоши.

Отмеченный рост населенности старых поселений хорошо согласуется с общими данными о всех сельских поселениях XVII и XVIII в. в Алексинском уезде в целом.

Таблица 37. Сравнительная группировка поселений Алексинского уезда XVII и XVIII вв. по критерию дворности

	Деревни		Сельца		Села	
	перв. треть XVII в.	посл. четв. XVIII в.	перв. треть XVII в.	посл. четв. XVIII в.	перв. треть XVII в.	посл. четв. XVIII в.
Нет «рабочих дворов»	8,77	0,00	3,85	0,00	4,00	0,00
1 двор	12,28	0,88	9,62	1,68	4,00	0,00
2– 3 двора	28,65	14,91	21,15	1,68	16,00	0,00
4–6 дворов	29,82	20,18	32,69	10,08	28,00	3,23
7–10 дворов	15,20	17,54	26,92	18,49	24,00	4,84
11–15 дворов	4,09	13,16	3,85	15,97	16,00	14,52
16–25 дворов	1,19	23,68	1,92	34,45	8,00	25,81
26–50 дворов	0,00	7,02	0,00	14,29	0,00	43,55
51–100 дворов	0,00	2,63	0,00	3,36	0,00	8,06
Всего	100	100	100	100	100	100
Средний размер поселения (дворов)	4,35	13,10	5,27	17,55	7,64	29,15

Таблица показывает, что типичное поселение этого района существенно выросло. Это особенно видно на примере сел, большая часть которых оказалась теперь в интервале населенности от 26 до 50 дворов – в первой трети XVII в. существование таких сел на этой опустошенной территории было просто исключено. Резко увеличились и размеры селец. Таким образом, рост сохранившихся старых поселений подтверждает общую динамику восстановления системы поселений в Алексинском уезде в XVII–XVIII вв. Следовательно, наша коллекция тех немногих поселений и пустошей, которые нам удалось найти в обоих источниках, вполне репрезентативна.

Итак, подведем основные итоги.

В процессе работы удалось использовать не только соотнесение топонимов по гидрониму, устойчивой владельческой принадлежности, но и по взаимному расположению объектов. Этот метод весьма продуктивен – он дал более 40 % всех топонимических соотнесений.

В Суздальском уезде структура расселения XVII–XVIII вв. отличается высокой преемственностью. Почти четыре пятых всех сел, две трети селец, деревень и пустошей существовали на протяжении всего полуторавекового периода и дают нам сравнительные показатели по обоим источникам. Но и качественное содержание этой структуры расселения было весьма устойчиво: большая часть пустошей, деревень и особенно сел последней четверти XVIII в. принадлежала к тому же типу, что и полтора столетия назад. Следовательно, в основе структуры сельского расселения на территории Суздальского уезда конца XVIII в. лежит тот пласт крестьянской колонизации края, который относится, по крайней мере, к началу XVII в. (хотя наиболее крупные монастырские села этого края известны по источникам уже XV в.). Важно, что и наполнение этой структуры (это, в первую очередь, деревни и пустоши) тоже оказалось весьма стабильным.

Исключение в этой картине общей стабильности структуры расселения составляют только сельца. Возникновение новых селец и их бурный рост говорят о глубоких переменах, произошедших в структуре господского хозяйства в XVII–XVIII вв. в этом районе. Происходит не только количественный, но и качественный рост господских центров.

Устойчивость пустоши в Суздальском уезде особенно показательна – одни и те же пустоши веками постоянно находились в сфере хозяйственной деятельности крестьянства, и лишь в исключительно редких случаях на их месте могли развиться жилые поселения. Очевидно, что пустошь была необходима именно как пустошь, то есть как резерв угодий, и этим объясняется ее крайне медленное и редкое перерастание в жилое поселение.

Несмотря на серьезные различия в принципах описаний XVII–XVIII вв., корреляционный анализ показал правомерность парного соотнесения статистических данных на уровне отдельных поселений. Это позволило выявить в обоих уездах тенденцию укрупнения поселений. Так, в Суздальском уезде поселения в среднем выросли в 3–4 раза, особенно интенсивным был рост деревень и мелких владельческих центров – селец. Замечено, что более крупные села росли медленнее, что говорит о правомерности высказанного Б.А. Романовым предположения о некоем пределе роста земледельческого поселения. Удалось показать, что важным фактором роста поселения была его обеспеченность внутренними резервами земельных угодий еще в первой трети XVII в.

В отношении Алексинского уезда приходится констатировать, что опустошение времен Смуты в большой степени уничтожило те результаты сельской колонизации, которые были достигнуты на этой окраинной для первой трети XVII в. территории. Укрепление и расширение южных границ Российского государства и приток нового населения позволили в значительной степени заново освоить этот пограничный по меркам XVII в. район (примерно 150 км от Москвы). Устойчивая сеть поселений сложилась здесь лишь во второй половине XVII – первой половине XVIII в. Именно об этом свидетельствует отсутствие большей части топонимов последней четверти XVIII в. в писцовой книге. Таковы были последствия сохранявшейся угрозы со стороны крымских татар, усугубленные опустошением периода Смуты.

В этих условиях в формировании новой структуры расселения большую роль сыграла мобилизация старых пустошей. Как мы видели, в Суздальском уезде ситуация была совсем иной: пустоши практически не были основой для формирования новых жилых поселений. Может показаться, что активное вовлечение пустошей в

процесс формирования новых поселений – это признак некоего развития структуры расселения, а отсутствие такого роста означает стагнацию. Но, на самом деле, правильнее говорить не о «развитии», а о долговременных проявлениях тяжелейшего кризиса, после которого устойчивое существование поселений, как и сохранение пустошного резерва угодий, были невозможны.

Рост поселений имел здесь совершенно другую закономерность, чем в Суздальском уезде, что связано, в первую очередь, с последствиями кризиса начала XVII в. Наиболее бурным был рост не деревень, а сел, сильнее других поселений пострадавших в период Смуты. По сути дела, во второй половине XVII – первой половине XVIII в. здесь происходит повторное выстраивание иерархии структуры сельского расселения, в которой села вновь заняли положение доминирующих центров.

k

ГЛАВА IV. ЭВОЛЮЦИЯ СТРУКТУРЫ ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В XVII–XVIII вв.

1. Личное и фамильное землевладение в Суздальском уезде в XVII–XVIII вв.

Сравнительный анализ структур феодальной собственности XVII и XVIII вв. мы решили начать с определения общего количества светских землевладельцев в уезде того и другого периода. При подсчете владельцев по писцовой книге в итоговое число были включены и помещики, и вотчинники. Это количество землевладельцев было рассчитано не по всей территории уезда первой трети XVII в., а лишь применительно к «расширенному району сопоставления», который значительно превосходил территорию Суздальского уезда екатерининского времени. Здесь писцы зафиксировали 354 помещика и вотчинника. Подсчет по Экономическим примечаниям дал 409 владельцев дач последней четверти XVIII в. Таким образом, в пределах Суздальского уезда последней четверти XVIII в. землевладельцев оказалось больше, чем на гораздо более обширной территории «расширенного района сопоставления», то есть рост количества землевладельцев очевиден. Можно ли говорить о том, что этот рост обусловил значительное дробление дворянской земельной собственности в этот период?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы рассчитали показатели землевладения и дворовладения (так как писцовая книга не дает точного количества душ мужского пола), принадлежавшее этим собственникам. Методику этого расчета стоит прояснить, поскольку между писцовой книгой и Экономическими примечаниями есть принципиальные отличия относительно способов фиксации земельной собственности.

Формообразующим элементом писцового описания является, в сущности, персона самого владельца – помещика или вотчинника, которому посвящена писцовая статья. В такой писцовой статье перечислялись все поселения и пустоши, принадлежавшие конкретному владельцу в данном стане. Если же указанные объекты принадлежали ему не целиком и он был лишь их совладельцем, то они и записывались за ним в этой же статье как «треть сельца такого-то», «полдерев-

ни такой-то», «жребий пустоши, что была деревня такая-то», «пустошь такая-то без трети» и т.п., и у каждой такой части было указано количество дворов, «людей» и угодий. Остальные «половины», «трети» и «жребии» со всем их населением и землей аналогичным образом перечислялись уже в статьях по другим совладельцам этих поселений и пустошей. Поэтому в большинстве случаев писцовая книга дает полный набор объектов и хозяйственной статистики, непосредственно относящийся к отдельному владельцу в каждом стане, даже если он не всегда был единоличным собственником. Нам остается лишь суммировать эти данные применительно к каждому собственнику.

Могло быть и так, что писцовая дача не разделялась на «жребии», а вся целиком записывалась на нескольких владельцев, но в нашей писцовой книге они встречаются довольно редко – всего их набралось 45 из 305 владений расширенного района сопоставления, то есть 15 %. В этом случае нам не оставалось ничего другого, как поделить их на равные доли совладения. Думается, что это не слишком сильно исказило общую картину, так как, в 85 % случаев мы можем получить непосредственные статистические данные источника.

Иначе обстоит дело с Экономическими примечаниями. Структурной единицей этого источника является поселение или группа неразмежеванных поселений, составлявших дачу. В Экономических примечаниях указано, сколько было в такой даче дворов, ревизских душ, угодий и дан список владельцев этой дачи. Отличие от писцовой книги состоит в том, что мы не знаем, какая часть поселения или пустоши принадлежала каждому из совладельцев – задача такого тщательного размежевания больше не ставилась. А это значит, что непосредственную статистическую информацию по землевладению или дворовладению, относящуюся к конкретному владельцу, мы можем получить лишь в тех случаях, когда вся дача принадлежала ему одному, в остальных случаях – а таких большинство – это в принципе невозможно.

Нам не остается ничего другого, как вновь прибегнуть к расчету средних пропорций совладения, то есть, как и в случае с писцовыми совладениями, мы моделируем ситуацию, при которой, к примеру, все пять совладельцев некой деревни владели по одной пятой ее крестьян и земли. Затем рассчитанные таким образом доли суммируются по владельцам на уровне уезда. Конечно, этот метод дает огрубленные

показатели, ведь на самом деле внутри каждой дачи эти доли могли быть неравными, а значит, и наши итоговые суммы по владельцам тоже оказываются приблизительными. Однако другого пути получения хотя бы приблизительных данных о фамильной собственности по Экономическим примечаниям просто нет.

Обратимся к данным таблиц, в которых сопоставлены сведения о светском землевладении и дворовладении в XVII–XVIII вв.

Таблица 38. Структура личного землевладения в Суздальском уезде в XVII–XVIII вв.

	Владельцы первой трети XVII в.		Владельцы последней четверти XVIII в. (в среднем)	
	абс.	%	абс.	%
До 100 дес.	93	26,27	153	37,41
100,1–200 дес.	87	24,58	76	18,58
200,1–300 дес.	76	21,47	52	12,71
300,1–500 дес.	54	15,25	48	11,74
500,1–1000 дес.	37	10,45	52	12,71
Более 1000 дес.	7	1,98	28	6,84
Всего	354	100	409	100
В среднем (дес.)	257,38		342,78	

Таблица дает представление о типичном размере светского владения на территории Суздальского уезда в первой трети XVII в. и в последней четверти XVIII в. Судя по средним показателям, светское землевладение эволюционировало в сторону увеличения – среднее владение выросло на 40 %. Но группировка в целом показывает, что этот рост средних величин обманчив и не отражает реальную динамику перемен в структуре личного землевладения. Из таблицы видно, что на самом деле здесь шел процесс постепенной поляризации внутри прослойки землевладельцев. Так, за XVII–XVIII вв., с одной стороны, в полтора раза выросла доля мелкого землевладения (теперь

более трети владельцев располагали в среднем менее чем 100 дес. земли), а с другой стороны, гораздо чаще стали встречаться крупные владения в 1000 дес. и более. При этом средний слой землевладельцев по нашей группировке (от 100 до 500 дес.) заметно сжался: если в первой трети XVII в. она охватывала почти три четверти всех землевладельцев, то спустя полтора века – чуть более 40 %. В целом же в первой трети XVII в. структура землевладения была более сбалансированной. Но нарастающая диспропорция еще не вполне уничтожила контуры старой структуры личного землевладения.

Обратимся к данным по дворовладению.

Таблица 39. Структура личного дворовладения в Суздальском уезде в XVII–XVIII вв.

	Владельцы первой трети XVII в.		Владельцы последней четверти XVIII в.	
	абс.	%	абс.	%
Нет дворов	105	29,66	140	34,23
1 двор	32	9,04	7	1,71
2–5 дворов	100	28,25	107	26,16
6–10 дворов	62	17,51	65	15,89
11–20 дворов	32	9,04	45	11,00
21–30 дворов	10	2,82	16	3,91
31–50 дворов	9	2,54	13	3,18
51–100 дворов	3	0,85	11	2,69
Более 100 дворов	1	0,28	5	1,22
Всего	354	100	409	100
В среднем	6,54		10,24	

Показательно, что в XVII–XVIII вв. в структуре личного дворовладения принципиальных изменений фактически не было: отклонения от писцовых процентных долей через полтора века составляли 2–4 % или даже меньше. Единственное исключение составила группа владельцев, имевших 1 двор, – доля таких мелких

собственников снизилась с 9 до 1,7 %. Причем характерно то, что группы крупных дворовладельцев (более 20 дворов) хотя и незначительно, но все же увеличились. Увеличение же группы владельцев, у которых в Суздальском уезде вообще не было крестьян, оказалось незначительным, в сущности, доля таких «бездворных» суздальских помещиков в этот период была постоянной, и какой-то тенденции к «обездвориванию» нет. Все это показывает, что концентрация рабочей силы в XVII–XVIII вв. шла медленнее, чем земли.

Теперь обратимся к сопоставлению фамильных списков владельцев XVII–XVIII вв. За его исходную точку мы взяли материал XVIII в., то есть фамильный состав владельцев по Экономическим примечаниям, который затем сопоставляли с составом помещиков и вотчинников по писцовой книге. Из 225 фамилий, обнаруженных в Экономических примечаниях, в «расширенном районе сопоставления» были найдены 52, то есть 23 %. Соответственно, 77 % владельческих фамилий были новыми по отношению к первой трети XVII в. Таким образом, первый наш вывод состоит в том, что за полтора столетия произошло кардинальное изменение фамильного состава владельцев. Наиболее живучие старые владельческие фамилии, хотя и заметны в общем массиве XVIII в., но все же составляют меньшинство.

Добавим, что в писцовой книге были найдены 14 фамилий Экономических примечаний, владения которых в XVII в. целиком находились за пределами нашего «расширенного района сопоставления» (станы Стародуб-Ряполовский, Матня, Демин). Это значит, что на территорию Суздальского уезда екатерининского времени представители этих фамилий пришли уже после писцового описания, во второй половине XVII – первой половине XVIII в. В сравнительный анализ включать их нельзя, основная часть принадлежавших им в последней четверти XVIII в. земель относились уже к Шуйскому, Ковровскому и Нерехотскому уездам, а не к Суздальскому. Однако само по себе наличие таких соответствий интересно. Оно указывает на то, что устойчивая фамилия со временем могла расширить свои владения за счет приобретения земель, расположенных весьма далеко от исходного владельческого «ядра».

Что представляла собой собственность устойчивых владельческих фамилий? Ответ на этот вопрос дают две следующие таблицы.

Обратимся сначала к данным по фамильному дворовладению.

Таблица 40. Дворовладение устойчивых фамилий XVII–XVIII вв. и общая структура дворовладения

	Все фамилии перв. трети XVII в.	Устойчивые фамилии в перв. трети XVII в.	Все фамилии посл. четв. XVIII в.	Устойчивые фамилии в посл. четв. XVIII в.
	%	%	%	%
Нет дворов	20,90	13,46	22,67	15,38
1 двор	4,52	1,92	1,33	0,00
2–5 дворов	25,42	13,46	24,44	9,62
6–10 дворов	21,47	21,15	17,33	25,00
11–20 дворов	10,17	17,31	13,33	17,31
21–30 дворов	6,21	9,62	6,67	9,62
31–50 дворов	6,21	13,46	4,89	3,85
51–100 дворов	3,95	7,69	4,89	11,54
Более 100 дворов	1,13	1,92	4,44	7,69
Всего	100	100	100	100
В среднем дворов	13,08	21,29	18,62	27,93

С точки зрения дворовладения устойчивые фамилии представляли практически все слои собственников. Причем пропорционально они распределялись в некотором соответствии с общей структурой фамильного дворовладения за весь период. Конечно, среди устойчивых фамилий в первой трети XVII в. чаще встречались богатые владельческие рода. Так, среди устойчивых фамилий треть составили владельцы более чем 20 дворов, а в общей группировке по первой трети XVII в. их было лишь 10 %. Тем не менее каждая седьмая устойчивая фамилия в первой трети XVII в. вообще не имела крестьян в Суздальском уезде, а каждая третья владела менее чем 10 дворами. Несколько иная картина представлена в группировке по землевладению.

Таблица 41. Землевладение устойчивых фамилий XVII–XVIII вв. и общая структура землевладения

	Все фамилии перв. трети XVII в.	Устойчивые фамилии в перв. трети XVII в.	Все фамилии посл. четв. XVIII в.	Устойчивые фамилии в посл. четв. XVIII в. (в среднем)
	%	%	%	%
До 100 дес.	13,56	3,85	24,44	15,38
100,1–200 дес.	16,95	5,77	15,56	9,62
200,1–300 дес.	20,34	9,62	13,33	13,46
300,1–500 дес.	15,82	13,46	13,33	15,38
500,1–1000 дес.	19,77	36,54	16,89	17,31
1000,1–2000 дес.	10,73	21,15	10,22	9,62
Более 2000 дес.	2,82	9,62	6,22	19,23
Всего	100	100	100	100
В среднем (дес.)	514,75	921,23	623	974,22

Совершенно очевидно, что только наличие больших земельных ресурсов могло способствовать длительному существованию владельческого рода. Так, две трети устойчивых фамилий владели в первой трети XVII в. более чем 500 дес. четвертной земли, а малоземельных фамилий среди них почти не было. При этом в XVIII в. по расчетным показателям землевладения устойчивая фамилия мало отличается от новых фамилий, то есть древность того или иного рода не обуславливала его принадлежность к слою крупных собственников к концу XVIII в.

Наши источники позволяют выяснить, как менялось благосостояние наиболее устойчивых владельческих родов на протяжении полутора столетий. Для этого мы сопоставили статистические показатели, относящиеся к этим выявленным устойчивым фамилиям. Для анализа суммировались данные по всем сопоставимым показа-

телям наших кадастров, то есть по количеству дворов, площади пашни, покосов, леса и общей площади земельных угодий (без «неудобий») – в расчете на отдельную фамилию. Наиболее значимыми здесь являются данные о дворах, пашне и всей удобной земле. Приведем сначала отдельные примеры полученных результатов.

Таблица 42. Отдельные примеры изменения экономического положения владельческих фамилий в XVII–XVIII вв.

Владельч. фамилия	Всего земли в перв. трети XVII в.	Всего дворов в перв. трети XVII в.	Всего земли в посл. четв. XVIII в.	Всего дворов в посл. четв. XVIII в.	Рост дворвл-я		Рост землевл-я	
					абс.	%	абс.	%
Кашинцовы	248,31	0	3674,74	73,96	73,96	Рост с нуля	3426,44	1380
Несвицкие	292,04	17	3256,14	181,25	164,25	966	2964,10	1015
Бутурлины	1415,87	30	3010,21	53,25	23,25	78	1594,34	113
Молвяниновы	2763,18	119	2901,24	140,43	21,43	18	138,06	5
Лодыгины	547,43	10	21,37	0,00	-10,00	-100	-526,06	-96
Плещеевы	1409,46	75	159,68	9,00	-66,00	-88	-1249,78	-89

Уже эти отдельные примеры показывают, что направления изменений в экономическом положении владельческой фамилии XVII–XVIII вв. могли быть самыми различными. В таблице есть примеры огромного роста землевладения и дворовладения фамилии за полтора века (Кашинцовы, Несвицкие), более умеренного роста (Бутурлины), неподвижного, стабильного экономического положения рода (Молвяниновы) и его полного экономического упадка (Лодыгины и Плещеевы).

Теперь приведем обобщенные данные по дворовладению выделенных нами устойчивых родов за XVII–XVIII вв.

Таблица 43. Сводные данные о динамке дворовладения фамилий XVII–XVIII вв.

Показатели динамики дворовладения	Владельческих фамилий	
	абс.	%
Полностью утратили зависимое население	3	5,77
Уменьшение от -50,1 до 99 %	18	34,62
Уменьшение от -0,1 до -50 %	6	11,54
Рост от 0,1 до 100 %	4	7,69
Рост от 100,1 до 300 %	5	9,62
Рост от 300,1 до 500 %	5	9,62
Рост более 500 %	3	5,77
Рост с нуля	3	5,77
Нет дворов в обоих случаях	4	7,69
Количество дворов не изменилось	1	1,92
Всего	52	100,00

Общий смысл проявившейся закономерности состоит в том, что тенденция упадка дворовладения устойчивых фамилий превосходила тенденцию роста, правда, незначительно: у 50 % фамилий количество «рабочих дворов» за полтора века сократилось, а у 40 % – возросло. Каждая третья фамилия потеряла более половины рабочей силы. При этом с точки зрения роста дворовладения фамилии распределялись довольно равномерно. Стоит учесть, что для этого уезда в XVII–XVIII вв. типичным был рост населенности сельского поселения в 3–4 раза, следовательно, расширение фамильного дворовладения в большинстве выявленных случаев не было связано с концентрацией собственности. Процесс накопления крепостной рабочей силы был медленным и сглаженным, существенно не превышая этот естественный прирост.

Интересно сопоставить эти наблюдения с обобщенной картиной изменений в землевладении устойчивых владельческих родов.

Таблица 44. Сводные данные о динамике землевладения фамилий XVII–XVIII вв.

Показатели динамики землевладения	Владельческих фамилий	
	абс.	%
Уменьшение от -75,1 до -99,9 %	12	23,08
Уменьшение от -50,1 до -75 %	12	23,08
Уменьшение от -0,1 до -50 %	10	19,23
Рост от 0,1 до 100 %	7	13,46
Рост от 100,1 до 200 %	5	9,62
Рост от 200,1 до 400 %	3	5,77
Рост более 400 %	3	5,77
Всего	52	100,00

Применительно к землевладению, как видим, тенденция упадка охватила уже явно большую часть владельческих фамилий, чем тенденция роста: соотношение здесь составило примерно 60 % на 40 %. Напомним, что речь идет о наиболее устойчивых владельческих родах, выдержавших испытание «на прочность» в течение полутора веков. И даже в этой «группе сильнейших» фамильное землевладение неумолимо таяло: почти каждая четвертая такая фамилия растеряла за это время три четверти своей земли. Причем, как и в случае с дворовладением, рост земельной собственности был, как правило, небольшой, в большинстве случаев он даже уступал среднему росту площади угодий сельского поселения за этот период.

Если провести сравнение динамики фамильного дворовладения и землевладения по нашим таблицам, то результаты будут в пользу дворовладения: людские ресурсы несколько медленнее дробились и несколько быстрее наращивались. Это вполне соответствует известному изменению критерия оценки благосостояния помещика в XVII–XVIII вв.: из землевладельца он превращался в

душевладельца. Как показано в разделе об источниках, писцовая книга не дает нам данных о населении, сопоставимых с ревизскими. Но сопоставление наших источников и на уровне количества дворов по предложенной методике позволяет убедительно подтвердить эту принципиальную закономерность.

Дополнительные сведения о характере изменений в структуре хозяйственных ресурсов владельческого рода дает корреляционный анализ. В данном случае нас интересовала связь между исходным положением рода (писцовые данные), итоговым положением (данные Экономических примечаний) и показателями динамики (абсолютный рост). Для корреляции мы взяли основные показатели благосостояния устойчивых фамилий: общая площадь удобной земли, площадь пашни и количество дворов.

Таблица 45. Взаимосвязь изменений экономического положения владельческих фамилий в XVII–XVIII вв. и хозяйственных показателей

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Пашни в перв. трети XVII в.	1								
2. Всего земли в перв. трети XVII в.	0,86	1							
3. Всего дворов в перв. трети XVII в.	0,89	0,80	1						
4. Пашни в посл. четв. XVIII в.	0,34	0,37	0,37	1					
5. Всего земли в посл. четв. XVIII в.	0,23	0,37	0,25	0,92	1				
6. Всего дворов в посл. четв. XVIII в.	0,22	0,20	0,30	0,92	0,79	1			
7. Рост пашни (абс.)	*-0,20*	*-0,10*	*-0,11*	**0,85**	**0,83**	**0,84**	1		
8. Рост всех угодий (абс.)	*-0,26*	*-0,19*	*-0,20*	**0,76**	**0,84**	**0,72**	0,94	1	
9. Рост кол-ва дворов (абс.)	*-0,31*	*-0,28*	*-0,30*	**0,70**	**0,64**	**0,82**	0,90	0,84	1

Сначала обратим внимание на сильную взаимосвязь между изменениями количества дворов и количеством всей земли (0,84) и особенно пашни (0,90). Это значит, что чем больше росло (сокращалось) количество дворов зависимого населения, тем заметнее развивалось (деградировало) землевладение владельческой фамилии и ее пашенное хозяйство. Эта теснейшая связь между земельными и демографическим показателями богатства фамилии кажется очевидной. Но для нас важно еще и то, что эта очевидная взаимосвязь проступила в результате взаимодействия наших разнородных статистических данных: непосредственных сведений писцовой книги и расчетных долевых показателей Экономических примечаний. Если бы наш расчет по фамилиям последней четверти XVIII в., сделанный на основе «уравнительных» средних величин, слишком сильно исказил произошедшие изменения, то статистическое взаимодействие с непосредственными данными писцовой книги не было бы столь тесным. Результаты указывают на правомерность методов расчета и соотнесения наших показателей.

Другой интересный, на наш взгляд, вывод вытекает из характера взаимосвязи между показателями крайних точек сравнения (данные писцовой книги и Примечаний) – с одной стороны, и показателями динамики – с другой. Так, видно, что показатели динамики за XVII–XVIII вв. очень тесно связаны с данными Экономических примечаний (см. группу коэффициентов, выделенную жирным шрифтом). А вот на писцовые данные они практически не реагируют (см. группу коэффициентов, выделенную курсивом). Как можно это объяснить?

Сильная связь между показателями динамики состоятельности фамилии за XVII–XVIII вв. и ее итоговым положением на конец XVIII в. означает, что этот итоговый уровень благосостояния напрямую зависел от характера перемен по сравнению с уровнем первой трети XVII в.: чем сильнее выросло количество крестьянских дворов, принадлежавших фамилии, за полтора века, тем больше их приходилось на нее в последней четверти XVIII в. (0,82). Аналогичным образом итоговое количество земли зависело от темпов роста землевладения фамилии в XVII–XVIII вв. (0,84), а количество пашни – от темпов роста запашки (0,85). Весьма

показателен и высокий «перекрестный» коэффициент взаимосвязи между полуторавековым ростом количества зависимого населения и итоговой площадью распашки (0,70). Таким образом, богатство или бедность устойчивых владельческих фамилий со всей очевидностью выводятся из тех перемен, которые произошли с их собственностью за полтора века. Но вот сами эти перемены, по-видимому, совершенно не определялись исходным уровнем – экономическим положением рода в первой трети XVII в.

Именно об этом говорит низкий коэффициент корреляции между начальным количеством дворов и его дальнейшим ростом (-0,30). Совсем ничтожны показатели взаимосвязи между начальным количеством земли и последовавшим расширением землевладения (-0,19), а также между исходной площадью распашки и ее ростом (-0,20). Не говоря уже о том, что рост пашенных угодий никак не зависел от начального количества крестьянских дворов, принадлежавших фамилии (-0,11). Это значит, что исходный уровень богатства или бедности владельческого рода никак не влиял на его перспективы в относительно спокойный период от второй трети XVII в. до последней четверти XVIII в. даже в таком благополучном районе, как Суздальский уезд. Это тем более показательно, что речь идет о наиболее живучих фамилиях, не исчезнувших, в отличие от большинства других, за эти полтора столетия.

Показательно и полное отсутствие взаимосвязей между начальным уровнем благосостояния фамилии в первой трети XVII в. и в последней четверти XVIII в. Коэффициент корреляции между количеством фамильной пашни в XVII и XVIII вв. составил 0,34, а коэффициент корреляции между количеством «рабочих дворов» в XVII и XVIII вв. равен всего 0,22. Причем эти низкие коэффициенты нельзя, на наш взгляд, объяснять только большим хронологическим разбросом или разнородностью данных: как мы видели, сильная корреляция между показателями писцовой книги и Примечаний в принципе возможна. Это подтвердил корреляционный анализ данных XVII–XVIII вв. по сельским поселениям: большая часть полученных коэффициентов оказалась в пределах существенной связи. Следовательно, не качество соотносимых данных является причиной низких коэффициентов, а сама ситуация непредсказуемости судеб дворянских фамилий в долгосрочной перспективе.

2. «Владельческий комплекс» как основной элемент пространственной организации землевладения в XVII–XVIII вв.

Как видим, преемственность владельческих фамилий была невысокая: подавляющее большинство фамилий владельцев конца XVIII в. невозможно обнаружить в писцовых книгах. Но саму структуру землевладения этот результат характеризует лишь косвенно, так как пока что мы говорили об устойчивости владельческих фамилий, а не самих владений. Гораздо важнее вычленить эти владения, зафиксированные в обоих источниках, и выяснить, есть ли между ними взаимное соответствие. Именно так мы можем определить устойчивость структуры землевладения XVII–XVIII вв.

Как мы показали в параграфе о способах соотнесения топонимов, нумерация дач в Экономических примечаниях Суздальского уезда является хорошим индикатором близости взаимного расположения поселений: чем ближе друг к другу номера дач, тем меньше могло быть расстояние между поселениями, которые входили в эти дачи. Это обстоятельство позволило нам соотносить не только топонимы, но и группы топонимов XVII–XVIII вв. При этом критерием образования такой группы по Экономическим примечаниям была теснота порядковой нумерации дач, а по писцовому материалу – принадлежность объектов одной владельческой фамилии или монастырю. Подчеркнем, что для максимальной полноты охвата в таком сопоставлении фигурировали все представители фамилии и все их дачи – как поместные, так и вотчинные. В результате соотнесения таких двух групп мы получаем как бы пространственный эквивалент писцовой дачи. Сектор пересечения, с одной стороны, списка писцовых владельцев, а с другой – близких по номерам дач как раз и образует владельческий комплекс XVII–XVIII вв. В пользу такого метода говорит и то обстоятельство, что нам удалось найти большую часть топонимов Экономических примечаний в писцовой книге.

Такое соотнесение было возможно потому, что мы тщательно зафиксировали, кому в первой трети XVII в. принадлежали объекты Экономических примечаний, найденные в писцовой книге. В результате стало возможным сгруппировать все такие объекты конца XVIII в. по их владельцам первой трети XVII в. При этом обнаружилось, что при такой группировке объекты Экономических примечаний

выстраиваются не хаотично, а, напротив, довольно последовательно. В качестве примера приведем начальный фрагмент из общей массы соотнесенных таким образом объектов XVII–XVIII вв. Суздальского уезда.

Таблица 46. Дачи Экономических примечаний, сгруппированные по фамилиям владельцев первой трети XVII в.

Фамилия владельца по писц. кн.	№ дачи по Эконом. прим.	Тип объекта	Название объекта
Айгустовы	775	пустошь	Образова
Айгустовы	782	пустошь	Тюндикова
Айгустовы	787	пустошь «с пустошми»	Крюкова
Айгустовы	789	деревня	Семьинова
Басовы	512	пустошь	Максимцова
Басовы	513	пустошь	Тупикова
Басовы	522	пустошь	Лесная
Басовы	542	две пустоши	Сосновик и Малая Репнова
Басовы	543	село	Тейково
Басовы	544	пустошь	Посникова
Болдыревы	560	пустошь	Никифорцова
Болдыревы	561	пустошь «с пустошми»	Елники
Болдыревы	562	пустошь	Векшина
Болдыревы	565	пустошь	Горки
Болотниковы	473	сельцо с пустошью	Гридино и Резаново
Болотниковы	474	две пустоши	Иванова/Агафонова и Андрейково/Агафоново
Болотниковы	475	пустошь	Ярденева/Ядрева
Болотниковы	481	пустошь	Золомиха
Болотниковы	483	пустошь	Власиха
Болотниковы	528	пустошь	Стромова
Болотниковы	531	пустошь	Дрезгун

Если присмотреться к расположению номеров дач, приведенных в таблице, то можно заметить, что фамильный список владельцев первой трети XVII в. обусловил их группировку по довольно хорошо различимым «кустам». В рамках этих «кустов» разница между соседними номерами дачи всегда меньше 10, а часто номера вообще идут друг за другом по порядку. Это однозначно указывает на тесное территориальное взаиморасположение дач и дает основание считать такую группу самостоятельным комплексом. Тем более, что и структура такой группы объектов часто указывает на это.

Так, найденные в Примечаниях бывшие владения Айгустовых (Ангустовых) образуют комплекс вокруг деревни Семьиновой, к которой относятся две пустоши и пустошь «с пустошми». Перед нами, таким образом, жилое поселение, обеспеченное резервом угодий в пустошах. Писцовые владения Басовых дают в Примечаниях два близлежащих комплекса. Первый представляет собой небольшую группу пустошей (первые три объекта Басовых в таблице), а второй – крупное село Тейково, бывшее в XVII в. центром большого стана, с тремя пустошами. Писцовые владения Болдыревых проявились в Примечаниях в виде солидного «куста» пустошей. Бывшие владения Болотниковых, обнаруженные в Экономических примечаниях, довольно четко распадаются на два неравных комплекса: первый (основной) представлял собой сельцо с набором пустошей, а второй («периферийный») – всего лишь пару пустошей.

Очевидно, что выделенные таким образом группы объектов Экономических примечаний – это рудименты писцовых владений, зафиксированные и в последней четверти XVIII в. К сожалению, при реконструкции писцовых дач на материале Экономических примечаний мы, в принципе, не можем вычислить, какая часть бывшего писцового владения попала в такой «куст», и, следовательно, определить степень устойчивости писцовой дачи как комплекса. Ведь многие мелкие починки, пустоши и пожни за полтора века могли как действительно исчезнуть, так и просто не упоминаться в Экономических примечаниях. Но мы полагаем, что территориальные комплексы последней четверти XVIII в. (то есть выявленные по таблице «кусты» дач) достаточно репрезентативны

по отношению к писцовым владениям уже потому, что в целом по уезду большинство поселений и пустошей Экономических примечаний были найдены в писцовой книге. Поэтому, как и в других случаях, мы идем от материала XVIII в. к писцовым сведениям. В результате можно обнаружить соответствие группы поселений и пустошей последней четверти XVIII в. когда-то существовавшему писцовому владению, а уже на основе этого выявленного соответствия делать предположения о степени устойчивости структур землевладения.

Количество и тип объектов в таком владельческом комплексе могли быть самыми различными. Это могла быть группа пустошей вокруг деревни или группа деревень (13 % комплексов), часто даже группа пустошей (от 2 до 8, в среднем 3–4 пустоши, 35 %). Но, как правило, они представляли собой группу деревень и пустошей вокруг села (35 %) или сельца (17 %), то есть самодостаточную микроструктуру с господским центром. Важно и то, что все они представляли собой не отдельные поселения или пустоши, а именно группы, и «цементирующим» элементом в такой группе оказывается ее владельческая принадлежность полуторавековой давности. Таким образом, мы получаем адекватную наши задачам структурную единицу анализа эволюции землевладения в XVII–XVIII вв.

Нами было обнаружено, что не все объекты Экономических примечаний, найденные и в писцовой книге, группируются по номерам дач Примечаний в территориальные комплексы. Это можно объяснить двумя причинами. Во-первых, владельческие тяготения первой трети XVII в. могли и исчезнуть вместе с поселениями и пустошами или значительно ослабеть. Во-вторых, и в первой трети XVII в. некоторые дачи могли и не быть территориально компактными, а значит, они и не составляли целостный комплекс. Приведем примеры из нашего материала по Суздальскому уезду, характеризующие разрозненные объекты наших источников.

Эти примеры резко отличаются от рассмотренных выше: наш материал позволяет утверждать, что при таком разбросе порядковых номеров дач нельзя говорить о владельческих комплексах. Перед нами лишь разрозненные, сильно удаленные друг от друга объекты, когда-то принадлежавшие одному и тому же владельческому роду.

Таблица 47. Разрозненные дачи Экономических примечаний, не образующие устойчивый владельческий комплекс

Фамилия владельца по писц. кн.	№ Дачи по Эконом. прим.	Тип объекта	Название объекта
Бегуновы	554	пустошь	Пищалка
Бегуновы	628	пустошь	Гаврилова
Бегуновы	857	две пустоши	Иванова и Носкова
Молчановы	48	село	Черниж
Молчановы	108	пустошь	Саулиха
Редриковы	114	сельцо	Гридино
Редриковы	405	пустошь	Домосытова
Сеченые	75	село	Менчаково
Сеченые	221	пустошь	Личищева

Особенно показательны последние три пары дач – бывшие владения Молчановых, Редриковых и Сеченых. С точки зрения внутренней структуры эти группы объектов здесь примерно такие же, что и в предыдущей таблице, то есть представляют собой комбинацию «жилое поселение плюс пустошь». Причем жилое поселение в данном случае было именно крупным владельческим центром – селом или сельцом. Но порядковые номера внутри такой комбинации указывают на то, что данные объекты не только не были соседними, а располагались в разных частях уезда. Следовательно, в этих случаях владельческие комплексы, если они когда-то и были, распались или сжались до отдельных объектов. Подобное же рассеивание нумерации внутри владельческой группы, хотя и не всегда столь значительное, видно и в других примерах второй таблицы.

Таким образом, сохранившиеся в Экономических примечаниях объекты писцового описания могли группироваться в соответствии с прежними владельческими тяготениями, но могли и не составлять целостных комплексов. Конечно, важно выяснить, какова была доля тех и других, какой вариант был типичен. Итак, какое количество соотнесенных поселений и пустошей оставались частью таких

комплексов? Поскольку сначала важно дать ответ на этот принципиальный вопрос, мы учитывали поселения и пустоши как светских, так и духовных землевладельцев. Результаты такого поиска могут быть представлены в таблице.

Таблица 48. Доля устойчивых объектов, входивших в состав комплексов, и отдельных объектов, не образовывавших комплексы

Типы объектов	В рамках комплексов		Разрозненные	
	абс.	%	абс.	%
Села	67	81,71	15	18,29
Сельца	25	83,33	5	16,67
Деревни	111	90,98	11	9,02
Пустоши	223	81,39	51	18,61
Всего	426	83,86	82	16,14

Как видно из таблицы, подавляющее большинство объектов Экономических примечаний группируются в соответствии с владельческой принадлежностью по писцовой книге. Это позволяет нам сделать ряд выводов.

Во-первых, такая пропорция сама по себе указывает на значительную компактность землевладения на данной территории уже в первой трети XVII в. Этот вывод хорошо согласуется с преобладанием церковного, княжеско-боярского и чиновного землевладения на территории уезда в обширных границах XVII в., особенно на юге – в ополье. Но и в северной части территории уезда, также представленной в Экономических примечаниях, где не было преобладания привилегированных землевладельцев, компактность дач была, по-видимому, весьма высокой.

Во-вторых, сами владельческие комплексы обладали чрезвычайной устойчивостью, раз их контуры отчетливо просматриваются в новом земельном кадастре и спустя полтора столетия. Перед нами не просто отдельные показательные примеры, а наиболее распространенный, типичный вариант длительного существования поселений и пустошей именно как комплексов. Следовательно, сила хозяйственных тяготений между ними была весьма велика.

В-третьих, полученный результат важен и в методическом плане. Если в писцовых комплексах оказалась большая часть объектов XVII–XVIII вв., то это означает, что и постановка такой задачи, и метод ее решения вполне оправданы. Кроме того, наша коллекция «комплексных» дач охватывает почти все парные соответствия XVII–XVIII вв. и, следовательно, большую часть материала Экономических примечаний в целом, так как выше мы показали, что доля поселений и пустошей XVIII в., найденных в писцовой книге, составляла от двух третей до 80 % ко всем объектам Экономических примечаний. Поэтому мы вновь получаем возможность говорить о тенденциях, характерных не для отдельных поселений или их групп, а для всей территории уезда (в границах после 1775 г.) в целом.

Итак, был вычленен массив владельческих комплексов, в котором оказалось более 80 % парных объектов XVII–XVIII вв., сюда входят поселения и пустоши как светских, так и духовных владельцев. Но пока что мы говорили только о владельцах объектов внутри комплексов по писцовой книге, а применительно к последней четверти XVIII в. речь шла только об их близком взаиморасположении. Можно ли говорить, что эти поселения и пустоши составляли владельческие (а не только территориальные) комплексы и через полтора века? Есть ли здесь преемственность с точки зрения владения? Как соотносятся составы собственников комплексов первой трети XVII в. и последней четверти XVIII в.? Ведь если мы обнаружим, что выделенные нами комплексы оставались едиными с точки зрения владения и в последней четверти XVIII в., то это и будет означать устойчивость структуры землевладения в целом. В противном случае нужно признать, что преемственности между структурами владения нет, так как старые владельческие тяготения между поселениями уступили место совершенно новым, никак не обусловленным ситуацией землевладения, зафиксированной писцовой книгой.

Чтобы определить, какой вариант был наиболее характерен для найденных нами поселений и пустошей XVII–XVIII вв., необходимо обратиться к составу владельцев выделенных комплексов уже по Экономическим примечаниям и сопоставить их со списком владельцев по писцовой книге.

Легче всего обстоит дело с комплексами духовных землевладельцев, представленных Спасо-Евфимьевым, Покров-

ским, Рождественским монастырями, Троице-Сергиевой лаврой и архиепископом Суздальским. Все эти владения отличались феноменальной устойчивостью: из 43 монастырских и архиепископских сел, 30 деревень и 8 упомянутых пустошей, найденных и в писцовой книге, и в Экономических примечаниях, только одна пустошь вышла за пределы духовного землевладения, оказавшись в совладении у нескольких помещиков. Другой пример более крупной перегруппировки монастырского землевладения еще более показателен. На севере уезда была обнаружена бывшая вотчина Спасо-Евфимьева монастыря – село Святиково и три деревни. Практически вся она (село и две деревни из трех) была найдена и в писцовой книге, но тогда она целиком принадлежала не Спасо-Евфимьеву, а Симонову монастырю. Таким образом, даже единичный пример перехода монастырской вотчины от одного владельца к другому указывает на единство монастырского владения как комплекса – новый монастырь поглотил его полностью. Остальные монастырские и архиепископские вотчины на протяжении полутора веков оставались за прежними владельцами, целиком оказавшись после 1764 г. в собственности Коллегии Экономии.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что духовные вотчины отличались огромной устойчивостью: и в последней четверти XVIII в. они почти полностью сохранились как целостные комплексы за прежними владельцами, не испытав серьезной перегруппировки или тем более распада. Следовательно, дальнейший анализ будет касаться проблемы устойчивости уже только светского фамильного землевладения, историческая судьба которого была, конечно, более сложной, чем у духовных вотчин.

Первое, что сразу можно было заметить при сопоставлении фамильных списков владельцев XVII–XVIII вв., – это очень слабое присутствие владельцев первой трети XVII в. среди владельцев по Экономическим примечаниям: они вообще не были обнаружены примерно в 80 % комплексов. Таким образом, в большинстве случаев никакой фамильной преемственности в составе владельцев комплексов не прослеживается. Следовательно, выделенные нами группы объектов принадлежали в основном новым владельцам. Означает ли это, что выделенные нами группы объектов были некими комплексами только в первой трети XVII в., которые затем распались?

Для ответа на эти вопросы необходимо проанализировать фамильный состав новых владельцев. Приведем фрагмент все той же нашей общей группировки объектов XVII–XVIII вв., на основе которой мы и пытаемся найти ответ.

Таблица 49. Фамильный состав владельческих комплексов первой трети XVII в. по Экономическим примечаниям

№ Дачи	Тип	Название объекта	Фамилия владельца по писц. кн.	Владелец по Экономич. прим.		
				Имя	Отчество	Фамилия
775	пустошь	Образова	Айгустовы	Петр	Васильев	Несвицкий
782	пустошь	Тюндикова	Айгустовы	Николай	Михайлов	Несвицкий
787	пустошь «с пустошми»	Крюкова	Айгустовы	Петр	Васильев	Несвицкий
789	деревня	Семьинова	Айгустовы	Петр	Никитин	Кречитников
789	–	–	Айгустовы	Петр	Васильев	Несвицкий
512	пустошь	Максимцова	Басовы	Петр	Алексеев	Татищев
513	пустошь	Тупикова	Басовы	Петр	Алексеев	Татищев
522	пустошь	Лесная	Басовы	Петр	Алексеев	Татищев
542	две пустоши	Сосновик и Малая Репнова	Басовы	Петр	Алексеев	Татищев
544	пустошь	Посникова	Басовы	Петр	Алексеев	Татищев
534	пустошь	Паулина	Блеклые	Ульяна	Иванова	Быкова
534	–	–	Блеклые	Петр	Семенов	Секерин
534	–	–	Блеклые	Александра	Иванова	Толстова
534	–	–	Блеклые	Устинья	Яковлева	Шимановская
534	–	–	Блеклые	Илья	Федоров	Шубинский
536	пустошь	Тимонова	Блеклые	Николай	Сергеев	Бутурлин
536	–	Тимонова	Блеклые	Авдотья	Лукьянова	Копылова
536	–	Тимонова	Блеклые	Устинья	Яковлева	Шимановская
552	две пустоши	Запруднова и Кузнечиха	Блеклые	Ульяна	Лукьянова	Быкова
552	–	–	Блеклые	Марья	Егорова	Мякишева
552	–	–	Блеклые	Петр	Алексеев	Татищев

В приведенных примерах нет ни одного поселения или пустоши, которыми бы в последней четверти XVIII в. владели представители тех же фамилий, что и в первой трети XVII в. В этом смысле указанные объекты типичны. Но это совсем не значит, что фамильный список их владельцев по Экономическим примечаниям случаен. Напротив, мы видим, что среди владельцев выделенных нами комплексов встречаются представители новых, но зачастую одних и тех же фамилий. Например, выделенный нами комплекс, относящийся к бывшим владениям Айгустовых, целиком перешел к Несвицким – Петру Васильеву и Николаю Михайлову. Бывшие владения Басовых, найденные в Экономических примечаниях, целиком оказались в собственности Петра Алексеева Татищева.

Но вовсе необязательно, что смена владельцев всегда означала такой «чистый» переход комплекса от одной фамилии к другой, новой. К примеру, совладельцем одной из пустошей из бывших владений Айгустовых оказался, наряду с Несвицкими, Петр Никитин Кречитников. Пример с бывшими владениями Блеклых показывает, что фамильный состав новых владельцев мог быть еще более неоднородным. Разными пустошами из этого комплекса владели Быкова, Секерин, Толстова, Шимановская, Шубинский, Бутурлин, Копылова, Мякишева, Татищев. Всего здесь встречаются представители девяти фамилий, из них только две упоминаются дважды применительно к нескольким пустошам – Быкова и Шимановская.

Знакомство со всем материалом в целом позволило сделать предположение, что выделенные нами комплексы часто распределяются по фамильной принадлежности и между новыми владельцами. Но это распределение может быть и полным, когда представители той или иной фамилии оказывались во всех объектах комплекса, и частичным, когда им принадлежали лишь некоторые из них. Преобладание того или иного варианта имеет, на наш взгляд, принципиальное значение для оценки устойчивости структуры землевладения. В сущности, фамильная однородность в составе новых владельцев выделенных нами групп поселений и пустошей и означает устойчивость этих групп именно как владельческих комплексов. Поэтому важно выяснить, насколько часто встреча-

ются представители одной фамилии среди новых владельцев поселений и пустошей, входивших в комплексы?

Ответ на этот существенный вопрос требует особого подхода к материалу. Ведь речь идет о почти 80 комплексах, в которые входили сотни объектов, а владели ими представители около 200 фамилий. Поэтому разбор столь многочисленных конкретных примеров в итоге мало что сможет прояснить.

Необходимо некое обобщенное количественное выражение дробности владения комплексом. Эту единицу можно условно назвать «полнотой охвата комплекса».

Полнота охвата комплекса той или иной фамилией подсчитывалась следующим образом. Сначала мы зафиксировали наличие представителей этой фамилии среди владельцев поселений или пустошей, составлявших конкретный комплекс. Затем подсчитывалось количество объектов данного комплекса, принадлежавших фамилии в целом. При этом неважно, сколько представителей того или иного рода владели конкретным объектом: любое их количество указывает только на то, что данный объект принадлежал этому роду – полностью или в форме совладения с другими родами. Затем мы рассчитали количество поселений или пустошей в комплексе. Это позволило вычислить процент поселений или пустошей каждого комплекса, принадлежавших данной владельческой фамилии (целиком или в совладении). Этот процент и есть выражение полноты охвата комплекса данной фамилией.

Поясним этот принцип на конкретных примерах, взятых из нашей общей таблицы сопоставления материалов двух кадастров.

Рассмотрим приведенные примеры по порядку.

1). В бывших владениях Айгустовых представлены две владельческие фамилии: Несвицкие и Кречитниковы. Всего в этом комплексе было найдено четыре объекта – деревня и три пустоши. Несвицкие упомянуты во всех объектах, следовательно, полнота охвата равна 100%. Кречитников упомянут только как совладелец одной деревни, значит, полнота охвата применительно к этой фамилии составляет лишь 25%

Таблица 50. Примеры для расчета полноты охвата

№	Тип	Название
775	пустошь	Образова
782	пустошь	Тюндикова
787	пустошь «с пустошми»	Крюкова
789	деревня	Семъинова
789	деревня	Семъинова
533	сельцо, деревня и пустошь	Репнево; Лемешки; Синцово
533	сельцо, деревня и пустошь	Репнево; Лемешки; Синцово
533	сельцо, деревня и пустошь	Репнево; Лемешки; Синцово
533	сельцо, деревня и пустошь	Репнево; Лемешки; Синцово
533	сельцо, деревня и пустошь	Репнево; Лемешки; Синцово
533	сельцо, деревня и пустошь	Репнево; Лемешки; Синцово
533	сельцо, деревня и пустошь	Репнево; Лемешки; Синцово
535	деревня	Горки
784	пустошь	Пукасцова
784	пустошь	Пукасцова
786	две пустоши	Мухина и Белина
786	две пустоши	Мухина и Белина
786	две пустоши	Мухина и Белина
788	пустошь	Колесница
788	пустошь	Колесница
445	село и пять деревень	Пырьевки; Карязинова, Зернова, Сунова, Хиртива, Харина
445	село и пять деревень	Пырьевки; Карязинова, Зернова, Сунова, Хиртива, Харина

комплекса владельческой фамилией

Владельцы по писц. кн.	Владельцы по Эконом. прим.		
	Имя	Отчество	Фамилия
Айгустовы	Петр	Васильев	Несвицкий
Айгустовы	Николай	Михайлов	Несвицкий
Айгустовы	Петр	Васильев	Несвицкий
Айгустовы	Петр	Никитин	Кречитников
Айгустовы	Петр	Васильев	Несвицкий
Шапиловы и Колычевы	Илья	Алексеев	Лихарев
Шапиловы и Колычевы	Николай	Ильин	Лихарев
Шапиловы и Колычевы	Александр	Ильин	Лихарев
Шапиловы и Колычевы	Катерина	Ильина	Лихарева
Шапиловы и Колычевы	Варвара	Ильина	Лихарева
Шапиловы и Колычевы	Анна	Ильина	Лихарева
Шапиловы и Колычевы	Авдотья	Ильина	Лихарева
Шапиловы и Колычевы	Александра	Иванова	Толстова
Нестеровы	Настасья	Кириллова	Несвицкая
Нестеровы	Петр	Васильев	Несвицкий
Нестеровы	Аграфена	Алексеева	Побединская
Нестеровы	Федора	Алексеева	Токмачева
Нестеровы	Елизавета	Алексеева	Цвиленева
Нестеровы	Настасья	Кириллова	Несвицкая
Нестеровы	Петр	Васильев	Несвицкий
Пожарские	Сергей	Андреев	Григорьев
Пожарские	Катерина	Федорова	Шадлорская

2). Бывшие совместные владения Шапиловых и Колычевых образовали комплекс из сельца, двух деревень и пустоши. Несколько представителей Лихаревых были совладельцами сельца, деревни и пустоши, то есть трех объектов из четырех. Значит, полнота охвата комплекса данной фамилией составляет 75 %. Четвертый объект – деревня Горки – был в единоличном владении Александры Ивановой Толстой. Следовательно, полнота охвата для этой фамилии равна 25 %.

3). Четыре пустоши образуют комплекс, относящийся к бывшим владениям Нестеровых, и этим комплексом владели представители нескольких фамилий. Несвицкие зафиксированы и как владельцы двух пустошей (полнота охвата 50 %). Побединская, Токмачева и Цвиленева – совладельцы двух других (совместно обмежеванных) пустошей (полнота охвата также равна 50 %).

4). Наконец, в последнем примере мы имеем дело с неразмежеванным комплексом на основе бывших владений Пожарских. В этот комплекс входили село и пять деревень. Весь этот комплекс в целом на правах совладения принадлежал двум владельцам – Григорьеву и Шадлорской. Это значит, что представители этих двух фамилий были совладельцами каждого из шести указанных здесь поселений, и, следовательно, обе фамилии охватили комплекс на 100 %.

Наша единица довольно специфична. Она, например, не выражает долевое участие фамилии в совладении с экономической точки зрения: подчеркнем, что цифры 50 или 100 % в данном случае никак не означают, что тому или иному роду принадлежали 50 или 100 % земли или крестьян в рассматриваемом комплексе. Наши 100 % указывают на то, что этот владельческий род «внедрил» своих представителей во все объекты старого комплекса, или (если это фамилия прежних владельцев), наоборот, все их смог удержать за собой. А ведь именно тогда и можно утверждать, что комплекс первой трети XVII в. не распался, а продолжал оставаться единым хозяйственным организмом, целостным объектом владельческой политики даже после полной смены владельца.

Таким образом, оценка устойчивости владельческих комплексов, а следовательно, и структуры фамильного землевладения в целом, зависит от того, как велика была доля тех писцовых владений, где владельческие фамилии (старые или новые) охватывали все поселения и пустоши, входившие в их состав. Но объекты в пределах одного комплекса, как мы видели, могли принадлежать нескольким фамилиям, которые в

различной степени были совладельцами комплекса в целом. Как же определить полноту охвата владельцами такого комплекса в целом?

Чтобы получить такую обобщенную характеристику, мы решили использовать среднее значение полноты охвата для всех владельческих фамилий в пределах данного комплекса. Если комплекс целиком принадлежал одному или нескольким владельческим родам (как в последнем примере), то средняя полнота охвата составляла 100 %, что означает, что владельческий комплекс ни в какой мере не распался. Если же комплексом владели несколько родов, то итоговая средняя величина зависела от доли в совладении каждого из них.

Так, в первом примере средняя полнота охвата комплекса составляла 75 %, во втором – 50 %, в третьем – тоже 50 %. Эти цифры являются условным выражением степени устойчивости владельческого комплекса. Результаты нашего подсчета сведены в таблицу.

Таблица 51. Определение устойчивости владельческих комплексов по средней полноте охвата владельческими фамилиями

Средняя полнота охвата комплекса владельческими фамилиями	Владельческих комплексов	
	абс.	%
от 0 до 25 %	7	8,97
от 25,1 до 50 %	30	38,46
от 50,1 до 75 %	18	23,08
от 75,1 до 100 %	23	29,49
средняя частота равна 100 %	20	25,64
средняя полнота охвата по всем комплексам в целом (%)	60,83	

Из таблицы следует, что средняя полнота охвата комплекса владельческими фамилиями могла быть самой различной. Следовательно, устойчивость комплексов первой трети XVII в. со временем снижалась. Но даже и через полтора века четверть из них целиком принадлежала каким-либо фамилиям, то есть группы объектов в полной мере являлись прежним владельческим комплексом. При этом доля уже практически полностью распавшихся

комплексов, в которых владельческие фамилии удерживали минимальную долю объектов, была весьма невелика – менее 10 %. Остальные две трети выделенных нами комплексов находились в различных стадиях дробления между совладельцами. Этот результат указывает на постепенный (учитывая большую величину периода сопоставления), но неуклонный процесс изменения структуры землевладения. Кроме того, он полностью подтверждает правомерность нашей методики анализа структуры землевладения: принцип вычисления полноты охвата комплексов владельческими фамилиями позволяет оценить ее устойчивость.

Данный вывод был подтверждении картографически. Использование карт открывает большие возможности для анализа владельческих комплексов и характера произошедших с ними изменений. Для примера мы решили взять крупный комплекс, принадлежавший в XVII в. представителям рода Побединских. Он включал в себя с. Рождественское, деревни Березники, Марьино, Нестерово, Теляково, Костянкино, пустоши Сошкино, Липное, Панюшино Большое, Дубровка, Михайловская, Пашилово, Ключное, Бережек, Тиминов, Ноздрицыно и Зиновьино (См. карту 3 в приложении).

На момент межевания Побединские (в совладении с разнофамильными помещиками) владели лишь частью этого былого комплекса: с. Рождественское, деревни Телякова и Марьино, пустоши Липное, Дубровка, Михайловское, Тиминов, Ноздрицыно (См. карту 4 в приложении). Означает ли это, что комплекс распался? Анализ владельческих «тяготений», зафиксированных межеванием применительно к этому участку, позволяет утверждать, что комплекс был близок к распаду на две части.

Первая в значительной мере повторяет контуры владений Побединских XVIII в.: это владения Токмачева и Цвилиневой, центром которых было с. Рождественское (См. карты 4 и 5 в приложении). Вторая часть этого комплекса образована владениями Ошаниных, Самсоновых и Мельгуновых вокруг деревень Костянкино и Березники (См. карты 7 и 8 в приложении). В связи с этим особое значение приобретают те связи между объектами комплекса, которые представлены во владении Алалыкина. Это единственный совладелец комплекса Побединских, который представлен и в первой группе, связанной с совладением села Рождественского, и во второй, связанной с деревней

Костянкиной (См. карту 1 в приложении). Владения А.И. Алалыкина – это как бы мост между двумя вполне оформившимися, но еще «не оторвавшимися» друг от друга частями этого крупного комплекса, который, даже в ситуации столь сложного разнофамильного совладения, оставался единым целым и спустя полтора столетия. Таким образом, метод картографирования позволяет более точно и наглядно показать преемственность пространственной структуры дворянского землевладения в районе ополья в XVII–XVIII вв.

3. Личное и фамильное землевладение в Алексинском уезде в XVII–XVIII вв.

Анализ структуры собственности в Алексинском уезде мы производили в том же порядке и по тем же принципам, что и применительно к Суздальскому уезду. Сначала остановимся на собственности отдельных владельцев XVII–XVIII вв. В писцовой книге содержатся данные по 306 владельцам, в Экономических примечаниях – по 550. Данные по их землевладению сгруппированы в следующей таблице.

Таблица 52. Структура землевладения в Алексинском уезде в XVII–XVIII вв.

	Владельцы перв. трети XVII в.		Владельцы посл. четв. XVIII в. (в среднем)	
	абс.	%	абс.	%
До 100 дес.	69	22,55	281	51,09
100,1–200 дес.	84	27,45	81	14,73
200,1–300 дес.	59	19,28	51	9,27
300,1–500 дес.	53	17,32	50	9,09
500,1–1000 дес.	33	10,78	52	9,45
1000,1–2000 дес.	8	2,61	27	4,91
Более 2000 дес.	0	0,00	8	1,45
Всего	306	100	550	100
В среднем (дес.)	271,54		268,30	

Из данных таблицы абсолютно очевидно, что в Алексинском уезде в XVII–XVIII вв. шло разорение землевладельцев: доля мелких помещиков выросла более чем в 2 раза и составила теперь более половины всех владельцев. Видно, что это произошло за счет обеднения среднего слоя землевладельцев: доли всех групп владельцев в интервале от 100 до 500 десятин сократились в 2 раза. Однако в уезде продолжали оставаться крупные собственники, на которых в среднем приходилось по 1000 и более десятин, их число даже возросло, особенно в абсолютном соотношении. Таким образом, поляризация личного землевладения в Алексинском уезде зашла гораздо дальше, чем в Суздальском, существенно деформировав общую структуру землевладения за полтора века.

Обратимся к данным по дворовладению.

Таблица 53. Структура дворовладения в Алексинском уезде в XVII–XVIII вв.

	Владельцы перв. трети XVII в.		Владельцы посл. четв. XVIII в.	
	абс.	%	абс.	%
Нет дворов	90	29,41	112	20,36
1 двор	42	13,73	109	19,82
2–5 дворов	123	40,20	136	24,73
6–10 дворов	36	11,76	65	11,82
11–20 дворов	12	3,92	45	8,18
21–30 дворов	3	0,98	38	6,91
31–50 дворов	0	0,00	22	4,00
51–100 дворов	0	0,00	19	3,45
Более 100 дворов	0	0,00	4	0,73
Всего	306	100	550	100
В среднем	3,19		9,66	

Видно, что в отношении дворовладения преобладали совсем иные тенденции, чем в землевладении: здесь не было упадка, напротив, по сравнению с периодом кризиса начала XVII в., общая струк-

тура дворовладения за полтора века заметно оздоровилась. Так, несколько сократилась доля владельцев, не имевших крестьян, а также доли мелких дворовладельцев (2–5 дворов). При этом заметно выросли доли более крупных дворовладельцев: каждый шестой помещик имел теперь более чем 20 крестьянских дворов, а в первой трети XVII в. такие собственники составляли всего 1 %. Этот рост личного дворовладения указывает на гораздо большую восполнимость и устойчивость ресурсов рабочей силы, чем земельной собственности.

Перейдем к вопросу об устойчивости феодальной собственности в Алексинском уезде. Его можно рассматривать только на основе прямого сопоставления статистических данных по фамилиям, поскольку, как было показано выше, большая часть поселений и пустошей последней четверти XVIII в. уже не восходит к первой трети XVII в. Следовательно, отпадает возможность проанализировать устойчивость владельческих комплексов, как это было сделано на суздальском материале: ведь с исчезновением многих поселений и пустошей они просто распались. Кроме того, в первой трети XVII в. землевладение здесь было гораздо более мелким, часто дача вообще состояла из одного–двух жребиев пустошей или из одного поселения.

Как и в случае с суздальским материалом, в сравнении фамильных списков владельцев мы шли от Экономических примечаний к писцовой книге. Затем начался поиск фамильных соответствий в писцовой книге. Всего было найдено 45 устойчивых фамилий, или 16 % от общего числа. Напомним, что в Суздальском уезде старые фамилии составили все же несколько больше – 24 % от общего числа по Примечаниям. Хотя и этот результат говорит о почти полном обновлении состава владельцев, на фоне алексинского материала он указывает на более устойчивый характер фамильной собственности в благополучных, по сравнению с Алексинским уездом, экономических условиях.

Итак, в Алексинском уезде лишь каждая шестая владельческая фамилия последней четверти XVIII в. обладала собственностью и в первой трети XVII в., новые фамилии составили 84 %. Что представляли собой эти старые фамилии в общей структуре фамильной собственности?

Таблица 54. Устойчивые фамилии и общая структура землевладения в XVII–XVIII вв. в Алексинском уезде

	Все фамилии в перв. трети XVII в.	Устойчивые фамилии в перв. трети XVII в.	Все фамилии в посл. четв. XVIII в. (в среднем)	Устойчивые фамилии в посл. четв. XVIII в. (в среднем)
	%	%	%	%
До 100 дес.	15,71	6,67	32,13	13,33
100,1–200 дес.	21,43	13,33	15,88	15,56
200,1–300 дес.	14,29	6,67	10,11	11,11
300,1–500 дес.	15,00	8,89	12,64	4,44
500,1–1000 дес.	17,14	28,89	13,72	24,44
1000,1–2000 дес.	10,00	20,00	10,11	20,00
Более 2000 дес.	6,43	15,56	5,42	11,11
Всего	100	100,00	100	100
В среднем (дес.)	593,51	1032,91	526,99	995,27

Таблица показывает, что среди устойчивых фамилий преобладали крупные земельные собственники. Так, в XVII в. две трети из них владели более 500 дес. четвертной пашни (в целом по уезду такие фамилии насчитывали только треть), а 36 % – более 1000 дес. четвертной земли (в целом по уезду такие фамилии составляли 17 %). В XVIII в. эти устойчивые фамилии, как правило, также выделялись на фоне других величиной земельной собственности: треть из них владела более 1000 дес. земли (в целом по уезду такие фамилии составляли 16 %). Эти выводы полностью подтверждаются и суздальским материалом. Перейдем к вопросу о сравнительном дворовладении устойчивых фамилий Алексинского уезда.

Таблица 55. Устойчивые фамилии и общая структура фамильного дворовладения в Алексинском уезде в XVII–XVIII вв.

	Все фамилии в перв. трети XVII в.	Устойчивые фамилии в перв. трети XVII в.	Все фамилии в посл. четв. XVIII в.	Устойчивые фамилии в посл. четв. XVIII в.
	%	%	%	%
Нет дворов	21,43	6,67	12,27	4,44
1 двор	8,57	4,44	11,91	6,67
2–5 дворов	37,14	37,78	25,63	24,44
6–10 дворов	12,86	15,56	11,19	4,44
11–20 дворов	12,86	22,22	13,36	17,78
21–30 дворов	2,14	2,22	9,03	11,11
31–50 дворов	3,57	6,67	5,78	11,11
51–100 дворов	1,43	4,44	5,78	8,89
Более 100 дворов	0,00	0,00	5,05	11,11
Всего	100	100	100	100
В среднем дворов	6,99	11,60	13,08	32,83

Из таблицы видно, что абсолютно «безкрестьянные» фамилии Алексинского уезда в длительной перспективе были обречены, но в целом в отношении дворовладения состав устойчивых фамилий был более смешанным, здесь заметнее доля среднего слоя дворовладельцев. Так, две трети устойчивых фамилий в первой трети XVII в. имели менее 10 дворов, крупных собственников среди них было столь же мало, сколько и в целом уезде. Эти же

различия между объемом землевладения и дворовладения мы уже видели и по Суздальскому уезду, и они подтверждают наш вывод о том, что для обеспечения длительного существования требовалась большая концентрация именно земельных ресурсов. В то же время даже сравнительно небольшое количество рабочей силы, в принципе, могло быть достаточным условием устойчивости фамилии.

Рассмотрим динамику изменений в объеме собственности устойчивых фамилий. Все расчеты были произведены точно так же, как и применительно к суздальскому материалу, поскольку полученные результаты показали их правомерность. Сначала обратимся к данным о дворовладении.

Таблица 56. Сводные данные о динамке дворовладения фамилий XVII–XVIII вв.

Показатели динамики дворовладения	Владельческих фамилий	
	абс.	%
Полностью утратили зависимое население	2	4,44
Уменьшение от -50,1 до -99,9 %	11	24,44
Уменьшение от -0,1 до -50 %	4	8,89
Рост от 0,1 до 100 %	6	13,33
Рост от 100,1 до 300 %	6	13,33
Рост от 300,1 до 500 %	2	4,44
Рост более 500 %	11	24,44
Рост с нуля	3	6,67
Нет дворов в обоих случаях	0	0,00
Количество дворов не изменилось	0	0,00
Всего	45	100

Из таблицы 56 видно что тенденция роста дворовладения охватила большую часть старых фамилий владельцев – почти две трети, что заметно больше, чем в Суздальском уезде. Означает ли это, что здесь фамильное дворовладение развивалось интенсивнее? На самом деле эти высокие проценты объясняются низким исходными данными в период кризиса начала XVII в. Из таблицы видно, что рост числа дворов отмечен у 28 фамилий из 47. Но из этих 28 у 15 фамилий в первой трети XVII в. в собственности было менее 10 дворов, а чаще всего – 2–3. Уже простое преодоление этой крайне скудной обеспеченности рабочими руками может выглядеть как значительный рост, отсюда и высокая доля фамилий с максимальным ростом дворовладения (более чем на 500 %). Такой рост отмечен здесь у почти 25 % старых фамилий. Напомним, что в Суздальском уезде такие примеры составили менее 6 % от общего числа устойчивых фамилий. Этот факт восстановления людских ресурсов у большей части старых фамилий весьма важен. Он говорит о том, что именно обеспеченность рабочими руками была главным условием устойчивости владельческого рода. Это особенно четко видно на фоне динамики фамильного землевладения в XVII–XVIII вв., представленной в следующей таблице.

Таблица 57. Сводные данные о динамике землевладения фамилий XVII–XVIII вв.

Показатели динамики землевладения	Владельческих фамилий	
	абс.	%
Уменьшение от -75,1 до -99,9 %	12	26,70
Уменьшение от -50,1 до -75 %	5	11,11
Уменьшение от -0,1 до -50 %	10	22,20
Рост от 0,1 до 100 %	8	17,78
Рост от 100,1 до 200 %	0	0,00
Рост от 200,1 до 400 %	4	8,89
Рост более 400 %	6	13,11
Всего	45	100

Перемены в фамильном землевладении были абсолютно иными, чем те, что мы видели в отношении дворовладения: здесь явно преобладала тенденция упадка. Из таблицы видно, что у двух третей старых фамилий наблюдается сокращение землевладения в уезде, причем четверть от их общего числа приближалась к полной утрате здесь своих позиций. Показательно, что эти результаты полностью соответствуют тому, что мы видели на примере Суздальского уезда. По всей вероятности, необратимый процесс распада фамильного землевладения с одинаковой силой проявлялся и в благополучном Суздальском, и в разоренном Алексинском уездах.

Итак, сформулируем основные выводы.

Нам представляется, что при анализе устойчивости феодальной собственности за длительный период правомерно выделять три уровня: уездная структура распределения земли и рабочей силы, владельческая фамилия и владельческий комплекс. В случае с суздальским материалом возможны обработка материала по всем трем направлениям, а в случае с алексинским – только по первым двум. При анализе перемен в структуре фамильной собственности мы, как правило, были вынуждены сравнивать непосредственный статистический материал писцовой книги с усредненными расчетными показателями на основе данных Экономических примечаний. Однако дальнейший анализ показал, что неизбежное при таком подходе огрубление картины фамильного распределения экономических ресурсов в XVIII в. не затемняет важнейшие тенденции в экономическом положении владельческих фамилий.

Можно с уверенностью говорить о том, что ведущей тенденцией в феодальном землевладении в этот период было его дробление. Даже с учетом довольно относительной территориальной сопоставимости наших данных можно сказать, что количество собственников – и отдельных владельцев, и владельческих родов – существенно выросло в обоих уездах. Добавим, что в пользу этого вывода говорит и распространение совладений в обоих уездах. Так, в XVII в. в Суздальском уезде совладения составляли около 15 %, причем в подавляющем большинстве случаев это были либо совместные владения братьев, либо вдовы с детьми. В последней четверти XVIII в. в совладении здесь находилось уже около 60 % населенных и ненаселенных дворянских дач, принадлежавших в среднем 4 владельцам, в большинстве случаев – не родственникам. В таких дачах на момент межевания оказалось более половины помещи-

чьих крестьян и около 60 % помещичьих земель. С еще большей очевидностью этот процесс проявился в Алексинском уезде, где в первой четверти XVII в. в совладении находилось чуть менее 10 % дач (и тоже практически все делились между родственниками), а по Экономическим примечаниям – 67 %. Таким образом, неродственное совладение становится к последней четверти XVIII в. массовой и преобладающей формой дворянского землевладения в Центральной России.

Существенные перемены произошли и в структуре распределения экономических ресурсов. Так, за полтора века вдвое выросла доля мелких земельных собственников как в Суздальском, так и в Алексинском уездах. При этом происходило сокращение удельного веса среднего слоя землевладельцев, а доля крупных и сверхкрупных земельных собственников заметно возросла. Эта диспропорция структуры землевладения особенно далеко зашла в Алексинском уезде. Отметим, что в историографии существуют разные мнения по вопросу о процессах концентрации дворянской земельной собственности в XVII–XVIII вв. и подходы к рассмотрению этого вопроса. Например, Б.Н. Миронов привел расчеты коэффициента концентрации («индекса Джинни») дворянского землевладения, величина которого мало менялась применительно к периоду с конца XVII до середины XIX в., варьируясь в диапазоне от 0,67 до 0,75 без какой-то четкой тенденции к росту или снижению[218]. Из этих показателей можно сделать вывод о том, что каких-либо кардинальных изменений в структуре распределения дворянской собственности в данный период не произошло. Иной точки зрения придерживался А.А. Преображенский, который, опираясь на подсчеты Я.Е. Водарского и других историков, полагал, что процесс накопления подавляющей части собственности в руках ничтожной части дворян носил в XVII–XIX вв. необратимый характер[219].

Итоги анализа нашего материала позволяют предположить, что процесс концентрации собственности в XVII–XVIII вв. все же шел, однако его темпы были различны применительно к разным видам экономических ресурсов. Сравнительные данные по обоим уездам

---

[218] *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правого государства. СПб., 2000. Т. 2. С. 82.

[219] *Преображенский А.А.* Указ. соч. С. 56.

показывают, что ресурсы рабочей силы медленнее мельчали и быстрее наращивались, чем земельные. Особенно четко это различие проявилось в Алексинском уезде.

Сопоставление состава владельцев за XVII и XVIII вв. применительно к обоим уездам показало его практически полное обновление: старые владельческие фамилии составили 16 % в Алексинском и 24 % в Суздальском уездах. Это существенно меньше, чем удается найти при сопоставлении источников XV–XVI вв. Так, согласно результатам анализа материалов новгородских пятин, из 460 фамилий, указанных в переписных книгах 1646 г., более половины (256) упомянуты в писцовых книгах 1580-х гг. Причем эти старые фамилии XVI в. в середине XVII столетия контролировали более 80 % дач. А из 425 фамилий, зафиксированных в переписных книгах 1678 г., в писцовых книгах 1580-х гг. оказалось даже больше – две трети (275 фамилий). Парадоксальное увеличение доли старых фамилий убедительно объясняется авторами тем, что ряд фамилий, утративших свои владения в годы Смуты, смогли вернуть их в течение второй половины XVII в.[220]. Применительно же к центральным уездам в период XVII–XVIII вв., видимо, невозможно говорить не только о восстановлении дворянскими фамилиями утраченных позиций, но даже о сохранении имевшихся.

Среди наиболее устойчивых фамилий чаще встречались крупные земельные собственники, в отношении дворовладения их состав был несколько более пестрым, что говорит о том, что людские ресурсы были более надежной основой длительного существования фамилии, чем земля. Даже в этой группе наиболее крепких фамильных собственников процесс упадка землевладения был неумолим: в обоих уездах он поставил четверть устойчивых фамилий на грань полной утраты своих владений. Хотя в целом трансформация собственности устойчивых фамилий носила сложный характер – тенденции упадка и роста порой оказывались равносильными, а в отношении дворовладения рост преобладал.

Корреляционный анализ взаимосвязей между показателями экономического положения фамилий в XVII–XVIII вв. показал, что утрата рабочих рук с неизбежностью вела и к забрасыванию пашни, и к сокращению общего количества земли, принадлежавшей фамилии. Кроме того, выяснилось, что экономическое положение устойчивого рода на

[220] *Воробьев В.М., Дегтярев А.Я.* Указ. соч. С. 126–127.

конец XVIII в. напрямую зависело от характера перемен, произошедших с собственностью фамилии в XVII–XVIII вв. Однако сами эти перемены и их результат к последней четверти XVIII в. нисколько не зависели от уровня благосостояния фамилии в начальной точке сравнения – первой трети XVII в. Можно утверждать, что длительное существование фамильной собственности в XVII–XVIII вв. было явлением исключительным, и даже в тех случаях, когда она выдерживала испытание временем, это не было связано с исходным экономическим положением рода. По-видимому, такие факторы, как удачный брак, открывшаяся возможность роста по службе, пожалование или конфискация земель, имели в долгосрочной перспективе куда большее значение для судеб провинциального дворянского рода, чем собственное благосостояние. Эти выводы можно сопоставить с результатами немногих пока исследований дворянского землевладения в XVIII в., основанных на сплошной обработке крупных массивов статистических данных.

Например, С.В. Черников в своем исследовании убедительно показал, что период дворцовых переворотов открыл новые возможности для «худородного» дворянства. По его подсчетам, в Центральном Черноземье «к 1762 г. из 140 фамилий, владевших более чем по 1 тысяче душ м.п., 97 относилось в XVII в. к среднему и низшему слою провинциальных дворян»[221]. При этом автор подчеркивает, что в целом позиции княжеских фамилий и верхушки старомосковского дворянства не были подорваны проникновением «новой аристократии» и провинциальных родов в число крупных собственников, по-прежнему составлявших «своеобразное консолидирующее ядро господствующего сословия»[222]. Вывод о высокой устойчивости привилегированного вотчинного землевладения в первой четверти XVIII в. содержится и в новейшем крупном исследовании О.А. Шватченко[223]. Представляется, что наши наблюдения позволяют дополнить данные этих исследователей в том смысле, что за пределами узкого слоя элиты – в среде собственно провинциального дворянства – шел неумолимый процесс упадка и последующего исчезновения фамилий.

---

[221] *Черников С.В.* Указ. соч. С. 157.

[222] Там же. С. 158.

[223] *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины России в эпоху Петра I. М., 2002.

Соотнесение топонимов Экономических примечаний и писцовой книги Суздальского уезда показало возможности вычленения целых групп объектов XVII–XVIII вв., которые объединены общей владельческой принадлежностью по писцовой книге и близостью взаимного расположения, отраженной в порядковой нумерации дач Экономических примечаний. Эти устойчивые группы мы определяем как владельческие комплексы XVII–XVIII вв. Анализ их состава показал, что они вобрали в себя более 80 % всех объектов, существовавших на протяжении XVII–XVIII вв. Это позволило сделать вывод о преобладании в Суздальском уезде компактного землевладения уже в первой трети XVII в., так как большая часть пустошей и поселений оказалась включенной во владения, состоявшие из соседних объектов. Затем мы проанализировали, насколько прочными оказались не только территориальные, но и собственно владельческие тяготения между этими объектами и в XVIII в., когда слой землевладельцев XVII в. уже почти исчез.

Выяснилось, что практически не подлежали распаду владельческие комплексы, образованные духовными вотчинами. В светских комплексах динамика устойчивости определялась на основе расчета полноты охвата комплексов владельческими фамилиями. В результате удалось выяснить, что полностью распались лишь 10 % комплексов, 25 % комплексов вообще не были затронуты процессом распада, а остальные находились на различной его стадии. С учетом большой временной дистанции это очень высокий результат. Он говорит об устойчивости пространственных структур землевладения даже после полной смены фамильного состава владельцев. Отметим, что вывод о высокой устойчивости пространственной организации дворянского землевладения был сделан Д.А. Хитровым в его исследовании по Дмитровскому уезду также на основе сопоставления материалов писцового описания и Экономических примечаний к Генеральному межеванию[224].Это, на наш взгляд, позволяет говорить об определенной тенденции устойчивости владельческого комплекса XVII–XVIII вв. в районах старого освоения.

[224] *Хитров Д.А.* К вопросу об эволюции феодального владения в Центральном Нечерноземье в XVII–XVIII вв. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2004. № 1.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставление данных писцовых книг и Экономических примечаний позволяет выявить целый ряд важных характеристик аграрного развития России в XVII–XVIII вв. Причем полученные результаты хорошо согласуются между собой, что говорит об их системном характере.

Основные сложности в работе с данными материалами связаны с приблизительностью содержащихся в них статистических данных, скупостью набора признаков, по которым эти источники характеризуют экономическое положение уезда, комбинированным, а порой и вовсе условным характером некоторых из этих признаков. Но безусловное преимущество этих источников состоит в сплошном охвате типизированными данными больших территорий на уровне отдельных поселений, и в этом качестве заменить их нечем.

Анализ земельной статистики суздальской писцовой книги показал, что, следуя требованиям писцового наказа, писцы могли включать перелог в «пашню паханую». Но результатом практически никогда не была полная подмена данных о «пашне паханой» перелогом – «пашня паханая» стала комбинированным показателем, основную часть которого составляла именно регулярная пашня.

Для нашей работы важно и то, что «пашня» Экономических примечаний могла включать в себя перелог, что сближает этот показатель со сведениями писцов. Конечно, речь не идет об идеальной сопоставимости земельной статистики XVII–XVIII вв. на уровне отдельных поселений. Тем не менее само направление возможных искажений в обоих источниках было одинаковым. Кроме того, сопоставление наших источников показало, что писцовая оценка качества земли действительно могла основываться на свойствах почвы.

Был также рассмотрен вопрос о фиксации населения в писцовых книгах. Речь идет о «людях» писцовых книг, одной из наиболее спорных категорий писцового описания. Выяснилось, что при описании крупных княжеско-боярских и монастырских вотчин писцу было достаточно указать на наличие в крестьянском дворе одного дворовладельца, чтобы тем самым зафиксировать этот двор как «живущий» и положить его в «живущую четь». Причина более подробного перечисления «людей» на поместных землях могла быть в том,

что мелкий помещик не располагал ни разветвленным аппаратом управления, ни значительным экономическим потенциалом, что делало отток населения более вероятным. Можно полагать, что в поместьях зафиксировано все взрослое мужское население. Кроме того, «людность» дворов соответствовала и степени хозяйственного упадка территории: в условиях большего запустения территории население крестьянских дворов фиксировалось более подробно.

В целом количество «людей» в писцовых книгах не является надежной демографической характеристикой, так как его колебания объясняются необходимостью максимально полно зафиксировать зависимое население там, где выше вероятность его убыли от разорения или побегов. Поэтому для сопоставления данных о населенности в качестве более надежной единицы следует признать двор.

Главный недостаток материалов Экономических примечаний применительно к нашим задачам состоит в том, что в них значительно хуже, чем в писцовых книгах, представлены данные о пустошах. Довольно часто в Примечаниях есть указания на «припущенные» к жилым поселениям пустоши, о которых не сообщается ничего, даже их количества и названий. Можно предположить, что в какое-то количество пустошей, «тянувших» к жилым поселениям, вообще не попало в Экономические примечания даже в виде такого «безымянного» упоминания.

При соотнесении пустоши первой трети XVII в. и той же пустоши через полтора века, но уже «с пустошми», мы получаем картину поистине фантастического «роста» этой пустоши за XVII–XVIII вв. в 20 или в 50 раз. Этот «рост» можно объяснить только огромной разницей в принципах их фиксации в источниках: с одной стороны, перед нами одна пустошь XVII в., а с другой – целый комплекс пустошей, обозначенный тем же топонимом и припиской «с пустошми». Выявленный «рост» говорит именно о большом количестве пустошей, полностью скрытых межевщиками от исследователя за этой припиской. Данное обстоятельство приходилось учитывать при сопоставлении наших источников.

Выбранные нами уезды сильно отличались друг от друга с точки зрения структуры землевладения в начале XVII в. Так, в Суздальском уезде бросается в глаза широкое присутствие крупного княжеско-боярского землевладения – как на поместном, так и особенно на вотчинном праве. Кроме того, здесь располагались огромные владе-

ния монастырей, архиепископа, патриарха Филарета и его служилых людей. Конечно, этих особенностей не могло быть в приграничном Алексинском уезде, где абсолютно преобладали поместья, монастырская вотчина была всего одна, княжеско-боярские владения были единичны. Однако и при столь принципиальных различиях «статусного» характера, в структуре землевладения обоих уездов наблюдались важные общие черты.

Во-первых, в каждом из этих уездов имел место процесс концентрации собственности, причем в Алексинском уезде, в отличие от Суздальского, этот процесс шел на фоне глубокого разорения дворянских дач. Во-вторых, сравнение показало, что и в ситуации разорения (Алексинский уезд), и в ситуации экономической стабильности (Суздальский уезд) наблюдается асимметрия распределения земельных и людских ресурсов, в результате которой вотчина существенно опережала поместье по населенности и, как следствие, уровню распашки. Причем это опережение в ряде случаев достигалось за счет перевода крестьян из поместья в вотчину, что показал анализ дач владельцев, имевших владения обоих типов. Это объясняет известные по законодательству XVII в. (в первую очередь по Соборному Уложению) категорические запреты подобных переводов. Крайне слабая населенность поместий в ситуации, когда у большинства их владельцев не было вотчин, неизбежно вела к обесцениванию поместных земельных окладов, поскольку получаемые за службу дачи зачастую было некому обрабатывать. Распространенность этой ситуации вне зависимости от экономического положения уезда служит дополнительным объяснением той борьбы за отмену урочных лет и других аналогичных требований, выдвинутых служилыми людьми «по отечеству» в 1630-е – 1640-е гг., вплоть до их участия в событиях 1648 г. Удручающее экономическое положение поместья в сравнении с вотчиной и, как следствие, невозможность несения службы с поместной земли были важным фактором сближения этих двух форм землевладения. В петровский период это явление привело, как известно, к полному уравниванию их юридического статуса и к отказу государства от поземельного вознаграждения за службу. В-третьих, в обоих уездах подавляющее большинство дач принадлежало одному собственнику, а совладения носили почти исключительно родственный характер.

Анализ состояния структуры расселения в выбранных уездах позволил сделать следующие выводы. В Алексинском уезде в первой трети XVII в. система поселений еще продолжала развиваться, и по этой формирующейся системе ударил кризис конца XVI – начала XVII в.: «пашня паханая» составляла в жилых поселениях лишь 15–20 % всей площади угодий. Этот предельно низкий уровень распашки был еще и неустойчив: коэффициент вариации доли распаханных земель в поселениях по уезду оказался весьма высок (примерно 60 %). Корреляционный анализ показал, что восстановление распашки шло в первую очередь за счет максимально деградировавшей пашни – «лесом поросшей». При этом хозяйственная активность населения не направлена на сокращение переложных земель. Кризис привел не только к количественным, но и к качественным изменениям в системе сельского расселения уезда и нивелировал характерные различия между типами поселений.

В Суздальском уезде в результате более длительного сельского освоения сложилась более разветвленная структура расселения. С точки зрения социальной структуры населения типы поселений в Суздальском уезде выражены абсолютно отчетливо. При этом и величина поселения, и его экономическая ценность четко соответствовали статусу владения, к которому оно относилось: наиболее крупные и развитые поселения оказались в светских и духовных вотчинах. Анализ землепользования в поселениях Суздальского уезда показал, что здесь распашка земли была на высоком уровне – в поселениях различных типов доля «пашни паханой» составляла до 60 % к общей площади угодий. Более того этот уровень распашки был весьма устойчив – коэффициент вариации составил от 26 до 37 %. Учитывая благоприятные условия ополья и слабое воздействие кризиса, стабилизацию распашки можно интерпретировать как достигнутый естественный для того времени предел вовлечения земли в хозяйственный оборот.

В работе дается характеристика пустоши как элемента сельского расселения. Результаты анализа позволяют утверждать, что нет оснований ставить знак равенства между понятиями «пустошь» и «хозяйственный упадок». То обстоятельство, что пустошь образуется в результате упадка жилого поселения, само по себе не исчерпывает функцию пустоши в системе сельского расселения. Пустошь была

обязательным элементом даже самых крупных и богатых княжеско-боярских и монастырских вотчин, практически не испытавших воздействия кризиса. Но и на уровне уездов пустошь оказывается абсолютно необходимым элементом системы расселения. Сплошная обработка данных о пустошах (включая корреляционный анализ) дает примеры большого сходства между благополучным и кризисным уездами: в обоих случаях на жилое поселение приходится примерно одинаковое количество пустошей, пашенные, сенокосные и лесные угодья пустошей активно вовлекаются в хозяйственный оборот. Поскольку хозяйство оставалось экстенсивным, функции пустоши как резерва угодий одинаково проявили себя и в разоренном Алексинском уезде, и в благополучном Суздальском.

В работе показаны методы вычленения поселений и пустошей, существовавших на протяжении всего полуторавекового периода. Сопоставление велось в направлении от XVIII в. к XVII, то есть в списке топонимов писцовой книги отбирались соответствия топонимам Экономических примечаний. Такое «обратное» направление связано с тем, что в Примечаниях пропущено немало мелких пустошей, и писцовая пустошь может быть не найдена в Примечаниях не потому, что она действительно исчезла, а потому, что ее не обмежевали отдельно и не указали. Почти в половине случаев одному топониму Экономических примечаний соответствуют несколько таких же писцовых вариантов, за которыми стоят разные сведения писцовой книги, поэтому были выделены несколько критериев предпочтения писцового варианта.

Надежным индикатором соотнесения был гидроним, если поселение или пустошь стояли на реке. Критерием предпочтения писцового варианта было и указание на владельца (светского или духовного) первой трети XVII в. Важным критерием соотнесения стала сама нумерация дач в Экономических примечаниях. В Суздальском уезде Генеральное межевание шло фронтально – с юга на север. Это объясняется тем, что территория Суздальского уезда последней четверти XVIII в. представляла собой узкую полосу, вытянутую с юга на север, «кружение» по ней было бы нерациональным подходом к межеванию. Это направление межевания свидетельствовало, что соседство порядковых номеров дач указывает и на близость их взаимного расположения, а группа дач с близкими номерами образует

район вокруг интересующего нас топонима, условно обозначенный как «ареал соотнесения». Чтобы найти соответствие конкретному топониму Примечаний, мы сопоставляли список топонимов этого «ареала» и состав тех писцовых дач, к которым относились спорные писцовые варианты. Если и в этих дачах, и в «ареале соотнесения» встречались одни и те же топонимы, это позволяло думать, что речь идет об одном и том же районе уезда. Этот метод оказался самым результативным из всех использованных в работе.

Соотнесение топонимов позволило показать, что в Суздальском уезде структура расселения XVII–XVIII вв. отличалась очень высокой преемственностью. Так, 77 % сел, 62 % селец, 63 % деревень и 57 % пустошей, зафиксированных в Примечаниях, были найдены и в писцовой книге. При этом тип этих устойчивых объектов за полтора столетия в большинстве случаев не менялся: деревня оставалась деревней, село – селом, а пустошь – пустошью. Эти результаты дают нам пример завершения формирования структуры сельского расселения на всех уровнях от села до пустоши уже к началу XVII в., так как последующие полтора столетия не внесли серьезных изменений. Особенно показательна устойчивость пустоши в Суздальском уезде – одни и те же пустоши веками постоянно находились в сфере хозяйственной деятельности крестьянства, и лишь в исключительно редких случаях на их месте могли развиться жилые поселения. Очевидно, что пустошь была необходима именно как пустошь, то есть как резерв угодий в условиях экстенсивного земледелия, и этим объясняется ее крайне редкое перерастание в жилое поселение.

Проблема правомерности соотнесения статистики писцовых книг и Экономических примечаний решалась при помощи корреляционного анализа, который должен был выявить наличие (или отсутствие) взаимосвязи между хозяйственно-демографическими показателями поселения по этим источникам. Теснота связи между показателями XVII и XVIII вв. оказалась весьма сильной, причем особенно важны «перекрестные» взаимосвязи между разнородными показателями, когда брались данные о земле одного источника и данные о населении другого. Сильная взаимосвязь данных, удаленных друг от друга на полтора века и порожденных разными принципами сбора статистической информации, показывает, что они вполне соотносимы и достаточно адекватно отражают хозяйственные реалии своего времени. Кроме

того, этот результат указывает на огромную устойчивость системы землепользования в поселениях в XVII–XVIII вв.

На основе последующего парного соотнесения была выявлена тенденция к значительному укрупнению поселений. В Суздальском уезде поселение за полтора века в среднем увеличивалось в 3–4 раза. Рост числа дворов в поселении даже к последней четверти XVIII в. был в значительной степени обусловлен количеством в нем земли на двор еще в первой трети XVII в., и поселения, в которых земли на двор было мало, росли слабо. Чем больше было дворов в поселении по писцовой книге, тем незначительнее был его рост, а некоторые крупные села за полтора века не только не увеличились, но даже уменьшились.

В отношении Алексинского уезда приходится констатировать, что здесь опустошение времен Смуты в большой степени уничтожило те результаты сельской колонизации, которые были достигнуты на этой окраинной для первой трети XVII в. территории. Только укрепление и расширение южных границ и приток нового населения позволили в значительной степени заново освоить этот район, удаленный от Москвы всего на 150 км. Объекты Экономических примечаний слабо прослеживаются по писцовой книге (были найдены 49 % сел, 56 % селец, 32 % деревень и 34 % пустошей). Следовательно, та структура расселения, которую зафиксировали Экономические примечания, сложилась здесь лишь во второй половине XVII – первой половине XVIII в.

Тем не менее старая структура расселения в Алексинском уезде оказалась способной к регенерации, но здесь ее вклад в формирование позднейшей картины расселения был совсем иным, чем в Суздальском уезде. Так, здесь прослеживается высокая мобильность типа поселения и вовлечение старых пустошей в процесс формирования новых поселений. Это указывает на долговременные последствия тяжелейшего кризиса, после которого ни устойчивое существование поселений, ни длительное сохранение пустошного резерва угодий были невозможны. Рост поселений в XVII–XVIII вв. приводил величину поселения в соответствие с типологической иерархией, размытой кризисом.

В целом же сопоставление наших материалов подтверждает правомерность введенных исследователями понятий «предел

вместимости земледельческого поселения» (Б.А. Романов) и «демографический оптимум» (Н.А. Горская), которые, впрочем, не следует понимать слишком буквально. Представляется, что эти ученые были правы, предполагая, что уже в XVII–XVIII вв., задолго до явного обострения проблемы «аграрного перенаселения» в России (вторая половина XIX в.), существовал некий предел демографического роста на микро- (отдельное поселение) и макроуровне (отдельный уезд). Но факторы, формировавшие этот предел, объяснены ими не были. Данная проблема звучит более остро в свете результатов исследований Л.В. Милова, показавшего, что в условиях России крестьянину всегда был необходим большой резерв переложных земель. Очевидно, что в районах старого освоения необходимый земельный резерв неуклонно сокращался. Последствия этого сокращения усугублялись, как правило, очень низкой продуктивностью землепашества в этих районах. Эти процессы, как представляется, и предопределили характер и темпы эволюции системы сельских поселений.

Именно сохранность и плотность старого массива поселений была решающим фактором эволюции структуры расселения, а фискальная политика государства или рентные отношения играли, как представляется, менее важную роль. Исчерпание возможности экстенсивного развития (а в условиях России сельскохозяйственное производство в XVII–XVIII вв. могло быть только экстенсивным) вело к затуханию процессов обновления и роста в системе сельских поселений. Причем ранее всего это отмечается именно в относительно благополучном Суздальском уезде, в котором сравнительно низкий уровень запустения в период Смуты не потребовал активизации восстановительных процессов. Но эти процессы были активно задействованы в малоосвоенном и крайне разоренном Алексинском уезде. Их проявления (формирование жилых поселений на основе пустошей, превращение деревень в сельца или села) могут быть интерпретированы как «развитие», в то время как ситуация в Суздальском уезде могла бы быть оценена, как «застойная». На самом же деле речь идет о разных временных рубежах неизбежного достижения оптимальной плотности сети поселений. При «нормальном», не деформированном Смутой протекании этого процесса (какое мы видим в ополье) эти элементы «развития»,

скорее всего, не потребовались бы и в приокских землях. И лишь опустошительный кризис конца XVI – начала XVII вв. и форсированное повторное освоение этого региона потребовали глубоких изменений в структуре расселения, которые мы поэтому и склонны считать вынужденными.

В работе были также рассмотрены изменения в структуре землевладения в наших уездах, при этом был произведен расчет показателей землевладения и дворовладения по владельцам в XVII и XVIII вв. Сложность состояла в том, что писцовая книга, как правило, дает полный набор объектов и хозяйственной статистики, привязанной к каждому отдельному владельцу, включая все его доли в жеребьевых совладениях, и эти данные остается лишь суммировать. Генеральное межевание не предусматривало тщательной фиксации личной собственности каждого совладельца, и в Экономических примечаниях при описании совместных владений давалось лишь общее число дворов, душ обоего пола и угодий по всей даче в целом, без указаний, какая ее часть принадлежала каждому из совладельцев. Поэтому мы рассчитали средние доли совладения и рассчитанные таким образом доли суммировали по владельцам. Этот метод дает огрубленные показатели, так как на самом деле внутри каждой дачи эти доли могли быть неравными. Однако другого пути получения хотя бы приблизительных данных о землевладении отдельных помещиков по Экономическим примечаниям нет.

Подчеркнем, что посредством корреляционного анализа была выявлена сильная взаимосвязь между ростом количества дворов и ростом количества пашни в XVII–XVIII вв. у устойчивых владельческих фамилий, по которым есть данные и писцовой книги, и Экономических примечаний. Важно то, что эта очевидная взаимосвязь проявилась в результате взаимодействия наших разнородных статистических данных: непосредственных сведений писцовой книги и расчетных долевых показателей Экономических примечаний. Если бы наш расчет по совладениям последней четверти XVIII в., сделанный на основе «уравнительных» средних величин, слишком сильно исказил произошедшие изменения, то статистическое взаимодействие с непосредственными данными писцовой книги не было бы столь тесным. Следовательно, наш метод расчета средних показателей Экономических примечаний по совладениям оправдан.

Сопоставление непосредственных писцовых данных и расчетных данных Примечаний по Суздальскому уезду выявило постепенную поляризацию в составе землевладельцев в XVII–XVIII вв.: в полтора раза выросла доля мелкого землевладения, и гораздо чаще стали встречаться крупные владения. Средний слой землевладельцев сжался с почти 75 % до чуть более 40 %. Более устойчивой была структура дворовладения: доли мелких, средних и крупных дворовладельцев за полтора века практически не изменились.

Из 225 фамилий, обнаруженных в Экономических примечаниях, в расширенном районе сопоставления были найдены 52, то есть 23 %. Следовательно, фамильный состав землевладельцев за полтора века обновился на три четверти. Реальное обновление было более значительным, так как выделенный район сопоставления XVII в. в 1,5–2 раза превосходил Суздальский уезд конца XVIII в. Чтобы просуществовать полтора века, на начальном этапе фамилия должна была обладать исключительно крупным земельным фондом, малоземельных фамилий среди них почти не было. А вот с точки зрения дворовладения устойчивые фамилии представляли все слои собственников, включая мелких. Видимо, в XVII–XVIII вв. людские ресурсы таяли несколько медленнее, а наращивались несколько быстрее, чем земельные, что и определило гораздо большую жесткость «естественного отбора» фамилий с точки зрения землевладения. Эта закономерность подтверждает известное изменение критерия благосостояния помещика в XVII–XVIII вв.: из землевладельца он превращался в душевладельца. При этом из 52 устойчивых фамилий примерно половина угасала, теряя свои ресурсы в этот период.

Сопоставление Экономических примечаний и писцовой книги позволило выявить в структуре феодального землевладения последней четверти XVIII в. пространственные ячейки этой структуры, восходящие еще к первой трети XVII в. Эти ячейки и можно условно обозначить как владельческие комплексы XVII–XVIII вв. Такой комплекс имел две характерные черты: 1) он представлял собой рудимент писцового фамильного владения; 2) он состоял только из соседних поселений и пустошей (на это указывают номера этих объектов в Экономических примечаниях).

Состав комплексов мог быть различным, но, как правило, они представляли собой группу деревень и пустошей вокруг села или сельца, то есть самодостаточную микроструктуру с господским центром. Комплексы вобрали в себя более 80 % всех поселений и пустошей, существовавших на протяжении XVII–XVIII вв. Это означает, что 1) длительное существование поселений и пустошей было возможно только в рамках устойчивых микроструктур, и сопоставление наших материалов позволяет их вычленить; 2) в первой трети XVII в. землевладение в уезде отличалось высокой компактностью, то есть и писцовые дачи не были слишком разбросанными и состояли в основном из соседних поселений и пустошей.

Был проанализирован состав владельцев этих комплексов по Примечаниям на предмет внутренней однородности. Выяснилось, что среди владельцев 80 % комплексов не было ни одного представителя старых фамилий, то есть за полтора века фамильный состав владельцев комплексов практически полностью сменился. Кроме того, наиболее типичной формой владения комплексом было неродственное совладение, и картина оказалась такой пестрой, что потребовался некий единый количественный показатель однородности фамильного состава владельцев этих комплексов. Этот показатель мы условно именуем «полнота охвата комплекса». Он показывает, какая часть комплекса (сколько поселений и пустошей) принадлежала данной владельческой фамилии в совместных владениях. Максимальная полнота охвата – 100 %, когда представители фамилии оказывались владельцами (или совладельцами) всех поселений комплекса. Затем подсчитывалась средняя полнота охвата по всем фамилиям внутри комплекса. Чем больше эта средняя полнота охвата, тем сильнее владельческие взаимосвязи внутри комплекса в целом, тем устойчивее этот комплекс как микроструктура землевладения.

Выяснилось, что полностью распались лишь 10 % комплексов, 25 % комплексов вообще не были затронуты процессом распада, остальные находились на различной его стадии. Таким образом, и в конце XVIII в. в основе пространственной организации дворянского землевладения лежала система размещения писцовых владений, сложившаяся к началу XVII в. На этом фоне абсолютной устойчивостью отличались комплексы, образованные духовными вотчинами, которые за полтора века вовсе не распадались, оставаясь за прежни-

ми владельцами. Полученные результаты показывают также широкие возможности, открывающиеся в связи с использованием локально-исторических карт-схем.

Анализ эволюции феодальной собственности в Алексинском уезде в XVII–XVIII вв. был произведен в том же порядке и по тем же принципам, что и применительно к Суздальскому уезду. Здесь также отмечен рост количества землевладельцев за XVII–XVIII вв.: в писцовой книге их 306, в Экономических примечаниях – 550. В Алексинском уезде в XVII–XVIII вв. шло явное разорение землевладельцев: доля мелких помещиков выросла в 2 раза и составила теперь более половины всех владельцев. Это произошло за счет размывания среднего слоя землевладельцев, причем число крупных собственников даже возросло. Таким образом, поляризация в составе землевладельцев в Алексинском уезде зашла гораздо дальше, чем в Суздальском, существенно деформировав общую структуру светского землевладения.

По сравнению с периодом кризиса начала XVII в., структура дворовладения за полтора века заметно оздоровилась: сократились доля владельцев, не имевших крестьян, а также доли мелких дворовладельцев, заметно выросла доля более крупных дворовладельцев. Эти результаты указывают на более высокую восполняемость рабочей силы, чем земельной собственности.

Доля устойчивых фамилий здесь составила 16 %. Среди них преобладали фамилии, владевшие в XVII в. крупной земельной собственностью, а в отношении дворовладения их состав оказался смешанным, что полностью подтверждает выводы по Суздальскому уезду. Но тенденция упадка устойчивых фамилий была выражена здесь сильнее: у двух третей фамилий наблюдалось сокращение землевладения, а четверть приближалась к полному разорению. Дворовладение этих фамилий росло, но это был не столько рост, сколько восстановление после Смуты, когда типичная фамилия владела здесь 2–3 дворами. Впрочем, факт восстановления людских ресурсов у большей части старых фамилий показателен и говорит о том, что именно обеспеченность рабочими руками была главным условием устойчивости владельческого рода.

В целом же результаты сопоставительного анализа структуры землевладения показали, что для основной массы провинциальных дво-

рянских родов период XVII–XVIII вв. был временем крайне высокой нестабильности и, в большинстве случаев, полного упадка и угасания. Это наблюдение серьезно отличается от известных по историографии результатов анализа фамильной собственности элиты дворянского сословия в XVIII в. Преобладание новых фамилий, увеличение в 4–6 раз доли совладений и превращение неродственного совладения в доминирующую форму владения землей, отсутствие какой-либо связи между экономическим положением рода в начале XVII и в конце XVIII в. – все это показывает, что известная либерализация законодательства о земельной собственности дворянства не привела к улучшению экономического положения провинциальных дворянских фамилий. Более того, сравнивая явно восстановительную динамику фамильного дворянского землевладения в XVI–XVII вв. (по материалам новгородских пятин) и абсолютно противоположные тенденции XVII–XVIII вв., можно придти к выводу, что вместе с движением в сторону безусловного и более индивидуализированного статуса дворянское землевладение теряло и важные защитные механизмы, гарантированные широким участием государства и рода в судьбе каждой дачи. Вместе с тем, получены явные свидетельства необычайной устойчивости пространственной структуры феодального землевладения в центре России. Хотя за полтора века фамильный состав собственников кардинально изменился, структурно дворянские владения екатерининского времени в большинстве случаев восходили к писцовым дачам. Представляется, что в основе этого длительного воспроизводства территориальной системы феодальных владений лежал своего рода диктат географической среды (почвенно-ландшафтных условий) и возникших на ее основе хозяйственных связей («тяготений») между поселениями и пустошами, разорвать которые было практически невозможно даже при формальном разделе владения или смене собственника. Колоссальная инерционная сила этой пространственно-экономической организации выступала в XVII–XVIII вв. не менее важным фактором развития феодального землевладения, чем политико-правовые механизмы государственной политики.

k

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Писцовая и межевая книга Алексинского уезда 1628–1629 гг. // РГАДА. Ф. 1209. Кн. 2, 3.

2. Писцовая книга Суздальского уезда 1628–1630 гг. // РГАДА. Ф. 1209. Кн. 11317 (Ч. 1–3), 11318 (Ч. 1–2)., 11319, 11320 (Ч. 1–2).

3. Экономические примечания к Генеральному межеванию (Алексинский уезд) // РГАДА. Ф. 1355. Ед. хр. 1754.

4. Экономические примечания к Генеральному межеванию (Суздальский уезд) // РГАДА. Ф. 1355. Ед. хр. 69.

Литература

1. *Аврех А.Л., Есиков С.А., Канищев В.В., Мизис Ю.А., Протасов Л.Г.* Формирование и развитие сельских населенных пунктов (СНП) Тамбовской области (XVII–XVIII вв.) // Особенности российского земледелия и проблемы расселения (материалы XXVI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы). Тамбов, 2000.

2. Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины. Л., 1974.

3. Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование). Л., 1989.

4. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. Л., 1971.

5. *Андрияшев А.М.* Материалы по исторической географии новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. Списки селений. М., 1914.

6. *Арсеньев К.И.* Статистические очерки России. СПб., 1848.

7. *Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII – начало XVIII в. М., 1976.

8. *Барсуков Н.А.* Полотняная промышленность Костромской губернии во второй половине XVIII в. // Ученые записки МГУ. Вып. 156. М., 1952.

9. *Веселовский С.Б.* Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Т. 2. СПб., 1913.

10. *Веселовский С.Б.* Село и деревня в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1936.

11. *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Исследования по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т.1–2. М., 1915–1916.

12. *Витов М.В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков (из истории сельских поселений). М., 1962.

13. *Водарский Я.Е.* Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в. М., 1988.

14. *Водарский Я.Е.* К вопросу о средней численности крестьянской семьи и населенности двора в России XVI–XIX вв. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по исторической географии XVII в. М., 1974.

15. *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII в. М., 1977.

16. Воробьев В.М. Дегтярев А.Я. Русское феодальное землевладение от «смутного времени» до кануна петровских реформ. Л., 1986.

17. *Воробьев В.М., Дегтярев А.Я.* Основные черты сельского расселения Северо-Запада Руси в XVI–XVII вв. // История СССР. 1980. № 5.

18. *Воронин Н.И.* К истории сельского поселения феодальной Руси. Л., 1935.

19. *Герман И.Е.* История русского межевания. М., 1907.

20. *Гневушев А.М.* Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Т. 1. Киев, 1915.

21. *Горская Н.А.* Историческая демография России эпохи феодализма (итоги и проблемы изучения). М., 1994.

22. *Горский А.А.* Количественный анализ сводных данных Экономических примечаний к Генеральному межеванию: Кандидатская диссертация. М., 1984.

23. *Готье Ю.В.* Замосковный край в XVII веке. Очерк по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906.

24. *Дегтярев А.Я.* Русская деревня в XV–XVII веках. Очерки

истории сельского расселения. Л., 1980.

25. *Дьяконов М.* Из истории сельского населения в Московском государстве. СПб., 1898.

26. *Индова Е.И.* К вопросу о дворянской собственности в России в поздний феодальный период // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975.

27. Источниковедение истории СССР. М., 1981.

28. *Кабузан В.М.* Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1971.

29. *Кавелин С.П.* Межевание и землеустройство. Теоретическое и практическое руководство М., 1914.

30. *Ковальченко И.Д.* Крестьяне и крепостное хозяйство Тамбовской и Рязанской губерний в первой половине XIX в. (к истории кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства). М., 1959.

31. *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок XVIII – начала XX века. М., 1974.

32. *Колесников П.А.* Северная деревня в XV – первой половине XIX в. Вологда, 1976.

33. *Кузнецов В.И.* Из истории феодального землевладения России (по материалам Коломенского уезда). М., 1993.

34. *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времени Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.

35. *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации. М., 1996.

36. *Мерзон А.Ц.* Писцовые и переписные книги XV–XVII вв. М., 1956.

37. *Мешалин И.В.* Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII — первой половине XIX в. М.; Л., 1950.

38. *Миклашевский И.Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1: Заселение и сельское хозяйство сошной окраины. XVII век. М., 1894.

39. *Милов Л.В.* Варианты «Экономических примечаний к Генеральному межеванию» // История СССР. 1957. № 2.

40. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2000.

41. *Милов Л.В.* Исследование об «Экономических примечаниях к Генеральному межеванию» (к истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М., 1965.

42. *Милов Л.В.* О производительности труда в земледелии России в середине XVIII в. (по материалам монастырской барщины) // Исторические записки. 1970. Т. 85.

43. *Милов Л.В.* О роли переложных земель в русском земледелии второй половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961. Рига, 1963.

44. *Милов Л.В., Булгаков М.Б. Гарскова И.М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография. Компьютер. Методы исследования. М., 1986.

45. *Милюков П.Н.* Спорные вопросы финансовой истории Московского государства: Рецензия на книгу Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве». СПб., 1892.

46. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правого государства. Т. 2, СПб., 2000.

47. *Миронов Б.Н.* Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Л., 1981.

48. Новгородские писцовые книги в статистической обработке. Погосты и деревни Шелонской пятины по письму 1498–1501 гг. Пг., 1915.

49. *Новосельский А.А.* Распад землевладения служилого «города» в XVII в. (по десятням) // Русское государство в XVII в. М., 1961.

50. *Носов Б.В.* О праве распоряжения феодальной земельной собственностью в 60-е – 70-е гг. XVIII в. // Проблемы истории СССР. Вып. XIII. М., 1983.

51. *Павленко Н.И.* К вопросу об эволюции дворянства в XVII–XVIII вв. // Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960.

52. *Перельман И.Л.* Новгородская деревня в XV–XVI вв. // Исторические записки. Т. 26. М., 1948.

53. *Пиотух Н.В.* Деревня, сельцо, село: типология сельских поселений // Россия в Средние века и Новое время. М., 1999.

54. *Пиотух Н.В.* Новоторжский (Пусторжевский) уезд в первой половине XVII – второй половине XVIII в. Пространственно-демографические изменения: Автореферат канд. дисс. М., 1999.

55. *Пиотух Н.В.* О возможностях компьютерного картографирования при работе с данными писцовых книг начала XVII в. и материалами Экономических примечаний второй половины XVIII в. // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. М., 1996.

56. *Пиотух Н.В.* Сельское расселение и его динамика: первая половина XVII – вторая половина XVIII в. // Особенности российского земледелия и проблемы расселения (материалы XXVI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы). Тамбов, 2000.

57. *Полянский Ф.Я.* Экономический строй мануфактуры в России. М., 1960.

58. Почвенная карта Европейской части СССР. М., 1930.

59. *Преображенский А.А.* Об эволюции феодальной земельной собственности в России XVIII – начала XIX в. // Вопросы истории. 1977. № 5.

60. *Пугач И.В.* Устюжна Железнопольская и уезд в XVI – первой половине XVII в.: территория, население, хозяйство. Вологда, 1999 // Сайт Вологодской областной универсальной научной библиотеки (http://www.booksite.ru/fulltext/us/tyu/jna/index.htm).

61. *Разгон А.М.* Торгово-промышленные села и слободы Владимирской губернии во второй половине XVIII в.// Исторические записки. Т. 32. М., 1950.

62. *Рожков Н.А.* К вопросу о достоверности писцовых книг // Труды Археографической комиссии Московского Археологического общества. Т. 1. Вып. 1. М., 1899.

63. *Рожков Н.А.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899.

64. *Романов Б.А.* Изыскания о русском поселении эпохи феодализма (по поводу работ Н.И. Воронина и С.Б. Веселовского) // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII – XVII вв. М.; Л., 1960.

65. *Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957.

66. *Рубинштейн Н.Л.* Топографические описания наместничеств и губерний XVIII века — памятник географического и экономического изучения России // Вопросы географии. 1953. № 31.

67. *Рудин С.Д.* Межевое законодательство и деятельность межевой части за 150 лет. СПб., 1915.

68. *Седашев В.Н.* Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси XVII в. М., 1912.

69. *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. 1–2. СПб., 1901–1903.

70. *Сергеевич В.* Древности русского права. Т. III: Землевладение. СПб., 1906.

71. *Сивков К.В.* Отписные книги начала XVIII в. как исторический источник // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940.

72. Собственность в России в Средневековье и Новое время. М., 2001.

73. *Соколова И.И.* Служилое землевладение приокских уездов Русского государства в конце XVI – первой трети XVII в. (по материалам писцовых описаний, десятням и столбцам Поместного приказа): Автореферат канд. дисс. М., 1975.

74. *Тараканова-Белкина С.А.* Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятинах в домосковное время. М., 1939.

75. *Тихонов Ю.А.* Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в XVII – начале XVIII в. М., 1974.

76. *Толстой Д.* О статистических работах межевых чинов // Журнал министерства внутренних дел. 1848. Ч. XXI.

77. *Фомин Н.К.* Социальный состав землевладельцев Суздальского уезда // Россия на путях централизации. М., 1982.

78. *Хитров Д.А.* К вопросу о тенденциях в развитии крестьянского землепользования в Центральном Нечерноземье в XVII–XVIII вв. // Вестник архивиста. 2003. № 5–6.

79. *Хитров Д.А.* К вопросу об эволюции феодального владения в Центральном Нечерноземье в XVII–XVIII вв. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2004. № 1.

80. *Черкасова М.С.* Крупная феодальная вотчина в России конца XVI – начала XVII вв. (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). М., 2004.

81. *Черненко Д.А.* К вопросу о «людях» писцовых книг первой трети XVII в. (по материалам писцовой книги Суздальского уезда 1628–1630 гг.) // Материалы XIII Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников по истории России XVI–XIX вв. Вологда, 2003.

82. *Черненко Д.А.* К характеристике сельских поселений центральных районов России первой трети XVII в. (по материалам писцовых книг) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2003. № 4.

83. *Черненко Д.А.* Пустошь как элемент структуры сельского расселения в XVII–XVIII вв. // Сельская Россия: прошлое и настоящее (исторические судьбы северной деревни): Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.; Сыктывкар, 2006.

84. *Шапиро А.Л.* Живущая четь и живущая выть // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XIX. Л., 1987.

85. *Шапиро А.Л.* К истории крестьянских промыслов и крестьянской мануфактуры в России XVIII в. // Исторические записки Т. 131. М., 1950.

86. *Шапиро А.Л.* Некоторые источниковедческие вопросы истории сельского хозяйства России (о сопоставлении описей XVII, XVIII и XIX вв.) // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964.

87. *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины России во второй половине XVII века. М., 1996.

88. *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII в. М., 1990.

89. *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины России в эпоху Петра I. М., 2002.

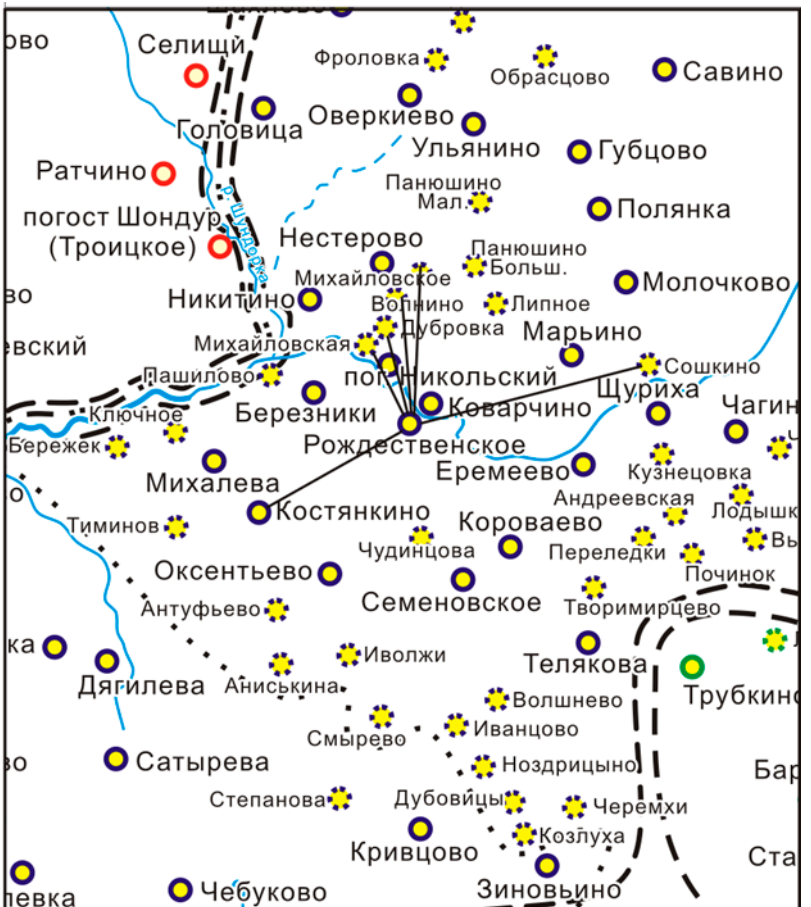
90. *Щепетов К.Н.* Крепостное хозяйство в вотчинах Шереметьевых. М., 1947.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

РГАДА – Российский государственный архив древних актов
МГУ – Московский государственный университет

Карта 1

Владения А.И. Алалыкина в конце XVIII в.



Условные обозначения

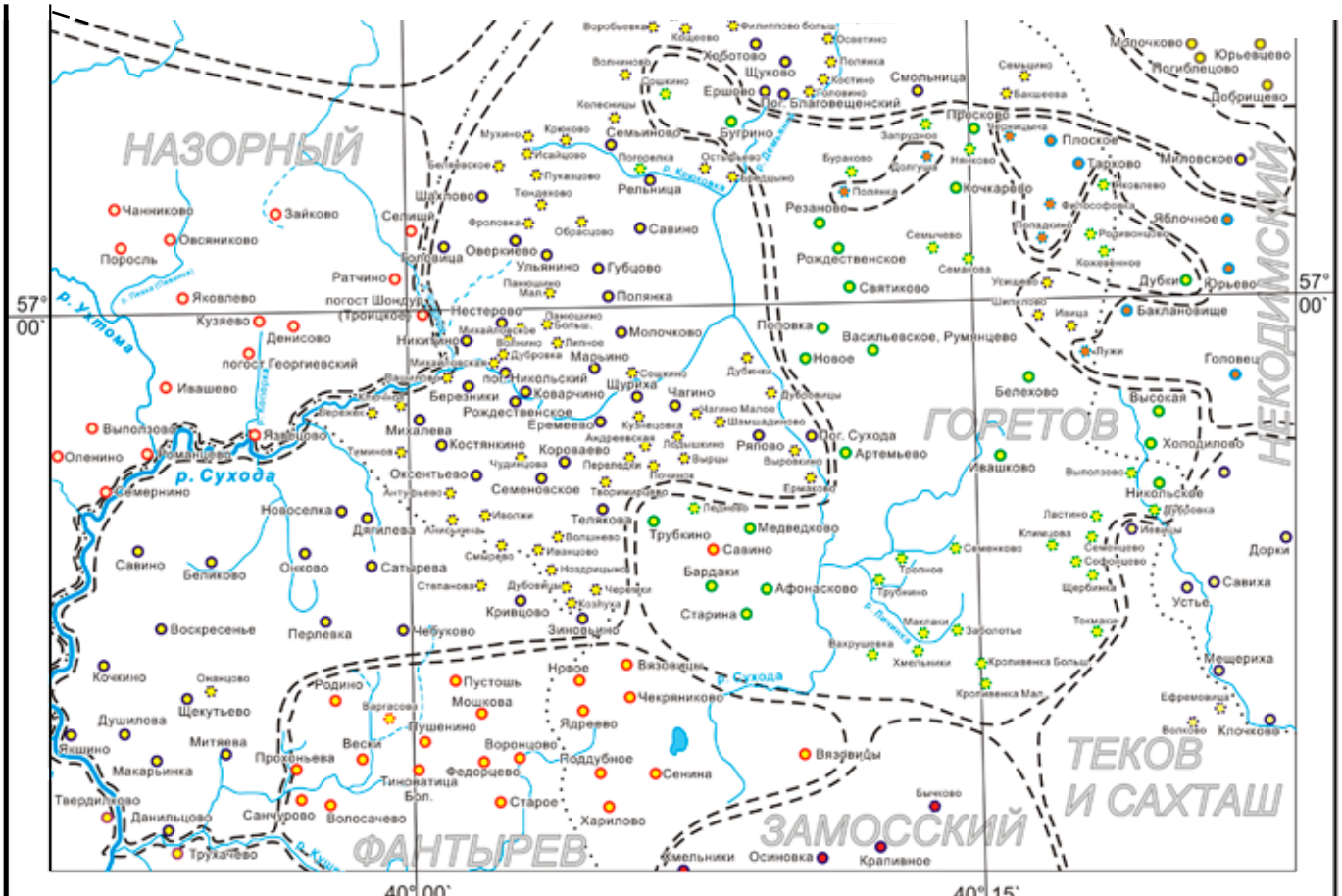
- Граница Суздальского и Ростовского уездов в XVII в.
- Границы станов Суздальского и Ростовского уездов в XVII в.
- Граница Суздальского уезда в конце XVIII в.
- Ананцино — Села и деревни, локализованные по картографическим материалам XIX-XX вв.
- Волнинево — Деревни и пустоши, локализованные по Экономическим примечаниям к Генеральному межеванию

0 1 2 3 4 км

Масштаб 1:200 000
в 1 сантиметре 2 километра

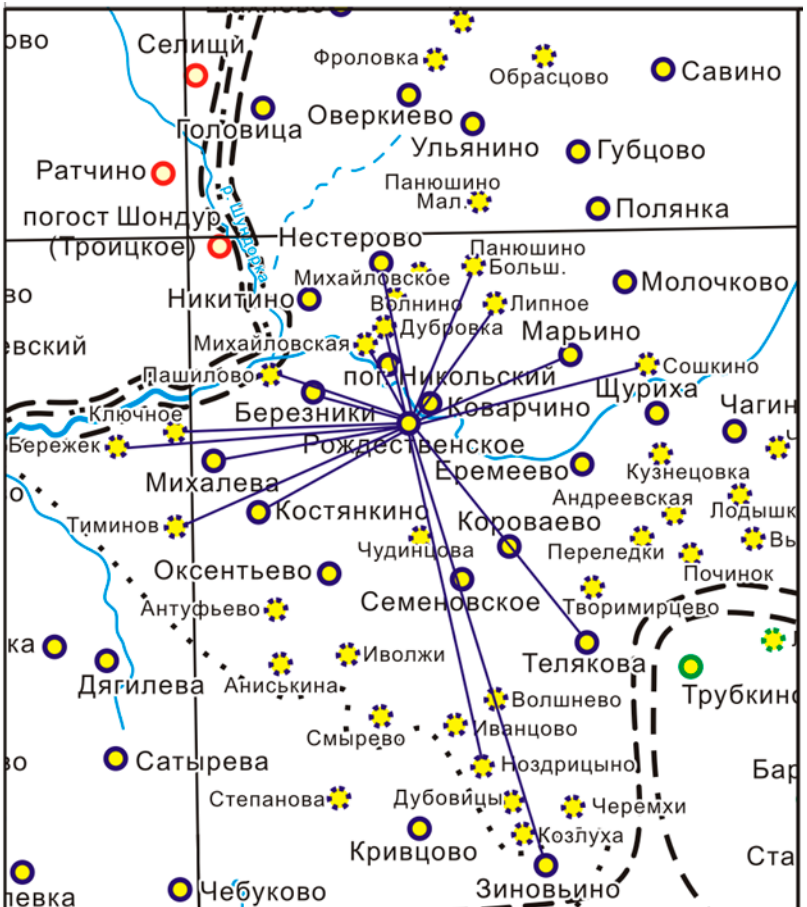
Станы Горетов, Сухода и Кондырев

Суздальского уезда в 1628-30 гг.


НАЗОРНЫЙ
ГОРЕТОВ
НЕКОДИМСКИЙ
ТЕКОВ
И САХТАШ
ЗАМОССКИЙ
ФАНТЫРЕВ
р. Сухода
57° 00`
40° 00`
40° 15`

Карта 3

Владения рода Побединских в первой трети XVII в.



Условные обозначения

Граница Суздальского и Ростовского уездов в XVII в.

Границы станов Суздальского и Ростовского уездов в XVII в.

Граница Суздальского уезда в конце XVIII в.

Ананцино — Села и деревни, локализованные по картографическим материалам XIX-XX вв.

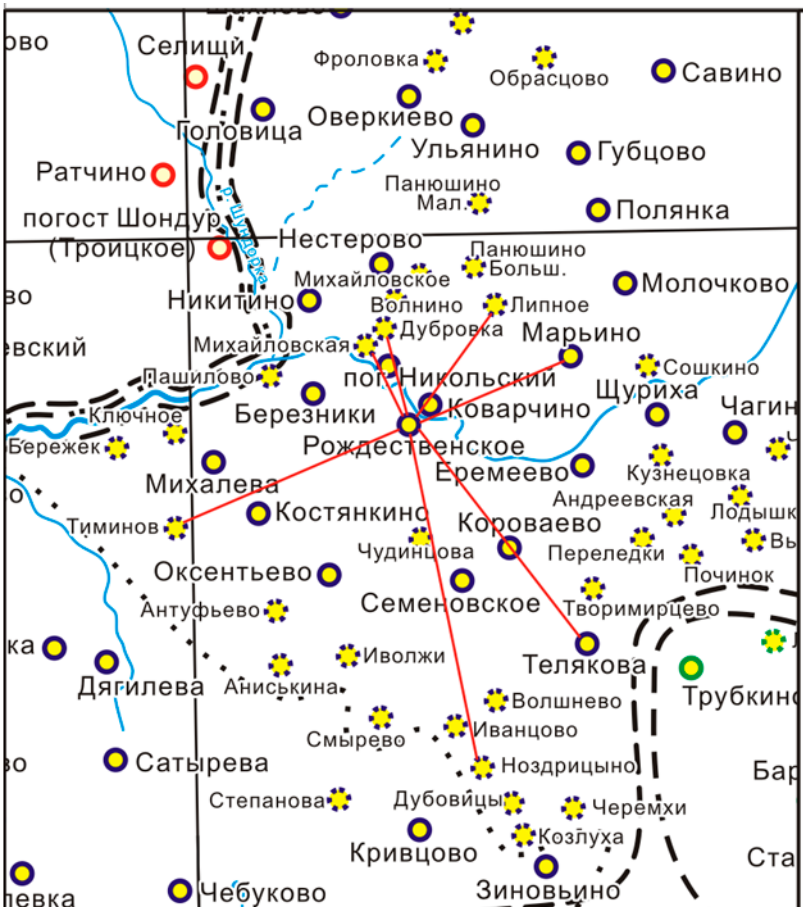
Волкиново — Деревни и пустоши, локализованные по Экономическим примечаниям к Генеральному межеванию

0 1 2 3 4 км

Масштаб 1:200 000
в 1 сантиметре 2 километра

Карта 4

Владения рода Побединских в конце XVIII в.



Условные обозначения

Граница Суздальского и Ростовского уездов в XVII в.

Границы станов Суздальского и Ростовского уездов в XVII в.

Граница Суздальского уезда в конце XVIII в.

Ананцино — Села и деревни, локализованные по картографическим материалам XIX-XX вв.

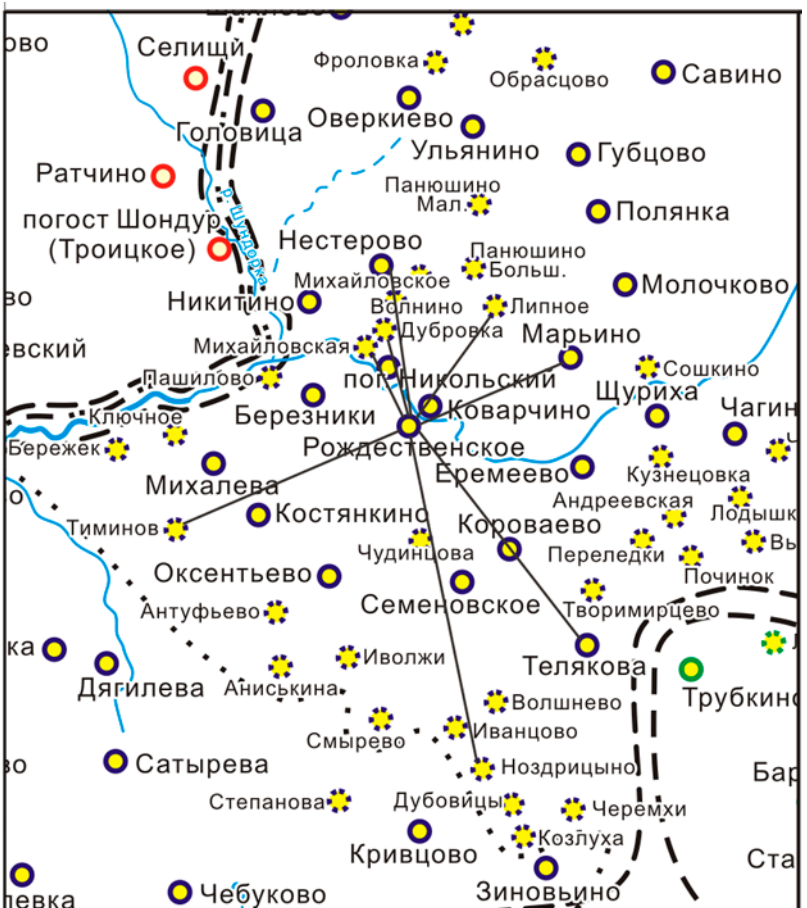
Волкиново — Деревни и пустоши, локализованные по Экономическим примечаниям к Генеральному межеванию

0 1 2 3 4 км

Масштаб 1:200 000
в 1 сантиметре 2 километра

Карта 5

Владения Ф.А. Токмачева в конце XVIII в.



Условные обозначения

Граница Суздальского и Ростовского уездов в XVII в.

Границы станов Суздальского и Ростовского уездов в XVII в.

Граница Суздальского уезда в конце XVIII в.

Ананцино — Села и деревни, локализованные по картографическим материалам XIX-XX вв.

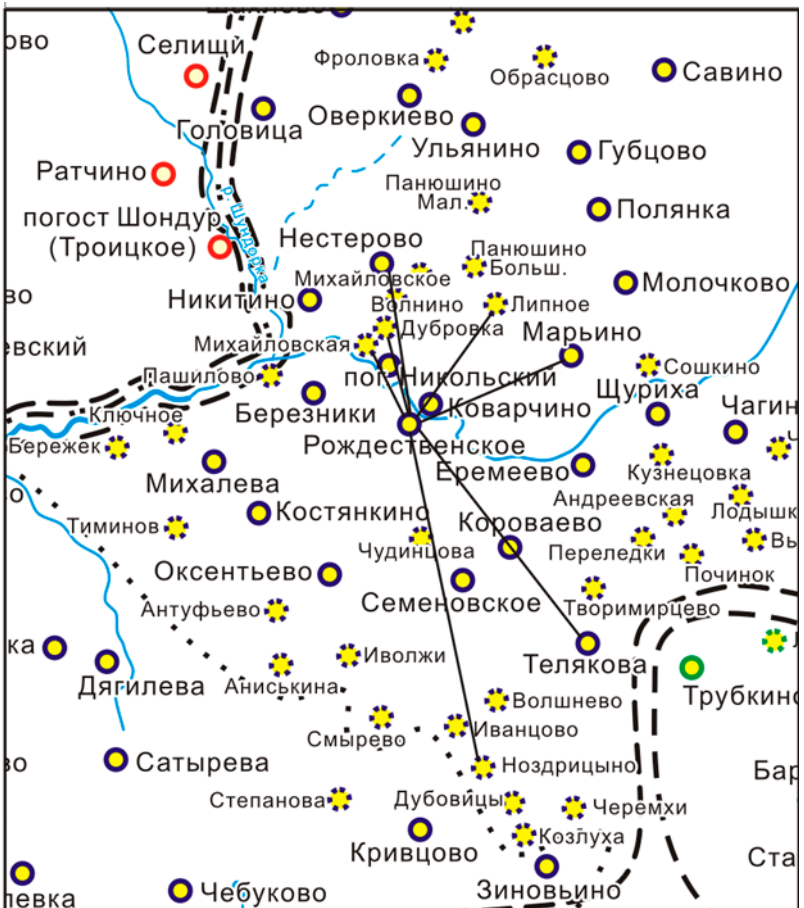
Волнино — Деревни и пустоши, локализованные по Экономическим примечаниям к Генеральному межеванию

0 1 2 3 4 км

Масштаб 1:200 000
в 1 сантиметре 2 километра

Карта 6

Владения Е.А. Цвиленевой в конце XVIII в.



Условные обозначения

Граница Суздальского и Ростовского уездов в XVII в.

Границы станов Суздальского и Ростовского уездов в XVII в.

Граница Суздальского уезда в конце XVIII в.

Ананцино — Села и деревни, локализованные по картографическим материалам XIX-XX вв.

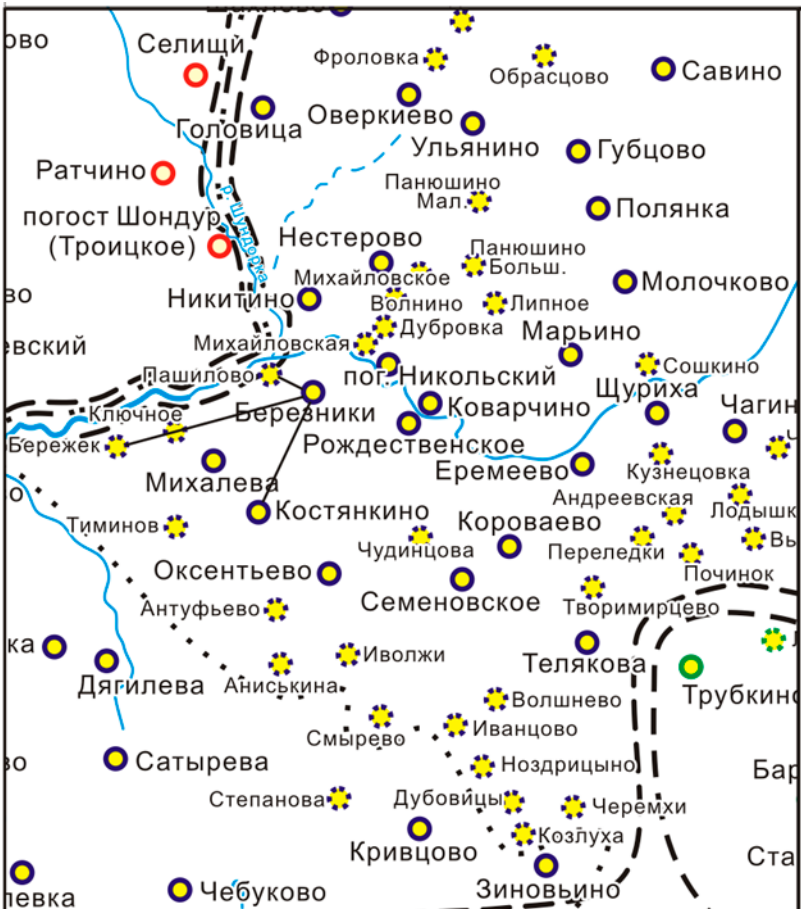
Волниково — Деревни и пустоши, локализованные по Экономическим примечаниям к Генеральному межеванию

0 1 2 3 4 км

Масштаб 1:200 000
в 1 сантиметре 2 километра

Карта 7

Владения семей Ошаниных и Самсоновых в конце XVIII в.



Условные обозначения

Граница Суздальского и Ростовского уездов в XVII в.

Границы станов Суздальского и Ростовского уездов в XVII в.

Граница Суздальского уезда в конце XVIII в.

Ананцино — Села и деревни, локализованные по картографическим материалам XIX-XX вв.

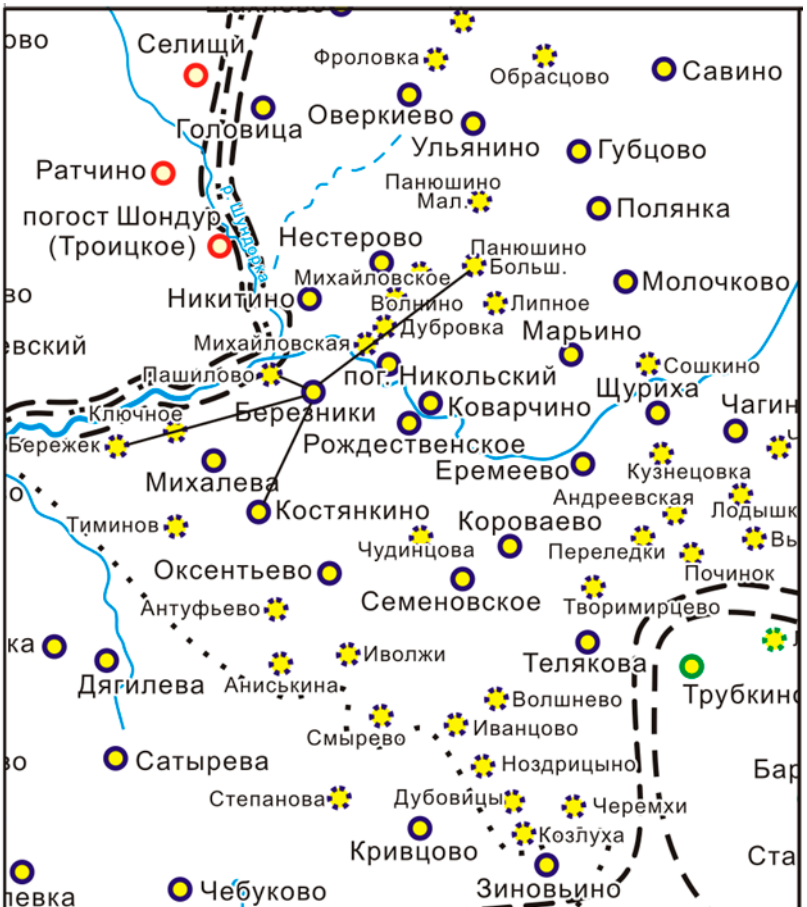
Волнинево — Деревни и пустоши, локализованные по Экономическим примечаниям к Генеральному межеванию

0 1 2 3 4 км

Масштаб 1:200 000
в 1 сантиметре 2 километра

Карта 8

Владения семьи Мельгуновых в конце XVIII в.



Условные обозначения

Граница Суздальского и Ростовского уездов в XVII в.

Границы станов Суздальского и Ростовского уездов в XVII в.

Граница Суздальского уезда в конце XVIII в.

Ананцино — Села и деревни, локализованные по картографическим материалам XIX-XX вв.

Волнино — Деревни и пустоши, локализованные по Экономическим примечаниям к Генеральному межеванию

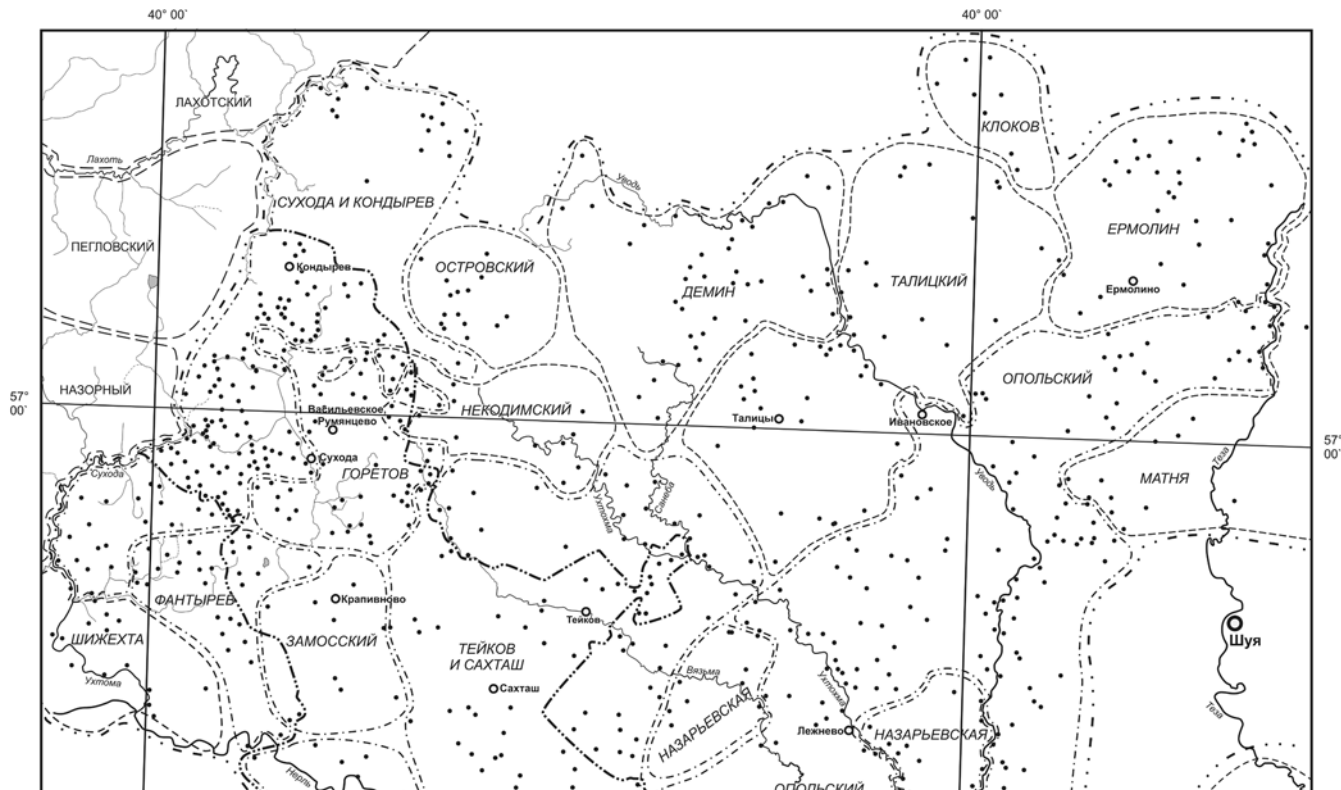
0 1 2 3 4 км

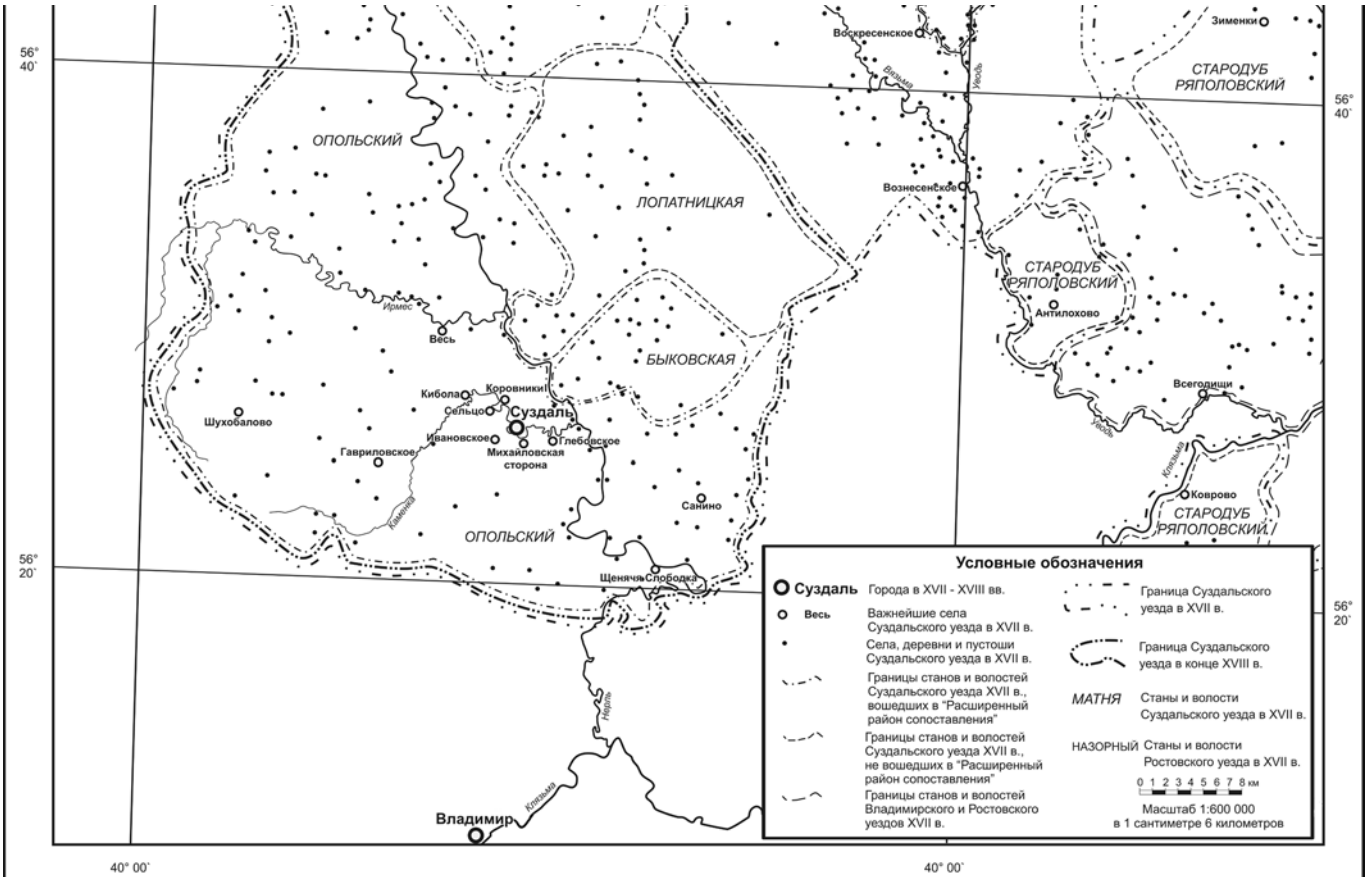
Масштаб 1:200 000
в 1 сантиметре 2 километра

Карта 9

“Расширенный район сопоставления”

Суздальский уезд в XVII - XVIII вв.





56° 40`
56° 20`
40° 00`
ОПОЛЬСКИЙ
ЛОПАТНИЦКАЯ
БЫКОВСКАЯ
СТАРОДУБ РЯПОЛОВСКИЙ
Воскресенское
Зименки
Вязьма
Уводь
Вознесенское
Антилохово
Всегодищи
Ковровo
Ирмес
Весь
Кибола
Коровники
Сельцо
Суздаль
Шухобалово
Ивановское
Глебовское
Гавриловское
Михайловская сторона
Санино
Каменка
Щенячь Слободка
Нерль
Клязьма
Владимир
Условные обозначения
Суздаль Города в XVII - XVIII вв.
Весь Важнейшие села Суздальского уезда в XVII в.
Села, деревни и пустоши Суздальского уезда в XVII в.
Границы станов и волостей Суздальского уезда XVII в., вошедших в "Расширенный район сопоставления"
Границы станов и волостей Суздальского уезда XVII в., не вошедших в "Расширенный район сопоставления"
Границы станов и волостей Владимирского и Ростовского уездов XVII в.
Граница Суздальского уезда в XVII в.
Граница Суздальского уезда в конце XVIII в.
МАТНЯ Станы и волости Суздальского уезда в XVII в.
НАЗОРНЫЙ Станы и волости Ростовского уезда в XVII в.
0 1 2 3 4 5 6 7 8 км
Масштаб 1:600 000
в 1 сантиметре 6 километров

Научное издание

Дмитрий Анатольевич Черненко

Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII–XVIII вв. (опыт региональной типологии)

Верстка и дизайн – Н.Н. Падалкина
Корректор – Е.В. Дуганова

В оформлении обложки использован фрагмент Атласа Суздальского уезда (ч. 3), созданного в ходе Генерального межевания (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 235).

Подписано в печать 11.08.2008.
Гарнитура типа Newton.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 13,0. Уч.-изд. л. 10,8.
Тираж 100 экз.

Издательство «Древности Севера».
160004, г. Вологда, ул. Октябрьская, 58, оф. 48.
Тел./факс (8172) 75-93-60. E-mail: drevnostisevera@mail.ru

Отпечатано ООО ТПФ «Граффити».
160035, г. Вологда, ул. М. Ульяновой, 9